

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2019 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

М.Л. Галас — Институционализация идеи общественно-го регулирования государственности в российских земских организациях в первой трети XX в. 8

СООБЩЕНИЯ

А.В. Борисов, В.И. Долинко — Уголовно-правовое противодействие преступности полицией Российской империи в период с XVIII в. по 1880-е гг. 29

Д.Ю. Знаменский, Н.А. Омельченко, Г.М. Сидорова — Системный кризис российского общества конца XVII в., характер, базовые противоречия и конфликтный потенциал преобразований Петра Великого 40

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А.А. Иванов, А.Э. Котов — Экономическая публицистика газеты «Украины России» (1906—1912 гг.)..... 50

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

М.С. Кищенко, Ю.С. Никифоров, Д.В. Тумаков — Презентация юбилеев Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева в региональных периодических изданиях: коммеморативная практика 64

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- К.А. Голиков** — Совместный российско-китайский университет «МГУ-Пекинский политехнический институт (ППИ)» в Шэньчжэне как фактор «мягкой силы» 76
- Б.А. Алимджанов, З.А. Алтымышова** — История деятельности Кашгарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка 88
- А.Х. Абдурасулов, А.Т. Жунушов, Р.С. Салыков, Б.И. Токтосунов** — Происхождение аборигенной киргизской лошади горного типа 101

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- И.Н. Колесников, М.В. Дарендорф, И.Н. Александрова** — Русские дипломаты в государствах Германии в XVIII в.: Пруссия, Саксония, Голштиния 106

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- М.В. Третьяков** — Работа Магаданского управления гражданской авиации во второй половине 1970-х гг... 119
- С.Г. Егоров** — Особенности партийно-государственного руководства в Кировской области в первые послевоенные годы 128
- И.Д. Борисова, Д.А. Ерин** — Деятельность советской милиции по охране социалистической собственности в период 1931—1941 гг. 135
- Н.А. Жиров** — Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. (Воронежский, Елецкий и Ливенский уезды) 147
- В.В. Ярыгин** — Антикитайские настроения в США в последней четверти XIX в. 157

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.Я. Кодинцев** — Историография обычного права финно-угорских и самодийских народов Западной Сибири. 166
- Е.В. Кодин** — Т. Снайдер. Дорога в несвободу: Россия, Европа, Америка 172

Хроника Великой Победы (1941—1945)

«Член Военного Совета Прибалтийского Военного Округа... приказал немедленно отобрать патроны и снаряды» (21 июня 1941 г.)

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики — ответы на вопросы Военно-научного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР бывшего командующего 11-го стрелкового корпуса 8-й армии Прибалтийского Особого военного округа, Героя Советского Союза, генерал-полковника М. С. Шумилова от 1952 года. Они касаются обстоятельств развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы накануне Великой Отечественной войны. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная Армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации, Прибалтийский Особый военный округ, М. С. Шумилов.

Abstract. “Voprosy Istorii” history journal presents the answers of the former to the questions of the Military scientific department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR by the former commander of the 11th infantry corps of the 8th army of the Baltic Special military district, Colonel-General, Hero of the Soviet Union Michail Shumilov dated 1952. They relate to the circumstances of the deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border on the eve of the Great Patriotic war. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation, Baltic Special military district, Michail Shumilov.

В конце 1940-х гг. Военно-научное управление Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР приняло решение обобщить представлявшийся неоднозначным опыт сосредоточений и развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной

границы 1941 г. накануне Великой Отечественной войны. С этой целью были заданы вопросы участникам указанных событий, занимавшим в начальный период войны различные должности в войсках военных округов:

1. Был ли доведен до Вас и частей Вашего Соединения в части их касающейся план обороны государственной границы. Если этот план был известен Вам как командиру соединения, то когда и что было сделано Вами по обеспечению выполнения этого плана.

2. В какой мере был подготовлен оборонительный рубеж по линии государственной границы и в какой степени он обеспечивал развертывание и ведение боевых действий частями вверенного Вами соединения.

3. С какого времени и на основании какого распоряжения части вверенного Вам соединения начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто для обороны границы до начала военных действий и какую задачу они получили.

4. Когда было получено Вами распоряжение о приведении частей вверенного Вам соединения в боевую готовность. Какие и когда были отданы частям соединения указания во исполнение этого распоряжения и что было ими сделано.

5. В каких условиях обстановки части вверенного Вам соединения вступили в бой с немецко-фашистскими войсками.

6. Где находилась артиллерия вверенных Вам частей и соединения к моменту начала боевых действий. Если она находилась в учебных артиллерийских лагерях, то когда она присоединилась к своим частям и соединению. Какова была обеспеченность боеприпасами частей и в целом соединения к началу боевых действий.

Ниже приводятся ответы на поставленные вопросы бывшего командующего 11-го стрелкового корпуса 8-й армии Прибалтийского Особого военного округа, Героя Советского Союза, генерал-полковника М. С. Шумилова, датированные 16 августа 1952 г.:

«На поставленные Вами вопросы отвечаю:

План обороны государственной границы до штаба и меня, как командира корпуса, не был доведен. Корпус выполнял отдельные задания по полевому заполнению в новом строящемся укрепленном районе и в полосе предполагаемого предполья. Эти работы к началу войны не были полностью закончены, поэтому, видимо, было принято решение корпусу занять оборону по восточному берегу р. Юра, т.е. на линии строящегося укрепленного района, а в окопах предполья было приказано оставить только по роте от полка.

Войска II Стрелкового корпуса оборону по р.Юра начали занимать по приказу Командующего 8 Армии с 18.6.1941 года. Мной был отдан приказ на занятие обороны только командиру 125 СД (стрелковой дивизии. — П.И.), Штабу и корпусным частям.

Другие дивизии на выдвижение получили приказ также устно через офицеров связи 8 Армии.

Штаб корпуса об этом был поставлен в известность также через офицера связи. Штаб корпуса на свой командный пункт выехал 18.6.1941 года. Войскам было приказано патронов и снарядов на руки не выдавать, не вести никаких заградительных работ. Разрешалось только улучшать окопы. Патроны и снаряды мной были выданы 20.6.1941 года и в это же время

началось минирование перед окопами вдоль шоссе Тауроген, так как наблюдением был установлен выход немецких частей к государственной границе.

21.6.1941 года в Штаб корпуса приезжал член Военного Совета Прибалтийского Военного Округа, который приказал начальнику штаба корпуса передать мне, что выдача патронов — провокация и приказал немедленно отобрать патроны и снаряды. По приезду в штаб об этом мне было доложено. Я запросил Штаб 8 Армии о письменном приказе, чтобы отобрать патроны и снять мины. Ответа на этот запрос ни от штаба 8 Армии, ни от Штаба Округа не получил.

Устное распоряжение через офицера связи 8 Армии корпус получил 17.6.1941 года о занятии обороны 125 СД о выдвигении корпусных частей и штаба корпуса на свой командный пункт, который заранее готовился наравне с полевым заполнением.

Другие дивизии о выдвигении к государственной границе получили приказ от штаба 8 Армии или от штаба округа, для меня было неизвестно. Штаб корпуса был поставлен в известность, что дивизии следуют к государственной границе.

125 СД, корпусные части, штаб корпуса оборону заняли 18.6.1941 года, остальные две дивизии были в движении.

Война началась в 4.00 22.6.1941 года, одновременно началась артиллерийская подготовка по частям 125 СД и пролетом самолетов через государственную границу в тыл нашей страны.

Мной немедленно было доложено Командующему 8 Армии, который находился на своем командном пункте в лесу западнее Шауляй. Получил приказ огня не открывать. На провокацию не поддаваться. Но войска без приказа открыли ответный огонь. Тауроген горел. Аэродром, находящийся в Шауляй был подвергнут бомбардировке. В направлении Шауляй были слышны разрывы бомб и зенитная стрельба. В 4 часа 30 минут мне командиром корпусного зенитного дивизиона, который находился в Шауляй на прикрытии, было доложено, что немцы бомбили аэродром в Шауляй, горят наши самолеты на аэродроме и что сбито два немецких самолета. Две дивизии и корпусные части вели бой по восточному берегу р.Юра, а 42 дивизия, находящаяся в г. Рига, была в движении направлении Расейняй.

Артиллерийские части корпуса находились вместе со своими дивизиями. Корпусные артиллерийские полки были выдвинуты к государственной границе к 18.6.1941 года.

В учебных артиллерийских лагерях артиллерийских частей не было.

Обеспеченность патронами и снарядами к моменту начала войны было до 1 БК (боекомплект. — *П.И.*), а обеспеченность 125 СД — выше, так как ее запасы все были с ней».

* * *

**Chronicle of the Great Victory
(1941—1945)**

**“A member of the Military Council
of the Baltic Military District...
ordered to remove ammunition and projectiles”
(June 21, 1941)**

At the end of the 1940s, the Military-scientific Department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR decided to summarize the ambiguous experience of concentration and deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border of 1941 on the eve of the Great Patriotic war. To this end, questions were asked to the participants of these events, who held various positions in the troops of military districts during the initial period of the war.

Below are the answers to the above-mentioned questions posed by the former commander of 11th infantry corps of 8th Army of the Baltic Special military district, Colonel-General M. S. Shumilov, dated August 16, 1952:

“I answer to the questions posed by You:

The plan of defense of the state border was not brought to the headquarters and me, as the commander of the corps. The corps performed separate tasks on the field filling in the new fortified area which was building and in the strip of the alleged assumption. These works was not completely finished by the beginning of the war, so apparently it was decided to use as the defensive line the Eastern Bank of the Yura River, i.e. on the line of the fortifying area, and in the trenches of the assumptions only one roth of each regiment were ordered to stay.

The troops of the II Infantry corps began to occupy defense position on Yura River by order of the Commander of 8th Army on 18.6.1941. I ordered the occupation of the defense only to the commander of 125th infantry division, Staff and corps parts.

Other divisions received orders for the occupying positions also orally via liaison officers of 8th Army.

Corps headquarters were informed about this through the liaison officer. The headquarters of the corps were came on his command post on 18.6.1941. The troops were ordered not to give cartridge and shells to soldiers, not to hold any defensive works. It was allowed only to improve trenches. Cartridges and shells were issued by me on 20.6.1941 and at the same time mining began in front of the trenches along the highway Taurogen, as the observation established moving of the German units to the state border.

On 21.6.1941 a member of the Military Council of the Baltic Military District came to the corps headquarters and ordered the chief of the corps headquarters to tell me that the giving cartridge to the soldiers was a provocation and ordered to remove ammunition and projectiles immediately. On arrival at the headquarters I was reported of this. I've requested 8th Army Headquarters for a written order about removing the ammunition and the mines. The answer

to this query was not received nor from the headquarters of the 8th Army or District Staff.

An oral order through liaison officer of 8th Army corps was given on 17.6.1941 for the occupation of the defense line by 125th infantry division, and moving corps parts and the headquarters of the corps to its command post which was preparing along with the field works.

The other divisions of the nomination to the state border received orders from 8th Army headquarters or from the headquarters district (it was unknown for me). Corps headquarters were informed that the division proceed to the state border.

125th infantry division, corps parts, corps headquarters took the defense on 18.6.1941, the two other divisions were in motion.

The war began at 4.00 on 22.6.1941, at the same time the artillery begun to bomb parts of 125th infantry division, and the aircrafts passed across the state border inside our country.

I immediately reported to the Commander of 8th Army, who was at his command post in the forest area West of Siauliai. I have got order not to open fire. Not to give up to the provocations. But the troops returned fire without orders. Taurogen burned. The airfield located in Siauliai was bombed. In the direction of Siauliai, bomb explosions and anti-aircraft gunfire were heard. At 4:30 commander of the corps air defense battalion, which was on cover positions in Siauliai, reported me that the Germans bombed the airfield in Siauliai, burning our planes at the airport and that two German aircraft were shot down. Two divisions and corps units were fighting on the Eastern Bank of Yura River, and 42nd division, located in Riga, was on the march on the direction of Raseiniai.

Artillery units of the corps were together with their divisions. Corps artillery regiments were put forward to the state border by 18.6.1941.

There were no artillery units in the training camps.

The provision of ammunition and shells by the beginning of the war was up to 1 ammunition unit, and for 125th infantry division it was higher, as its reserves were all with it”.

Институционализация идеи общественного регулирования государственности в российских земских организациях в первой трети XX в.

М.Л. Галас

Аннотация. В публикации рассматривается процесс институционализации идеи общественного регулирования государственности в российских земских организациях в первой трети XX века. Этот процесс исследуется в контексте особенностей российского государственного строя, местного самоуправления, социально ориентированной, просветительно-образовательной, экономической, организационно-производственной, оборонной деятельности земско-городской, кооперативной и аграрно-политической антисамодержавной оппозиции. Проведен анализ форм структурирования земского движения в систему государственной власти, в управление народным хозяйством, финансово-кредитную сферу.

Ключевые слова: земство, самоуправление, общественное регулирование, государственный строй, общественные организации, центральная власть, антисамодержавная оппозиция.

Abstract. The publication describes the process of institutionalizing public management ideas of nationhood in the Russian County organizations in the first third of the 20th century. This process is explored in the context of the characteristics of the Russian Government, local self-government, socially oriented, educational-educational, economic, organisational and production, defence activities zemsko-municipal, cooperative and agro-political opposite autocracy of the stonewall. The analysis of the forms of structuring provincial traffic in the system of Government in the management of national economy, the financial and credit sectors.

Key words: zemstvo system, self-reliance, public regulation, state system, civic organization, central government, opposite autocracy of the stonewall.

Земская 1864 г. и городская 1870 г. реформы создали особую систему местного самоуправления — всесловную, самостоятельную в решении локальных вопросов, предоставившую широкие полномочия в регионах, но встроенную в центральную систему самодержавной власти. Данная особенность содержала антагонизм интересов: дворянство выступало за расширение своего политического влияния, разночинное земство — за децентрализацию местного управления, самодержавный центральный аппарат — за сохранение единоначалия и неограниченности власти.

Активизация земского движения в России в неонародническом идеологическом контексте наблюдалась в период восстановления законности

и правопорядка во второй половине XIX века. С. Ю. Витте прогнозировал развитие политического антагонизма между централизмом императорской власти и доктриной местного самоуправления земских учреждений, иллюстрируя свои выводы событиями «скрытой борьбы» и «открытой революции» в Западной Европе, когда местное самоуправление предшествовало установлению конституционного строя на месте самодержавного администрирования, например, во Франции 1789—1991 годов. Земство, лишённое самостоятельности и ограниченное в компетенциях центральной самодержавной властью, контролируемое «на каждом шагу» правительством, подкупившим «наиболее многочисленные и наименее образованные, слои земельного дворянства», тем не менее, было опасно самодержавию¹. В 1901 г. министр финансов, статс-секретарь Витте в целях предупреждения конфликта интересов власти и земства предложил три меры: 1) создание «правильно утроенного», с точки зрения кадрового состава и финансирования, центрального «установления» для управления земскими учреждениями; 2) введение постоянных должностных лиц («членов присутствий по земским и городским делам»); 3) создание рамочной регламентации в уставах деятельности земских учреждений².

В первые десятилетия XX в. земское движение, институированное в общественные организации, активно включилось в антисамодержавную деятельность, став одной из значимых революционно-демократических сил. Земская идеология местного самоуправления трансформировалась в концептуальную идею общественного регулирования государственности России социального типа, направленного на согласование интересов страт гражданского общества, народовластие посредством представительства общественных организаций на местном и центральном уровнях, обеспечивающего непосредственное участие народа, как властного суверена, в экономической, социальной, политической сферах жизнедеятельности государства.

Концептуальная земская идея корреспондируется с проектом реформирования государственного строя России, разработанным министром внутренних дел М. М. Сперанским. В основе проекта — конституционная легитимация власти, представительная форма ее осуществления, цензовое по имущественному принципу всесословное избирательное право. Институт представительства в проекте Сперанского встроено в систему административно-территориальных дум (волостных, уездных, губернских и верховной государственной), ответственных перед избирателями с правом отзыва депутатов.

Галас Марина Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: MLGalas@fa.ru.

Galas Marina L. — doctor of historical sciences, professor, chief researcher of the Federal State Educational Institution of higher education budget “Finance University under the Government Russian Federation”. E-mail: MLGalas@fa.ru.

Проект Сперанского специалиста в области государственного права, как, например, помощник главы Дома Романовых Великого князя Николая Николаевича генерал В.И. Ромейко-Гурко, сопоставляли с организацией власти Советов в РСФСР³.

Императорский государственный аппарат России XX в., напротив, пытался легитимировать объединения гражданского общества, в том числе земские, в структуры центральной власти и управления. Соответственно, процесс институционализации концептуальной земской идеи общественного регулирования государственности стал дуалистичным — движение гражданского общества столкнулось с центробежной силой самодержавного управления. Симптоматичен возникший в межреволюционный период прецедент двоевластия: правопреемника центральной власти — Временного правительства и института гражданского общества — Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Неоднозначность целей, задач институционализации, направлений деятельности, концептуальной идеи земского движения отражена в историографии. Так, например, М.Д. Загряцкий пришел к выводу, что в годы первой мировой войны деятельность Всероссийского земского союза вышла за рамки социально-экономической и расширилась до правотворческой. С точки зрения социально-классового подхода трактовал земское движение В.И. Гриневецкий, причисляя всероссийские земский и городской союзы к буржуазно-помещичьим организациям.

На политическую оппозиционность самодержавной власти Всероссийского земского союза обратил внимание в своих исследованиях С.Л. Гисин. Социально-экономическую деятельность земских организаций в контексте их взаимоотношений с центральной властью и местным управлением рассматривали Я.М. Букшпан, А.А. Маниковский, А.П. Погребинский, А.Л. Сидоров, В.И. Маевский.

В рамках научной дискуссии 1970-х — 1980-х гг. по проблемам политического кризиса в Российской империи периода первой мировой войны обсуждались вопросы оппозиционности земских организаций и объединений самодержавной власти, их взаимодействия с политическими партиями, межпартийными структурами.

А.Я. Аврех трактовал всероссийские земский и городской союзы как самостоятельную политическую силу. В.И. Старцев считал эти организации идейно зависимыми от «Прогрессивного блока». В.Я. Лаврычев и Н.Г. Думова видели во взаимодействии «Прогрессивного блока» и союзов процесс становления национал-либеральной партии, не получивший завершения. Н.Н. Яковлев считал, что всероссийские земский и городской союзы вместе с либералами стремились к верховной власти и избрали тактику ее дискредитации, затрудняя решение военных, продовольственных и иных ключевых вопросов.

Изучая историографию общественных организаций периода первой мировой войны, М.Ф. Юрий пришел к выводу, что всероссийские земский и городской союзы в определенной мере взяли в свои руки функции государственного управления.

Современных исследователей интересуют взаимодействие структур земского и городского самоуправления с центральной властью, политическими партиями, социальными группами; организация, статус, формы

деятельности всероссийских земского и городского союзов; местные земские и городские организации. Так, А.С. Туманова трактует земские общественные организации как легитимные, некоммерческие, самоуправляемые, созданные в целях решения актуальных социальных вопросов. С.В. Куликов считает всероссийские земский и городской союзы социально-политической базой либеральной оппозиции. Финансовая правительственная поддержка этих объединений дает основание исследователю характеризовать их как государственные несмотря на общественные названия.

В данной публикации земские организации и генезис их концептуальной земской идеи общественного регулирования государственности рассматриваются с точки зрения исторически сложившегося дуализма, сочетающего централизованное государственное регулирование и общественное самоуправление. На протяжении первой четверти XX в. российское земство балансировало между государственной властью и управлением, тяготевшим к единоначалию, и общественным самоуправлением, вступая в политические коалиции, блоки, надпартийные объединения, взаимодействуя с либеральной оппозицией, все активнее сопротивляясь анахронизмам самодержавия.

Важным событием для развития политической деятельности земства было учреждение императором 22 января (4 февраля) 1902 г., по инициативе Витте, Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее — Особое совещание). Оно получило статус межведомственного консультативного органа для разработки социально-экономических мероприятий в аграрной сфере, в том числе в вопросах крестьянского землепользования и землевладения.

Особое совещание действовало параллельно с Редакционной комиссией Министерства внутренних дел по пересмотру крестьянского законодательства под председательством А.С. Стишинского. О комплексности рассмотрения вопросов Особым совещанием говорит его структуризация: он был разделен на 12 комиссий, в работе которых участвовало 87 земских представителей с правом совещательного голоса. Представители информировали о проблемах агротехнического обеспечения, агропромышленного просвещения, землеустройства, рынка сбыта сельхозпродукции и транспортной инфраструктуры, о тарифах и налогах, об организации крестьянами самоуправления, о перенаселении Центральной России и задачах переселенческой программы, а также вносили предложения о преобразовании системы государственного управления. Однако постоянный состав Особого совещания был представлен государственными деятелями: И.И. Воронцовым-Дашковым, А.С. Ермоловым, В.Н. Коковцовым, А.А. Половцовым, П.А. Сабуровым, П.П. Семёновым-Тян-Шанским, Ф.Г. Тернером, С.Д. Шереметьевым и др.

Наряду с Особым совещанием в 1902 г. были учреждены местные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности, из них 82 комитета — в губерниях и областях под председательством губернаторов, 536 — в уездах и округах под председательством предводителей дворянства. Комитеты были составлены из выборных должностных лиц дворянского и земского самоуправления, представителей сельскохозяйственных обществ, приглашенных специалистов. Работа этих структур была интен-

сивной, и уже в 1903 г. удалось издать Свод трудов местных комитетов о сельскохозяйственной промышленности в 57 тематических томах.

Особое совещание поддержало идеи местных комитетов о равных правах для крестьян с другими сословиями, о бессословности судопроизводства, о создании поселкового/волостного самоуправления с административными полномочиями. Эти предложения были легитимированы в Именном Высочайшем Указе Правительствующему Сенату от 12 (25) декабря 1904 года ⁴. Основная часть предложений была взята за основу аграрной реформы А. А. Кривошеина, П. А. Столыпина.

Особым совещанием были поддержаны и предложения комитетов о поэтапном переходе к частному крестьянскому землевладению с закреплением наделов в собственности, о снижении косвенного налога и введении подоходного налогообложения и т. д. Особое совещание инициировало законодательное закрепление идеи об организации учреждений малого кредитования, что нашло отражение в новом Положении об учреждениях мелкого кредита от 7 июня 1904 года ⁵. Оно определило целью деятельности учреждений мелкого кредита облегчение хозяйственных оборотов для крестьян, ремесленников и промышленников, а также сельскохозяйственных артелей, товариществ и обществ, и предоставление занятым в аграрной промышленности лицам денежных средств для приобретения инвентаря на выгодных условиях.

Основной капитал аграрных производителей освобождался от монополии Государственного банка и формировался паевыми взносами. В результате произошло снижение процентной ставки до 4—5% годовых. Паевой взнос в 10—100 руб. был доступен крестьянам и аграриям-предпринимателям. Стремительно росли товарищества мелкого кредита. К 1914 г. Россия лидировала по темпам роста учреждений кредитной кооперации и абсолютному числу ее членов. Насчитывалось более 14 500 таких учреждений с балансовыми средствами порядка 709 000 000 руб., консолидировавших около 9 500 000 сельских хозяйств ⁶.

По инициативе Особого совещания был высочайше учрежден и утвержден Государственным Советом 30 мая (12 июня) 1905 г. новый институт — Съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства (далее — Съезд представителей), который функционировал до 1918 года. К 1917 г. он объединил около ста обществ биржевой торговли, горнопромышленников Юга России, стеклозаводчиков, мукомолов, тринадцать акционерных коммерческих банков, шесть обществ страхования. Руководящими органами Съезда представителей были Всероссийские съезды, исполнительный Совет съездов (с 1914 г. им руководил В. И. Тимирязев). Съезд представителей выступал с законодательной инициативой: специалистами были подготовлены десять законопроектов, десятки предложений для правительства (среди них: по государственному промысловому налогу, мероприятиям по улучшению торговли хлебом, др.). Труды участников Съезда представителей публиковались в более чем тридцати периодических изданиях ⁷.

Дав начало значимым российским общественным институтам, Особое совещание было упразднено Высочайшим указом от 30 марта (12 апреля) 1905 г. — в период нарастания революционных событий и сообразно идеи генерал-губернатора Петербурга, а с мая 1905 г. — товари-

ща министра внутренних дел Д.Ф. Трепова, о приоритете мероприятий экономической направленности и ограничении социально-политических преобразований в целях укрепления центральной власти.

Ноябрьский 1904 г. всесословный Земский съезд (Частное совещание земских деятелей) вошел в историю как рупор идеи создания института народного представительства для решения острых вопросов своего времени, в их числе — обеспечение народного согласия и стабильности власти посредством реформирования государственного строя по типу конституционного правления и расширение функций общественного самоуправления, а также гарантий гражданских свобод.

Показательно подписание на квартире В.Д. Набокова резолюции Частного совещания земских деятелей будущими думскими лидерами М.В. Родзянко, С.А. Муромцевым, Ф.И. Родичевым, И.И. Петрункевичем (земским гласным, членом партии кадетов), Ф.Ф. Кокошкиным (членом Московской губернской управы, специалистом в области государственного права, в дальнейшем лидером кадетов), председателем Всероссийского союза городов М.В. Челноковым, В.И. Вернадским, К.К. Арсеньевым, К.Е. Львовым, вошедшим в историю пореволюционной России как первый председатель Временного правительства. Следуя логике реформы сверху, от имени съезда резолюцию Правительственному совещанию, работавшему под председательством императора 7 декабря 1904 г., передал один из идеологов народного представительства Д.Н. Шипов. После этого в конце ноября — декабре 1904 г. в ходе «банкетной кампании» «Союза освобождения» ее положения получили широкое распространение в общественной среде⁸.

Делегаты майского 1905 г. «коалиционного» Земского съезда на фоне трагичных для русского флота событий при Цусиме попытались не делать резких заявлений. Разделившись идейно к апрелю 1905 г. на правое и левое течения земцы согласились направить к императору представителей Съезда для вручения адреса, в котором, как известно, излагалась идея сотрудничества государственной власти и народного самоуправления, подтверждалось стремление земства к конституционным преобразованиям политического строя, «двухстепенным» выборам в Земскую палату.

В июне того же года князь С.Н. Трубецкой представил государю адрес, который акцентировал внимание главы государства на главных принципах земской идеи политических реформ — безцензовом представительстве, гражданском равноправии, ответственности бюрократии.

Под контролем губернаторов и структур Министерства внутренних дел весной-летом 1905 г. прошли сессии земств в 19-ти губерниях. Либеральную позицию заняли представители Таврической, Черниговской губерний, умеренную — Петербургской губернии. Общей для губернских земств неизменно оставалась идея народного представительства. Петербургские земцы ограничивали его законосовещательными функциями. Все земские съезды выступили с критикой затягивания реформ центральной властью, ведущего к разрастанию общественного конфликта.

Псковские делегаты настаивали на включении земских выборных в состав возглавляемого министром внутренних дел А.Г. Булыгиным Особого совещания для выработки проекта закона о созыве законосовещательной Государственной думы. Земства Вологодской, Вятской, Костром-

ской, Херсонской, Ярославской губерний были солидарны с псковскими коллегами и предлагали конституционно закрепить представительный принцип формирования власти. В Вологодской, Новгородской, Саратовской, Уфимской губерниях земские гласные высказались за всеобщее равное избирательное право с прямыми, тайными выборами. Земство Таврии поддерживало косвенную двухступенчатую систему выборов. Черниговцы сочли оптимальной четырехступенчатую систему выборов для нижней палаты представительного органа. Верхнюю палату земцы этой губернии предложили формировать из выборных земского и городского думского самоуправления.

Опасаясь активизации самоуправляемого губернского земства и выхода его из-под государственного контроля, министр внутренних дел запретил июльский 1905 г. земско-городской съезд, несмотря на благоприятный предлог его созыва — обсуждение итогов июньской депутации к главе государства. Тем не менее приказа о разгоне съезда в случае его собрания дано не было, только предписание о переписи участников с последующим предложением прекратить работу.

Земцы убедились в бессмысленности апеллирования к центральной власти и необходимости прямого обращения к народу. Петрункевич составил проект «Обращения к народу». Львов и Трубецкой сочли проект чрезмерно резким, но большинство членов бюро поддержали обращение. Юридическая комиссия в составе Кокошкина, Муромцева, Набокова отредактировала текст, исключив радикальные формулировки и придав ему мирный подтекст. Основной лозунг этого обращения — достижение легитимными средствами «истинного» народного представительства. Одним из главных средств было названо вхождение большим составом в Государственную думу и создание в этом представительном органе сплоченной парламентской группы. Представители левого земского течения опасались дискредитации присоединением к «булыгинской» Государственной думе. Участники запрещенного съезда оставили этот вопрос открытым до принятия закона о Государственной думе⁹.

Идеи, высказанные в «Обращении к народу», земские лидеры популяризировали через губернские представительства. Проводилась просветительная работа среди крестьян, сельских обществ, оказывалась социально-экономическая поддержка нуждающимся. При активном участии либерально настроенных представителей правого земского течения в Москве 31 июля — 1 августа 1905 г. прошел Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза. Идеино-политическое воздействие земцы оказывали через профессиональные, просветительные, образовательные, социальные, агрономические и землеустроительные крестьянские общества, артели и иные организации и объединения.

«Союз освобождения» в ноябре 1904 г. выдвинул идею объединения организаций интеллигенции и профессионалов, членов бюро земских съездов в «Союз союзов». Деятельность в этом направлении активизировалась после вступления в силу Именного Высочайшего Указа Правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г.¹⁰, разрешавшего подданным, организациям и учреждениям вносить предложения об улучшении государственного устройства и народного благосостояния на рассмотрение Совета министров. Уже весной 1905 г. были учреждены союзы

писателей, учителей, инженеров, адвокатов, присяжных поверенных, агрономов, статистиков, железнодорожников и т. д. В мае 1905 г. прошел Учредительный съезд «Союза союзов» в Москве. В работе съезде приняли участие 14 профессиональных союзов. Председателем стал П. Н. Миллюков. Программные положения не были подготовлены к съезду, а целью деятельности организации провозглашалось объединение общественности для противодействия политическому режиму самодержавия. В «Союзе союзов» к лету 1905 г. стало превалировать левое направление, и на третьем съезде 1—3 июля 1905 г. большинство участников проголосовало за бойкотирование выборов в Государственную думу ¹¹.

Съезд группы земцев-конституционалистов, состоявшийся в июле 1905 г., объявил об исчерпании политической платформы «освобожденцев», а Бюро группы призвало к формированию совместно с другими профессиональными и политическими объединениями конституционно-демократической партии. Симптоматично, что уже на организационной стадии выкристаллизовались умеренная (Вернадский, П. А. Гейден, С. А. Котляревский, Трубецкой, др.) и радикальная (Л. Д. Брюхатов, А. А. Мануйлов, М. Л. Мандельштам и др.) группы ¹².

Закон от 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы, Манифест 17 октября 1905 г. укрепили идейные позиции либерального земства. В либеральном контексте прошли четвертый съезд «Союза освобождения» в августе и земско-городской съезд в сентябре 1905 года. Сентябрьский съезд земско-городских представителей обозначил идейный раскол земской оппозиции. В работе съезда впервые приняли участие делегаты от Царства Польского, Северо-Западного края, Области войска Донского, Сибири. После принципиальных споров съезд проголосовал за участие в работе Государственной думы, право культурного самоопределения народов России, местные автономии и автономию Царства Польского, отчуждение частновладельческих земель в определенных законом случаях, постепенное установление восьмичасового рабочего дня для мужчин во всех сферах производства, за исключением случаев невозможности применения такого ограничения. Лидер меньшинства Д. Н. Шипов призвал к отзыву с земских съездов представителей земств ввиду отказа от концептуальной идеи общественного регулирования государственности и народовластия. Ряд губернских земств поддержали «шиповцев» (Калужской, Новгородской и др. губерний).

Ноябрьский 1905 г. Земско-городской съезд выступил за сотрудничество с центральной властью, что нашло поддержку у губернских земских собраний. Представители земского движения вошли в состав оформившихся в этот период Конституционно-демократической партии (левое земское течение) и «Союза 17 октября» (правое земское течение). В губернских земских собраниях произошла смена гласных сторонниками умеренного государственно-охранительного направления (в Петербургской, Орловской, Калужской, Новгородской и др. губерниях).

Наряду с политической и идейно-просветительной деятельностью земства продолжали социально-экономическую работу среди сельских жителей губерний. В неурожайные 1905—1910 гг., вследствие природно-климатических особенностей, агротехнических просчетов, недостатков социально-экономического регулирования, в губерниях средне-

го Черноземья, Приволжья, Поволжья, Заволжья, а также в восточных губерниях население страдало от голода. Голод охватил традиционно земледельческие губернии, занимавшие более 40% пахотных земель Российской империи¹³. Земские деятели, специалисты-аграрники, агрономы, медицинские работники, волонтеры направляли заявления в «Союз земств» с просьбой о помощи голодающим. Как писал представитель организационно-производственной школы, а в 1907 г. молодой ученый Н.П. Макаров, голод — болезнь, вызванная социальной причиной¹⁴. Помимо помощи специалистов, земства предоставляли хозяйствам, сельским обществам, аграриям продовольственные ссуды. Подобные операции контролировало Министерство внутренних дел. Согласно Правилам 1901 г.¹⁵, сельские общества были обязаны составить «приговор» об избрании способа обеспечения продовольственной помощи: общественные запасы зерна, денежные продовольственные сборы, совмещение засыпки зерна в общественные магазины и денежных взносов. Изменение избранного способа Правилами 1901 г. допускалось лишь на основании особого разрешения губернатора/генерал-губернатора. Продовольственно-ссудные операции в губернии или между губерниями осуществлялись по запросу министра внутренних дел на Высочайшее имя (императору) через Кабинет министров¹⁶.

Продовольственно-ссудная реформа привела к чрезмерному администрированию и несвоевременности оказания помощи нуждающимся в период голода. Сельские общества рассматривали модель общественных общеимперских фондов как новое налоговое бремя и противились перемещению своих общественных запасов в другие пострадавшие от неурожая губернии. Земства оказывали помощь посредством организации общественных рабочих мест, пунктов питания, агрономическими, землеустроительными, медицинскими мероприятиями. Наряду с Красным Крестом, Попечительством о трудовой помощи, др. организациями помощь голодающим оказывали земские институты, такие как Общество помощи голодающим (создано в декабре 1905 г., объединило более двадцати общественных организаций, в числе которых Всероссийский союз медицинского персонала, Крестьянский союз и др.). За период 1906—1907 гг. земскими общественными организациями, объединениями и частными лицами была оказана помощь сельским жителям, пострадавшим от неурожая, на 180 000 000 руб., приобретено и передано в качестве продовольственной ссуды 146 600 000 пудов хлеба¹⁷.

Уже ко второму десятилетию XX в. в России сложилась группа земско-кооперативных лидеров, представленная ведущими учеными-аграрниками и общественно-политическими деятелями (Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Литошенко, Львов, С.Л. Маслов, К.А. Мацеевич, Н.П. Огановский, С.Н. Прокопович, А.А. Рыбников, П.А. Садырин, А.Ф. Фортунатов, А.В. Чайнов и др.). Это были яркие представители Всероссийского земского союза, Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов, Лиги аграрных реформ, Всероссийского Совета кооперативных съездов, сыгравших заметную роль в подготовке проектов реформирования экономической системы, землепользования и землевладения, государственного управления¹⁸. Активную профессиональную и политическую деятельность они продолжили после Февра-

ля 1917 года. Показательно, что земско-кооперативных лидеров называли «детьми февраля».

Ученые новой земско-кооперативной формации приняли активное участие в работе Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению ¹⁹, где обсуждались результаты статистических исследований, инновационные аграрные технологии, методы кооперативной организации, проекты реформирования экономической системы государства, формы работы с крестьянством и сельскими обществами. Доклады участников публиковались в ежегодных сборниках трудов съезда. Такие внепартийные общественные институты содействовали формированию концепции земской идеи общественного регулирования основных сфер жизнедеятельности государства, а также активизировали крестьянство к активному технологическому реформированию и самоуправлению, культуре и просвещению.

Подобные задачи ставились и другими значимыми земскими организациями: Земледельческой школой Московского общества сельского хозяйства, Совецанием представителей земств под председательством начальника Главного управления по делам местного хозяйства по вопросу улучшения земских финансов, Общим земским съездом по народному образованию, Общим земским съездом по статистике народного образования, Съездом по общественному презрению и др. В работе земских съездов принимали участие представители десятков губерний России, сотен уездов, тысячи делегатов, среди которых были председатели и гласные земских управ, ученые, педагоги, врачи, члены профсоюзов, кооператоры, общественные деятели, состоявшие в различных политических партиях (октябристы, кадеты, народные социалисты, социалисты-революционеры, социал-демократы), а также беспартийные ²⁰.

Одним из влиятельных общественно-кооперативных объединений первых десятилетий XX в. являлось Санкт-Петербургское отделение Комитета сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ. Оно присуждало почетные звания членов-корреспондентов талантливым исследователям, публиковало в своих «Известиях» научные работы, земские и кооперативные проекты, предложения по строительству агроперерабатывающих заводов, кредитных, ссудо-сберегательных касс, производственных товариществ, организаций крестьянской кооперации ²¹. Циклы лекций по политической экономии, кооперации, статистике организовывались для слушателей профессиональных курсов Московским обществом кредитных объединений ²². Крупным образовательно-просветительным центром был Народный университет им. А.Л. Шанявского. Активную деятельность в сфере профессионального образования и просвещения проводило Харьковское общество сельского хозяйства. В частности, Комитет содействия сельскохозяйственной кооперации этой общественной организации приглашал известных экономистов, ученых, кооператоров. Активными деятелями Харьковского общества сельского хозяйства были Огановский, Фортунатов, А.Н. Челинцев, Чайнов, В.И. Анисимов, А.Н. Анцыферов, Б.Д. Бруцкус, П.П. Маслов, К.Г. Маньковский, Матеевич ²³. Издавался инновационный в то время «Агрономический журнал» ²⁴.

По актуальным экономическим вопросам проводились специальные съезды, создавались отраслевые комиссии. Например, в 1913 г. прошли

следующие мероприятия: областной Съезд по упорядочению хлебной торговли на Юге России — в Екатеринославле, Совещание по сельскохозяйственному опытному делу — в Петербурге, заседание Комиссии по вопросам земской статистики — в Москве, I Всероссийский сельскохозяйственный съезд — в Киеве.

В годы первой мировой войны земское движение консолидировал Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (далее — Земский союз), учрежденный решением Всероссийского съезда представителей губернских земств 30 июля (12 августа) 1914 года. Земский союз совместил общественное регулирование социально-экономических вопросов и политическую деятельность по кардинальному изменению государственного строя России, став флагманом антисамодержавной оппозиции. Такое объединение, претендовавшее на правопреемство верховной политической власти посредством легитимации представительного государственного строя, должно было иметь разветвленную и хорошо организованную структуру. Распорядительные функции Земского союза выполняло Собрание уполномоченных представителей губернских земств. В структуру Земского союза были включены губернские, уездные, фронтовые комитеты. Патронировала деятельность Земского союза Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

Бюджет организации формировался за счет отчислений земств, государственных кредитов и субсидий (к середине 1916 г. — более 265 000 000 руб.), частных пожертвований (к середине 1916 г. — 14 000 000 рублей). Земский союз был ассоциирован с Российским обществом Красного Креста, что обосновывалось общим направлением деятельности по эвакуации раненных, беженцев, организации санитарных поездов, госпиталей, медицинских учреждений, санитарно-дезинфекционных структур, по обеспечению армии медикаментами, продовольствием, обмундированием. Для выполнения заказов армии Земский союз организовывал свои промышленные предприятия (завод санитарной техники, автомобильно-ремонтный завод и др.). О масштабе деятельности Земского союза свидетельствует и количество подконтрольных ему учреждений — 7,7 тысяч ²⁵. После Февраля 1917 г. Земский союз был правомочен учреждать фабрично-заводские, торговые, кредитные предприятия, а также учебно-образовательные учреждения ²⁶.

В 1914 г. Съезд представителей городов поддержал идею создания Всероссийского городского союза — структуры, аналогичной по целям и задачам Земскому союзу. Территориальные структуры Всероссийского городского и Всероссийского земского союзов организовывали научные исследования по различным экономическим и производственным направлениям ²⁷. Симптоматично, что в 1915 г. союзы объединились в Главный комитет Всероссийского Земского и Городского союзов (далее — Земгор) под председательством князя Львова, после Февраля 1917 г. — первого председателя Временного правительства. Объединение союзов составило мощный антисамодержавный блок, позволило более эффективно организовать госпитально дело, патронат инвалидов, помощь беженцам ²⁸, производство лекарственных средств и обеспечение медицинскими препаратами.

Вопросы снабжения армии и фронта Земгор согласовывал с Центральным военно-промышленным комитетом (далее — ЦВПК), учре-

жденным 12 (25) июня 1915 года²⁹. Эти объединения совместно подняли вопрос о реорганизации Управления снабжения армии. Предлагалось ввести должность особого общественного помощника военного министра, под контроль которого передать объединенное управление артиллерийского, технического, интендантского, военно-санитарного ведомств, а также Особое совещание представителей военно-промышленных комитетов, Земгора, законодательных органов, рабочих.

Предложения нашли свое административное воплощение: 17 августа 1915 г. было создано Особое совещание по обороне государства, куда военный министр пригласил представителей Земгора и ЦВПК, членов Государственного Совета, Государственной думы, чиновников министерств (военного, морского, путей сообщения, государственного контроля, финансового, торговли и промышленности). Также были организованы новые институты управления промышленностью и финансами — особые совещания (по обороне государства, обеспечению топливом, по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов). Особые совещания получили право контроля за деятельностью заводов, распределением и выполнением государственных заказов, инициированием отстранения от занимаемой должности руководства заводов в случаях ненадлежащего выполнения должностных обязанностей, ликвидации частных предприятий, связанных с военными поставками.

Летом 1916 г. руководство Экономического совета Всероссийского союза городов инициировало разработку ведущими отечественными специалистами и общественными деятелями научно-практических предложений по совершенствованию государственной экономической политики. Проекты исследований открыто обсуждались в рамках Экономического совещания.

По замыслу земско-городской антисамодержавной оппозиции общественные коалиционные объединения должны были последовательно заменить органы власти и управления, неэффективные в условиях развивающегося общественно-политического, социального, экономического кризиса. Среди таких альтернативных центральному аппарату институтов было Общественное Экономическое совещание при Всероссийском союзе городов, которое, как виделось руководству союза, могло заменить государственное Высшее экономическое совещание в Петербурге. В Москве 8 (21) мая 1916 г. совещание экономического отдела Союза городов предложило сформировать Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу с функциями государственного управления³⁰.

Показательна инициатива Московского совещания председателей губернских земских управ по продовольственному вопросу (25—27 октября 1916 г.), которое поручило Главному комитету Всероссийского земского союза (далее — ГКВЗС) организовать участие этого общественного института в Особом Совещании по продовольственному вопросу в местных структурах. В ходе выполнения поручения ГКВЗС создал при своем Экономическом отделе (постоянными членами были Макаров, Мацевич, Рыбников, Чаянов, Челинцев и др.) Продовольственное отделение под руководством Чаянова³¹.

Челинцев инициировал установление фиксированных цен на продовольствие для предотвращения их резкого скачка и разработал ме-

тодику их вычисления для каждого экономического района. Он также предложил разработать государственную программу поддержки мелких сельских хозяйств. Общественным организациям, по мнению ученого, следовало передать функции распределения государственных кредитов, заказов; компенсации реквизированных для нужд государства хлебных запасов и продовольственных денежных отчислений путем организации поставок кормов, семян малопроизводительным крестьянским хозяйствам, аренды пастбищных угодий, проведением других аграрных мероприятий³².

Для централизованного регулирования специалисты Продовольственного отделения считали необходимым учреждение общественно-государственного института — Министерства снабжения с территориальными отделами, а также системы губернских уполномоченных местных продовольственных совещаний, избираемых земскими собраниями и городскими думами. Продовольственные совещания, др. органы самоуправления предлагалось наделить правом решения местных продовольственных и производственных задач (от продовольственных разверсток до разработки производственных планов). Однако финансирование новых институтов в проекте земцев-аграрников предполагалось возложить на государственное казначейство. Центральное руководство подвергло проект Продовольственного отделения Экономического отдела критике и сочло несостоятельным. В свою очередь, авторы проекта обвиняли центральную власть в разрушении государства и его экономической системы, грозящем общегосударственной катастрофой, и призывали «живые силы» России смягчить ее удары кардинальными преобразованиями управления и власти³³.

В политической сфере Земский союз, как известно, был солидарен с «Прогрессивным блоком», привержен идее ответственного правительства и народовластия в форме представительства. Следует отметить, что Съезд председателей губернских земских управ проголосовал за обращение к главе государства с требованием замены «реакционных» министерств и формирования ответственного перед Государственной думой правительства. Идентичные требования выдвинули партийные съезды кадетов и «прогрессистов» в Петрограде.

После Февраля 1917 г. земцы и кооператоры пытались восстановить Всероссийский крестьянский союз (далее — ВКС), съезд которого прошел в Москве 31 июля — 6 августа (13—19 августа) 1917 года. С такой идеей выступили народные социалисты Анисимов, Н.В. Чайковский, Н.П. Макаров. Уже в мае 1917 г. в Петрограде собрался I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, который окончательное решение земельного вопроса оставил за Учредительным собранием и призвал крестьян поддержать деятельность земельных комитетов, а также проголосовал за активную политическую деятельность общественных организаций и участие их в государственных органах власти и Советах. В условиях межпартийных конфликтов революционного времени объединение под крышей ВКС разных направлений социалистов и беспартийных было утопичным. Одновременно с этой организацией формировался механизм Советов крестьянских депутатов. К лету 1917 г. в России функционировали разные типы крестьянских объединений: дочерние организации партии

социалистов-революционеров; самостоятельные крестьянские объединения; отделения Всероссийского крестьянского союза.

Аграрный вопрос, доминантой которого были проблемы землепользования, в предреволюционные и пореволюционные годы стал одним из главных, во многом определявшим политический расклад, государственное управление, властные решения. Симптоматично, что разработкой аграрной реформы консолидировано занимались Министерство земледелия, Главный земельный комитет, его местные комитеты и межпартийная научно-общественная организация Лига аграрных реформ (далее — Лига), сложившаяся к апрелю 1917 г. при участии Вольного экономического общества, Московского и Харьковского обществ сельского хозяйства, Земского союза. В оргкомитет, сформированный на первом учредительном собрании, вошли Макаров, П. П. Маслов, С. Л. Маслов, Огановский, А. В. Пешехонов, Чайнов, Челинцев. В апреле 1917 г. состоялся Учредительный съезд Лиги, в котором приняли участие представители 20 губерний. Следующие съезды прошли в июне и ноябре 1917 года. Лига организовала 12 изданий, более 50 отделений в губерниях.

Главный земельный комитет и Министерство земледелия разрабатывали законопроекты на основе идей и концепций ученых-аграрников Лиги. Временное правительство назначило в состав Главного земельного комитета (далее — ГЗК) ученых из числа земско-кооперативных деятелей. В Совет комитета ГЗК были избраны А. А. Кауфман, Литошенко, Кондратьев, П. П. Маслов, Мацеевич, А. Н. Минин, Огановский, Рыбников, Макаров, Челинцев³⁴. Параллельно ими велась работа в комиссиях, подкомиссиях аграрного отдела Министерства земледелия³⁵.

Споры велись относительно приоритетных при реформировании типов крестьянских хозяйств. Для обсуждения на совещаниях Министерства земледелия, сессиях ГЗК и заседаниях комиссий и подкомиссий были подготовлены доклады, аналитические записки, обзоры³⁶.

Челинцев убеждал коллег, что крупные капитализированные хозяйства малочисленны, а потому не могут стать главными производителями продуктов питания, а их аграрные технологии дорогостоящи и технологически сложны для численно преобладавших в России рассматриваемого периода мелких потребительных крестьянских хозяйств³⁷. Поэтому он считал необходимым разработать норму права об учете интенсивности (трудоемкости) крестьянских хозяйств при наделении их землей.

Бруцкус, Кауфман, Литошенко, Прокопович предлагали законодательно ввести «уравновешенную» форму хозяйствования — сбалансированную между мелкой потребительной и крупной капитализированной. Другая группа ученых (Макаров, Минин, Чайнов) предлагала для предупреждения роста дифференциации крестьянских хозяйств в многоземельных аграрных районах использовать метод прогрессивного рентного налога, что позволит путем финансово-налогового регулирования ограничить обезземеливание мелких и рост «занадельных верхов» крупных хозяйств³⁸. Но такой метод был опасен выступлениями крестьян против рентного налогообложения³⁹.

Споры велись и вокруг вопроса перераспределения земельного фонда. Предлагалось отчуждать угодья, арендованные мелкими хозяйствами, а также земли хозяйств с экстенсивными технологиями и низкой произво-

дительностью. Крупным капитализированным хозяйствам предлагалось выделять пахотные земли по трудовой норме с учетом наемного труда. Недостатком такого решения был многократный рост трудовых норм крупных хозяйств⁴⁰. Кауфман был убежден в нецелесообразности перераспределения пахотных угодий по причине малоэффективности мелких крестьянских хозяйств. Вопрос, по его мнению, мог быть решен только совершенствованием технологий производства, землеустройства, инфраструктуры и т.д., то есть комплексными экономическими и организационно-производственными мероприятиями⁴¹.

Дискутировали аграрники Лиги и по вопросу переселения крестьян из малоземельных губерний Центрального земледельческого района. Так, Челинцев был убежден, что переселение может стать действенным средством решения проблемы малоземелья внутри аграрного района. Чаянов видел в переселении только политическое средство снижения напряженности среди крестьянства. Бруцкус, Макаров, Кауфман были убеждены, что этот метод затруднит организацию землепользования по причине недостаточности территорий для переселения, отсутствия должной технической подготовки и финансовой поддержки, а также местнической идеологии крестьян.

Учитывая показатели кадастровой оценки фонда сельскохозяйственных земель, расчеты земской статистики, интересы крестьянства, аграрники достигли взаимопонимания. II Всероссийский съезде Лиги в июне 1917 г. проголосовал за идеи аграрного реформирования, разработанные Огановским, Челинцевым, Анисимовым и др. Эти идеи учли Комиссия по перераспределению земельного фонда и Главный земельный комитет. Землеустройство крестьянских хозяйств и организацию землепользования предлагалось провести, взяв за основу аграрную реформу Кривошеина, Столыпина. Соответственно, организации землепользования должно было предшествовать землеустройство: объединение пахоты, отрубов в Восточной России, выделение хуторов на юго-западе европейской части страны⁴².

Кроме того, была разработана методика расчета нормы наделения крестьян пахотной землей. Методика принимала во внимание количество потребителей и трудоспособных работников в крестьянском хозяйстве. Норма наделения дифференцировалась соответственно производственному типу хозяйства, увеличиваясь для капитализированных и высококультурных. Методика потребительно-трудового наделения землей была взята за основу советского землеустройства и закреплена в Декрете Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 27 января (09 февраля) 1917 г. о социализации земли⁴³.

Закон о волостном земстве от 21 мая (3 июня) 1917 г. упразднил институты земских начальников и крестьянского управления. Их сменили земские волостные управы и собрания, избираемые посредством всеобщих, прямых, равных выборов при тайном голосовании. В губерниях наблюдался процесс политического и правового творчества на фоне нигилистического восприятия законодательства и реформ Временного правительства.

В то же время, после революции продолжилась практика коалиции земского и городского самоуправления и государственных институтов.

Земские самоуправления передавались под контроль Всероссийского Земского Союза, а городские (районные) думы и управы — Совета дум. Главы земских и городских управ, общественных организаций, назначаемые комиссарами Временного правительства, сменили институт губернаторов. В свою очередь, комиссары курировались Отделом по делам местного управления Министерства внутренних дел. Нормы права, регламентирующие деятельность комиссаров, милиции, земских волостных управ и собраний, иных общественных институтов, разрабатывались Особым совещанием по местной реформе.

В период октября-ноября 1917 г. в губерниях Европейской России проходил процесс формирования коалиционных органов власти, объединявших членов Советов и структур местного самоуправления — земств и городских дум, профсоюзов, политических организаций умеренно-социалистического направления. Коалиции создавались в интересах общественного согласия и предотвращения конфликтов. Коалиции Дона организовывались для противостояния силам атамана А.М. Каледина. Дальневосточный краевой съезд Советов совместно с Приморским областным земским собранием сформировал коалиционный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Коалиционный комитет Совета крестьянских депутатов и уездной земской управы был создан в Красноярском уезде. Коалиции по существу были особым демократическим звеном между земскими самоуправлениями предреволюционного времени и огосударствленными Советами диктатуры пролетариата в большевистском понимании.

Осенью 1917 г. среди земско-кооперативной элиты обозначились серьезные расхождения относительно участия в выборах Учредительного собрания⁴⁴. Лидеры Лиги аграрных реформ рассчитывали на заметную роль земско-кооперативных делегатов в этом органе. Под эгидой Лиги складывался межпартийный аграрно-политический блок. Чайнов сравнивал его с Предпарламентом по аграрному вопросу⁴⁵. Следует отметить, что аграрно-политический блок был в предоктябрьский период близок к реализации идеи перехода властных полномочий представителям общественных организаций. Так, Чайнов участвовал в деятельности Демократического совещания, был избран от кооперативной фракции в Совет республики. Пост министра земледелия Временного правительства последнего состава занимал С.Л. Маслов, а товарища министра земледелия — Челинцев⁴⁶.

Октябрь 1917 г. изменил прогнозы аграрно-политического блока. Участники ноябрьского съезда Лиги аграрных реформ, проходившего в Москве, выступили против уравнительного землепользования и запрета товарного оборота земли⁴⁷. Оценки перспектив советской власти у членов Лиги разнились. Макаров и Чайнов расценивали режим большевиков как временный⁴⁸. Макаров призвал земельные комитеты признать Декрет о земле ничтожным нормативным актом. ГЗК он считал последним оплотом государственности⁴⁹. Челинцев не верил в скорый крах новой власти и назвал политическую миссию аграрного блока завершённой⁵⁰.

16 декабря 1917 г. IV сессия делегатов губернских земельных комитетов выступила с протестом против ограничения большевистским руководством самостоятельности ГЗК. Совет ГЗК подтвердил свое намерение

завершить работу по подготовке проекта аграрной реформы для представления Учредительному собранию. I Петроградский Всероссийский съезд земельных комитетов, открывшийся в январе 1918 г., был распущен новой властью, а его участники причислены к саботажникам⁵¹. Политическое поражение подвигло оппозиционеров аграрного блока активизировать свою деятельность на местах. Симптоматична попытка объединиться под эгидой Центрального товарищества льноводов (далее — ЦТЛ) в феврале-марте 1918 г. Руководители ЦТЛ вошли в состав Временной управы Областного земельного комитета центральных губерний⁵².

Центральный комитет Лиги аграрных реформ, получив финансовую поддержку Всероссийского Совета кооперативных съездов, попытался в начале 1918 г. создать Центральный аграрный архив⁵³. Лига организовала издание оппозиционной советской власти журнала «Земельное дело» в содружестве с Всероссийским союзом землемеров и Комитетом по разработке аграрных мероприятий при Московском обществе. Журнал выступал с критикой советского законодательства и экономической политики.

19 декабря 1919 г. прошло учредительное заседание Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации (далее — Сельскосовет)⁵⁴ под руководством С.Л. Маслова, Минина, Макарова. Сельскосовет должен был стать организацией, сотрудничающей посредством представителей аграрной кооперации с органами советской власти и управления (Высшим советом народного хозяйства, Кооперативным комитетом при Наркомате земледелия РСФСР и др.). Сельскосовет рассчитывал на лидерство в разработке советской сельскохозяйственной политики. Основываясь на опыте работы в Особых совещаниях, члены Сельскосовета предлагали компромиссную политику, учитывающую интересы частного производителя и советского государства, балансирующую между рыночно-товарным и административным методами регулирования экономики.

Принципиальные споры велись по вопросу о потребительских коммунах, учрежденных декретом Совета народных комиссаров от 16 марта 1919 года⁵⁵. Руководство Сельскосовета направило резолюцию Комиссии по выработке инструкции по проведению в действие Декрета о потребительских коммунах с требованием обеспечения самостоятельности организациям сельскохозяйственной кооперации за счет передачи потребительских функций от смешанных союзов к кредитным союзам, а бытовых — отделениям всероссийских структур⁵⁶. Тем не менее, Сельскосовет не смог противодействовать обобществлению, ограничению самостоятельности кооперации и подчинению ее деятельности государству.

Аграрно-политическому блоку не удалось противостоять натиску диктатуры пролетариата. Тактика предреволюционного времени, применяемая «людьми Февраля» к самодержавной власти, оказалась неэффективной в отношении большевистского политического режима. Придя к государственной власти в феврале 1917 г., после Октября они вновь перешли в оппозицию, а затем ушли с политической сцены. Покинув родину, многие из бывших лидеров земско-кооперативной элиты выстроили квази-государственный механизм Российского зарубежья на территории рассеяния.

Земский союз в России был упразднен в 1919 г., но временный Главный комитет Земского союза в Константинополе провозгласил себя постоянным и продолжал функционировать до конца 1920 года. В том же году в Париже эмигрантами был воссоздан объединенный земско-городской институт — Объединение земских и городских деятелей за границей. Позднее, в январе 1921 г., в Париже членами Объединения, представителями упраздненного в Советской России Земгора, бывшими деятелями губернских земств был принят уставный документ Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (далее — РЗГК).

Особенностью Российского зарубежья являлась его квази-государственность и межгосударственная интеграция на всей территории рассеяния. Интеграция организационно обеспечивалась Домом Романовых, возглавляемым Великим Князем Николаем Николаевичем, Главным командованием Русской армии, блоком представительских организаций под руководством легитимированного правительствами государств-реципиентов Совещания русских послов. Система представительского блока сформировалась к 1923 г. и действовала в постоянном контакте с Лигой Наций, миграционными и консульскими структурами, органами власти стран-реципиентов.

Важную роль в представительском блоке сыграли также легитимированные в странах-реципиентах РЗГК Российское общество Красного Креста, Съезд русских юристов. РЗГК руководил русскими общественными организациями/объединениями на территории рассеяния, контролировал финансовые вопросы, курировал социокультурную, экономическую адаптацию российских эмигрантов и беженцев. Социокультурную адаптацию возглавили межгосударственные институты: «День русской культуры», Русский Академический Союз, Русские Академические группы или союзы.

Для ведения финансовой деятельности в странах-реципиентах РЗГК учреждал кооперативные организации, ссудо-сберегательные кассы, кредитные учреждения. Так, в 1926 г. при поддержке РЗГК на межгосударственном уровне функционировала ссудо-сберегательная касса «Славянская взаимопомощь»⁵⁷, в 1930-е гг. действовало Объединение русских кооператоров. Показательно, что в 1921 г. в Чехословацкой Республике был организован Русский торгово-промышленный комитет. РЗГК финансировал Институт изучения России, который активно сотрудничал с Экономическим кабинетом С.Н. Прокоповича, также субсидируемым этой организацией⁵⁸. В Белграде РЗГК организовал известное периодическое издание «Русский архив»⁵⁹. Министерство по делам вероисповеданий рекомендовало «Русский архив» для общеобразовательных школ. Издание публиковало политические обзоры по экономическому, социальному положению в СССР, используя советские источники.

Важным социальным проектом РЗГК был Лондонский общественный комитет помощи голодающим России (открыт летом 1921 года). Средства, собранные этой организацией, направлялись структурам, непосредственно оказывавшим помощь нуждающимся, — Американской Администрации Помощи (АРА) и Нансеновской организации Международного Красного Креста в Женеве.

Во многом благодаря последовательной деятельности РЗГК, Съезда русских юристов, русских послов в 1926—1928 гг. были приняты основополагающие международные правовые акты Лиги Наций, Международной организации труда, закрепившие в отношении русских беженцев и эмигрантов, а затем всех мигрантов гражданские права, социальные и трудовые гарантии. В октябре 1933 г. были приняты конвенционные нормы, уравнившие русских беженцев и эмигрантов в правах с титульным населением⁶⁰. Представительский блок утратил актуальность для Российского зарубежья и для органов власти принимающих стран в связи с упрочением международного положения СССР.

Конституционный строй Советского государства, не допускавший плюрализма мнений, многообразия форм собственности, подменивший национализацией и обобществлением имущества и труда идею социализации, никак не коррелировался с концептуальной земской идеей общественного регулирования государственности.

Примечания

1. ВИТЕ С. Ю. Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка Министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). Штутгарт. 1901, с. VII, VIII, с. 54—60.
2. Там же, с. 170.
3. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», ф. 2, оп. 1, к. 4, ед. хр. 48, л. 69—87; ед. хр. 49, л. 8—88; ед. хр. 50, л. 2—38; ф. 7, оп. 1, ед. хр. 5, л. 18—24; оп. 3, ед. хр. 3, л. 3—32; оп. 5, ед. хр. 2, л. 5—15; ф. 6, оп. 1, ед. хр. 4, л. 5—40; ед. хр. 8, л. 5—20; ед. хр. 12, л. 9—16.
4. Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 12.12.1904 «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600—1918/3080>.
5. БИЛИМОВИЧ А. Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Доклад, прочитанный в Собрании Киевского юридического общества 6 ноября 1904 года. Киев. 1904; Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902—1904 гг. СПб. 1904.
6. МОЧАЛОВА Л. А., УСТИНОВА И. В. Этапы развития финансового механизма кредитных потребительских кооперативов. — Ползуновский альманах. 2009, № 3, т. 2, с. 333.
7. Обзор деятельности Всероссийской биржевой организации за первое десятилетие ее существования (1906—1916 гг.). В кн.: Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Пг. 1916.
8. БОГДАНОВИЧ А. В. Три последних самодержца. М. 1990, с. 255—259, 318—320.
9. Протокол июльского земского съезда. — Освобождение. 1905, № 76, с. 454—456.
10. Именной Высочайшего Указа Правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г. об «усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния». В кн.: Законодательные акты переходного времени. 1904—1908 гг. Сб. законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящиеся к преобразованию государственного строя России. М. 2010, с. 20—22.
11. МИЛЮКОВ П. Н. Воспоминания. М. 1991, 260—268.
12. Освобождение. 1905, приложение к № 78/79, с. 3—5.
13. ЕРМОЛОВ А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб. Ч. 1. 1909, с. 250—277.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 766, оп. 1, д. 42, л. 1—5.
15. Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 12 июня 1900 года. В кн.: Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание

- третье: с 1 марта 1881 года по 1913 год: [в 33-х т.] СПб.; Пг.: Государственная типография, 1885—1916. Т. 20: 1900: [в 2-х отделениях]. 1902. Отд. 1.
16. По приговорам сельских обществ, хлебные запасы могли обращаться в денежные капиталы по установленной губернским присутствием средней цене на хлеб за прошедшие 10 лет. Денежные сборы могли быть обращены в общественные и частные продовольственные капиталы, в государственные процентные бумаги или гарантированные государством облигации, а также вносились в государственные кредитные учреждения на текущий счет или срочный вклад. Ценные бумаги и документы о вкладах хранились в казначействе. Губернскими продовольственными капиталами управляли губернские присутствия. Общие продовольственные капиталы передавались в земский отдел Министерства внутренних дел.
  17. ЕРМОЛОВ А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 2. СПб. 1909, с. 347—363.
  18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 796, оп. 1, д. 15, л. 1—10.
  19. Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению, 21—28 февраля. М. 1911, т. 2, с. 102—108; т. 3, с. 1—5.
  20. ГА РФ, ф. 102, делопроизводство 4, 1911, д. 222, л. 5—32.
  21. МАКАРОВ Н. П. Кооперативно-организованный кредит и крестьянское хозяйство в Московском уезде. В кн.: Экономико-статистический сборник Московской уездной земской управы. М. 1911, с. 129—230; РГАЭ, ф. 766, оп. 1, д. 41, л. 3—5.
  22. РГАЭ, ф. 766, оп. 1, д. 54, л. 1—10.
  23. Там же, л. 2—5.
  24. Агрономический журнал. Харьков. 1913, кн. 7, 8; 1914, № 2; 1915, № 1.
  25. АСТАШОВ А. Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну. — Отечественная история. 1992, № 6, с. 169—172; ШЕВЫРИН В. М. Власть и общественные организации в России (1914—1917): Аналитический обзор. — История России. Серия аналитических обзоров и сборников. ИНИОН РАН, 2003, № 1, с. 1—152.
  26. На основании Декрета от 14.11.1917 о национализации промышленности, учреждения и предприятия были переданы государству. Предприятия химической и фармацевтической промышленности перешли под контроль Народного комиссариата финансов, иные предприятия — Высшего совета народного хозяйства РСФСР, медицинские учреждения — Народного комиссариата здравоохранения.
  27. Экономический отдел Всероссийского союза городов. Состояние мукомольной промышленности осенью 1915 года по данным специального обследования. М. 1916, вып. I—II.
  28. В 1915 г. правительство выделило значительные денежные субсидии для помощи беженцам, членам семей работников государственных предприятий, призванных на военную службу, а также денежных пособий многодетным семьям фронтовиков.
  29. Земгор и ЦВПК (его территориальные комитеты) были наделены центральной властью широкими полномочиями: совершение имущественных сделок и заключение договоров гражданско-правового характера (в том числе для нужд армии и флота), осуществление поставки по государственным заказам, распределение военных заказов между промышленными предприятиями.
  30. РГАЭ, ф. 771, оп. 1, д. 193, л. 1—10.
  31. Там же, ф. 766, оп. 1, д. 144, л. 1—8.
  32. ЧЕЛИНЦЕВ А. Н. К вопросу об установлении твердых цен на мясо и скот. В кн.: Главный комитет Всероссийского земского союза. Экономический отдел. М.: Типография товарищества Рябушинских, 1916. С. 2—16.
  33. Земский союз и переживаемый продовольственный кризис (записка, переданная заведующим Продовольственным отделением А. В. Чаиновым лидерам думских фракций А. Ф. Керенскому, А. С. Ржевскому, А. И. Шингареву, В. П. Шульгину 23 февраля 1917 г.). В кн.: Главный комитет Всероссийского земского союза. Экономический отдел. Материалы по вопросам организации продовольственного дела. С. 141—142.
  34. Земледельческая газета. Май 1917; Известия Главного земельного комитета. 1917, № 2—3.
  35. ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 10, л. 12—16; д. 66, л. 27—28; Главный земельный комитет. Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Пг. 1917, выпуск III.

36. ЧЕЛИНЦЕВ А.Н. О крупном землевладении. В кн.: ГЗК. Труды комиссии по подготовке земельной реформы, вып. I; ЕГО ЖЕ. Приспособляемость земельной площади к различным внутренним и внешним условиям. — Земледельческая газета. 1917, № 21, с. 394—398; МАКАРОВ Н.П. Перспективы агрономической работы в связи с земельной реформой. Агрономическое совещание при Департаменте земледелия 15—20 июля 1917 г. — Вестник сельского хозяйства. 1917, № 31—32; ЕГО ЖЕ. О нормах обеспечения сельскохозяйственного населения землей. — Там же, № 39—42; ЕГО ЖЕ. Нормы оставления земли в пользовании бывших владельцев полу-капиталистических и капиталистических хозяйств. В кн.: ГЗК. Труды комиссии по подготовке земельной реформы, вып. III, с. 27—39.
37. ЧЕЛИНЦЕВ А.Н. О крупном землевладении...
38. Труды Комиссии по подготовке земельной реформы. Выпуск II. Журналы заседаний, доклады и прения по ним. ГА РФ, ф. 1796, оп. 1, д. 18а, л. 85—88.
39. Основные идеи решения аграрного вопроса. Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. М. 1918, вып. 1, с. 43—45.
40. КАУФМАН А.А. О частновладельческой земле. — Известия Главного земельного комитета. Пг. 1917, № 2—3, с. 10—22; ЕГО ЖЕ. Основные идеи решения аграрного вопроса. Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. М. 1918, вып. 1, с. 41—45; Заседание Комиссии по перераспределению земельного фонда 15 октября 1917 года. Главный земельный комитет. Труды комиссии по подготовке земельной реформы, вып. V, с. 45—54.
42. Труды Комиссии по подготовке земельной реформы. Выпуск II. Журналы заседаний, доклады и прения по ним. ГА РФ, ф. 1796, оп. 1, д. 18а, л. 82—86.
43. Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» (вместе с «Инструкцией для установления потребительно-трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного значения»). Собрание узаконений РСФСР. 1918, № 25, ст. 346.
44. ГА РФ, ф. 1796, оп. 1, д. 110, л. 1—5.
45. Там же, д. 50, л. 1—4.
46. Там же, ф. 1797, оп. 1, д. 27, л. 10—14; МАКАРОВ Н.П. Оборот земли в крестьянском хозяйстве. Труды III Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ, вып. 1, с. 10—46.
47. МАКАРОВ Н.П. Оборот земли в крестьянском хозяйстве, с. 10—46.
48. А.В. Чайнов — человек, ученый, гражданин. М. 1998, с. 121—122.
49. Там же.
50. РГАЭ, ф. 771, оп. 1, д. 237, л. 2—4; ф. 766, оп. 1, д. 142, л. 1—5.
51. Там же, д. 150, л. 1—6.
52. Там же, д. 51, л. 1—3.
53. Там же, д. 150, л. 2; д. 151, л. 1, 2.
54. Вестник сельскохозяйственной кооперации. М. 1919, № 1—2, с. 16.
55. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1943, с. 279—281.
56. Вестник сельскохозяйственной кооперации. М. 1919, № 3—4, с. 9—30.
57. Филиалы «Славянской взаимопомощи» действовали в Белграде, Париже. По программе переселения российских эмигрантов приобретала земельные участки и недвижимость в США, Канаде, Южной Америке.
58. ГА РФ, ф. 5764, оп. 1, д. 258, л. 45—47об.; ф. 5791, оп.?, д. 1, л. 5—18, 29—41, 80—86; д. 45, л. 20—42, 54—57.
59. Там же, ф. 5771, оп. 1, д. 1, л. 3—18, 40—53; д. 62, л. 11—35; д. 100, л. 14—20, 33—48.
60. Там же, ф. 5908, оп. 1, д. 1, л. 40—44; [Recueil des Traités]. Geneva. 1928, vol. 89, p. 46—47; ТАУБЕР Л.Я. Лига наций и юридический статут русских беженцев. Белград, Отд. оттиск из Записок Русского Научного института. 1933, с. 7—28.

Уголовно-правовое противодействие преступности полицией Российской империи в период с XVIII в. по 1880-е гг.

А.В. Борисов, В.И. Долинко

Аннотация. В публикации рассматриваются проблемы уголовно-правового противодействия преступности и охраны общественного порядка полицией Российской империи в период с XVIII в. по 1880-е гг. Полиция России во все времена надежно защищала уголовно-правовыми мерами общественный порядок и общественную безопасность, эффективно противодействуя преступности, качественно обеспечивая спокойствие граждан и общества Российского государства.

Ключевые слова: полиция, противодействие преступности, уголовно-правовые меры, Российская империя, общественный порядок.

Abstract. The publication deals with the problems of criminal law counteraction of crime and protection of public order by the police of the Russian Empire in the period from the XVIII century to the 1880s. the Police of Russia at all times reliably protected public order and public safety by criminal law measures, effectively counteracting crime, qualitatively ensuring the peace of citizens and society of Russian state.

Key words: police, crime prevention, criminal law measures, Russian Empire, public order.

Противодействие преступности во все времена являлось одной из приоритетных задач государства. Для ее решения была необходима хорошо обученная и подготовленная полицейская структура (организация). Поэтому полицейские функции были присущи любому государству мира. Но это не значит, что оно всегда имело в своем распоряжении постоянные, хорошо подготовленные специализированные учреждения (правоохранительные органы), обеспечивающие надежную защиту социума от преступных посягательств.

Борисов Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент Академии управления МВД России. E-mail: Dol111111@rambler.ru; *Долинко Василий Иванович* — начальник редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России. E-mail: Dol271@yandex.ru.

Borisov Alexander M. — candidate of law, associate professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: Dol111111@rambler.ru; *Dolinko Vasily I.* — head of the Publishing Editorial Department (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). E-mail: Dol271@yandex.ru.

Как известно, до начала петровских реформ XVIII в. в России полицейские функции были возложены на различные государственные органы (учреждения). Поддержание охраны общественного порядка осуществлялось стрельцами, а в дальнейшем — подразделениями регулярной армии. Эффективная борьба с преступностью и охрана общественного порядка не была достаточно актуальной и сложной проблемой для России XVII — начала XVIII века. Стихийные периодические бунты и городские восстания населения, вызванные экономическими и социальными причинами, заканчивались тем, что они или жестоко подавлялись служивыми стрельцами и дворянским ополчением, или же требования восставших (бунтующих) удовлетворялись. Значительная часть населения России находилась под социальным и административным контролем своей общины и проживала в сельской местности. Поведение подданных русского царя регулировалось моральными и религиозными нормами, вековыми обрядами и традициями.

Придя к власти, Пётр I коренным образом изменил политическое, экономическое, социальное, административное и культурное развитие России. Преобразовывая страну, он опирался на возможности и силу государства. В связи с этим, необходим был специальный орган принуждения и охраны общественного порядка — полиция. Данный термин Пётр I позаимствовал из стран Западной Европы, где часто бывал и многому научился. В Западной Европе с XVI в. наблюдался бурный рост городов и их населения, для охраны которых необходимо было создавать специальные учреждения (правоохранительные органы).

Из истории известно, что термин «Politeia» — полиция — ввел в обиход древнегреческий философ и ученый Аристотель. Данный термин означал систему управления и охраны города-государства. В связи с этим, под термином «полиция» сначала понималось общее управление городом и охрана его населения от преступности. По мере развития системы городского управления полицией стали называть органы и учреждения, специализирующиеся на охране общественного порядка и противодействии преступности, а позднее к этим функциям добавился контроль за ценами, санитарный контроль и надзор, а также другие важные вопросы.

Символом царствования Петра I и его реформ стала новая столица России — Санкт-Петербург. По замыслу Петра, этот город должен был стать образцом порядка и европеизации России, плацдармом для нововведений молодого царя. Для контроля за строительством новой столицы и поведением ее жителей Пётр I в 1718 г. (25 мая) своим указом учредил должность Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера, которому подчинялась вся Полицейская канцелярия. Первым генерал-полицмейстером столицы был назначен бывший адъютант и денщик царя, один из первых генерал-адъютантов императора Антон (Антуан) Девиер. Функции, задачи, компетенция и главные цели генерал-полицмейстера были определены Петром I в написанном им лично документе «Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-полицмейстеру...» Девиер подчинился Правительствующему Сенату. По Табели о рангах его должность соответствовала достаточно высокому в то время пятому классу.

Отметим и тот факт, что положение генерал-полицмейстера определялось, прежде всего, его близостью к императору, который уделял

огромное и постоянное внимание любимому им новому городу, столице Российской империи. Пётр I требовал от Девиера образцового порядка, чистоты в городе, отсутствия в нем бродяг и нищих. Последних (нищих) полиция должна была «хватать и допрашивать и определять в работу». Император считал, что силою «разумных законов» и полицейским усердием можно обеспечить образцовый общественный порядок, при котором не будет преступлений и нарушений общественного порядка. Большая ответственность лежала на генерал-полицмейстере и его подчиненных во время официальных светских праздников и торжеств, устраивавшихся Петром I в столице, и бывших одним из средств формирования новой культуры, нового быта жителей города. В 1722 г. на время длительных торжеств по случаю заключения мирного договора со Шведским королевством императорский двор и дипломатический корпус надолго переехали в Москву. По этой причине, для поддержания порядка в городе, проведения массовых торжеств в Москве была учреждена полиция во главе с обер-полицмейстером, подчиненным генерал-полицмейстеру. В дальнейшем Пётр I предполагал создать полицию и в других крупных городах России. Но этого не произошло. По окончании многолетней войны большая, профессиональная, хорошо вооруженная и обученная армия не была сокращена. Армейские подразделения дислоцировались в городах и на них было возложено исполнение полицейских функций. Кроме того, бюджет многих российских городов не позволял им содержать полицейские учреждения.

Интересен и тот факт, что начатый Петром I процесс создания полицейских учреждений не был завершен при жизни императора и получил продолжение в 1733 г. во времена правления императрицы Анны Иоанновны, утвердившей доклад Полицейской канцелярии «Об учреждении полиции в городах».

Нужная инициатива создания полиции в крупных и некоторых небольших, но стратегически важных городах России исходила от Военной коллегии. По ее сведениям, во многих городах, через которые в случае начала военных действий могли проходить армейские подразделения, не было должного порядка, санитарного надзора, возможности предотвращения эпидемий и пожаров. Для решения этих задач в 10 губернских городах, 11 городах, бывших центрами провинций, а также в Шлиссельбурге и Ладоге была учреждена полиция. Все это стало необходимым в условиях возобновления войны со Швецией.

Свергнув в 1741 г. Анну Иоанновну, императрица Елизавета Петровна объявила о том, что будет продолжать дела, начатые ее отцом — великим Петром I. Елизавета вернула на службу в полицию Антона Девиера — назначенного Петром первого генерал-полицмейстера России. Должность генерал-полицмейстера по Табели о рангах была переведена из пятого в третий класс. Интересно отметить, что руководители коллегий, кроме военной и адмиралтейской, находились в четвертом классе. Императрица вывела генерал-полицмейстера из ведения Сената и подчинила его себе лично.

Хочется отметить, что если раньше важнейшей задачей полиции было поддержание порядка, чистоты, обеспечение пожарной безопасности, то при Елизавете Петровне в составе Главной полицейской канцелярии была

создана «Экспедиция для розысков по делам воров и разбойников», которая действовала в столице и ее окрестностях. В кратковременное царствование Петра II в 1762 г. появилась должность «Директора над всеми полициями», упраздненная в 1766 г. Екатериной II. В период ее правления произошло значительное развитие полицейских учреждений. Екатерина, по существу, завершила начатый Петром I процесс создания российской полиции. Подобно Петру I и Елизавете Петровне она принимала меры по укреплению полиции столицы империи. Следует отметить, что во многом благодаря авторитетной городской полиции, Санкт-Петербург XVIII в. избежал такого характерного для западноевропейских городов того времени явления, как массовые и разрушительные бунты низших слоев населения и рост преступности¹.

Но были и существенные просчеты. История показала, что в определенной мере, из-за отсутствия сельской и слабости городской полиции, в 1773—1774 гг. произошел потрясший Россию кровавый бунт под руководством Емельяна Пугачёва, который часто называли «крестьянской войной». Это значительно ускорило готовившуюся Екатериной II радикальную реформу системы государственного управления, в результате которой была создана сельская, так называемая уездная, полиция на местах.

В 1775 г. вышел подготовленный Екатериной II Манифест «Учреждения для управления губерний Российской империи», в котором устанавливалась новая система местного управления, а также судебная система, просуществовавшие до 1864 г., и новое административно-территориальное деление Российской империи, действовавшее до 1917 года.

Согласно Манифесту, вся Россия разделялась на губернии, в которых проживало от 300 тыс. до 400 тыс. человек. Губернии делились на уезды с 20—30 тыс. жителей мужского пола. Дворяне уезда выбирали из своей среды так называемый низший земский суд, выполнявший важные административно-полицейские функции в сельской местности. Нижний земский суд возглавлялся уездным исправником, которого впоследствии стали называть капитан-исправник. Таким образом, функции охраны общественного порядка и борьбы с преступностью передавались дворянству уезда. В случае, если в уезде проживало мало дворян, нижний земский суд и капитан-исправник могли назначаться губернатором из числа чиновников губернии. Для исполнения административно-полицейских функций в уездных городах решением Сената назначались городничие. Характерно, что инструкция, определявшая их функции, права, обязанности, задачи и компетенцию, была, по существу, повторением инструкции для капитан-исправника.

В столице губернии учреждалась новая должность — полицмейстер. За состояние общественного порядка и противодействие преступности в губернии отвечал лично губернатор. Ему подчинялись городничие и капитан-исправники всех уездов. Центрального (единого) государственного учреждения (органа), которое руководило бы всеми полицейскими структурами Российской империи, в период правления Екатерины II не существовало. Сельская полиция, выбиравшаяся, как правило, из дворян уезда, показала свою эффективность, так как после ее создания не происходило массовых крестьянских выступлений и осуществлялось эффективное противодействие преступности. Город, как более сложное

экономическое, социальное, административное и культурное образование, нуждался в специальных учреждениях для организации противодействия преступности, охраны и поддержания общественного порядка. Русский город XVIII в., в отличие от города Западной Европы, сохранял многие патриархальные черты жизни его жителей. Не только на окраинах, но и в центре располагались большие усадьбы, частные сады, огороды, содержался домашний скот и птица (куры, утки). Это делало любой российский город очень опасным в плане возникновения пожаров, уязвимым для эпидемий, затрудняло поддержание порядка в нем и эффективное противодействие преступности. Считая себя продолжательницей дела Петра I, Екатерина II подготовила и провела масштабную реформу городской полиции.

В 1782 г. был издан «Устав благочиния или полицейский», согласно которому во всех городах России предполагалось создать однотипные полицейские учреждения — Управы благочиния во главе с городничим.

Созданная Управа благочиния выполняла не только полицейские, но также административные и хозяйственные функции, следя за исправностью мостов, чистотой улиц, а также судебные функции, рассматривая гражданские и мелкие уголовные дела. Города получили административно-полицейское деление, в основу которого теперь был положен не географический, как ранее, а статистический принцип. Каждый город стал делиться на полицейские части, а они, в свою очередь, на полицейские кварталы. В каждой части было примерно одинаковое количество жителей. В помощь полицейским чиновникам — частным приставам и квартальным надзирателям — население каждого квартала избирало сроком на три года так называемых квартальных поручиков. С их помощью квартальный надзиратель должен был иметь сведения о занятиях и источниках дохода жителей квартала и о людях, приезжающих к ним. Бывшая сторонницей идей «просвещенного абсолютизма», Екатерина II много внимания уделяла развитию народного образования, науки, книгопечатания и даже созданию общественных организаций, способствуя тем самым формированию гражданского общества в России. Но все «общества, товарищества, братства» должны были создаваться только с разрешения Управы благочиния и находиться под ее контролем. Екатерина II, разрешив частное книгоиздательство, поручила Управе благочиния цензуру за производимой печатной продукцией.

Издав «Наказ управе благочиния», императрица дополнила «Устав благочиния...», который определял принципы организации, деятельности и компетенцию городской полиции. В данном документе декларировались нравственные и профессиональные требования к полицейским чинам России и давались рекомендации по взаимодействию с местным населением при выполнении возложенных на них задач. Следует отметить, что «Управы благочиния...» не создавались сразу во всех городах России. Для каждого города был установлен штат полицейских чиновников и только после его утверждения императрицей в нем создавалась Управа благочиния.

Процесс создания Управ благочиния в городах затянулся на долгое время. В краткое царствование наследника Екатерины II Павла I предпринимались попытки провести ревизию и даже отменить некоторые уч-

реждения и органы, введенные ранее. Павел I приказал содержать чиновников Управы благочиния за счет бюджета города. Там, где не было Управ благочиния, полицейские функции стали исполнять военные коменданты городов.

Новым этапом развития полиции в Российской империи стало начало XIX в. — период правления императора Александра I. В конце XVIII в. произошедшая во Франции Великая революция подорвала основы феодального общества и абсолютных монархий в Европе. Император Александр I и его ближайшее окружение, воспитанное в духе европейского Просвещения и под влиянием Великой Французской революции готово было провести политическую реформу, превратив Россию из абсолютной в ограниченную монархию. Но политический класс, политическая элита того времени в своей массе не были готовы к этому. Во многом это определялось тем, что неизбежно было бы отменено крепостное право — основа материального благополучия дворянства.

Интересно и то, что в ходе подготовки так и нереализованной в XIX в. политической реформы, произошла существенная реорганизация органов государственного управления. В частности, в 1802 г. были созданы министерства. Среди первых восьми министерств России особую роль играло Министерство внутренних дел, так как в нем были сосредоточены все внутренние функции и направления деятельности государства, в том числе и руководство полицией. В составе МВД появилось структурное подразделение «Экспедиция спокойствия и благочиния», состоявшая из двух отделений: первое руководило сельской, уездной полицией, а второе — городской. Таким образом произошла централизация управления полицейскими учреждениями Российской империи. Первым министром внутренних дел стал друг детства императора Александра I, крупнейший государственный деятель Российской империи первой половины XIX в. граф В. П. Кочубей (впоследствии светлейший князь). Одним из авторов проекта создания министерств и управляющим канцелярией министра внутренних дел был выдающийся правовед М. М. Сперанский. По поручению императора Александра I, а затем Николая I, Сперанский разрабатывал многие реформы. Не все из них были реализованы. Среди осуществленных проектов было создание в 1810 г. Министерства полиции. Сперанский исходил из того, что полиция, в силу важности, сложности и многообразия возложенных на нее задач (в том числе противодействие преступности), должна иметь специальный орган центрального управления. В 1811 г. произошло перераспределение функций между министерствами России. Управление полицейскими учреждениями было выделено из МВД и передано в специально созданное Министерство полиции. Сперанский считал, что, с точки зрения рационализации государственного управления, создание специализированного Министерства полиции будет правильным решением. Но управленческая элита того времени — министры, члены Сената, Государственного Совета, руководители департаментов и экспедиций различных ведомств России — встретили создание Министерства полиции негативно, «в штыки». Они считали, и очевидно правильно, что отделение реализации многих административных и хозяйственных задач от полиции в России приведет к снижению эффективности деятельности системы государственного управления в государстве.

Министерство полиции хорошо справилось с возложенными на него задачами в период Отечественной войны 1812 года. Полицейские занимались проблемами эвакуации населения и материальных ценностей, охраняли общественный порядок в тылу действующей армии, боролись с мародерами и другими преступниками. Специальная группа полицейских была оставлена в захваченной французскими войсками Москве. Министерство полиции быстро восстанавливало полицейские учреждения, органы местной администрации на освобожденной от врага территории и налаживало борьбу с преступностью на местах.

Среди реформ Александра I в области государственного управления Российской империи начала XIX в. особое место занимали военные преобразования, затронувшие организацию военно-охранительной системы, которая непосредственно была связана с несением внутренней службы и выполнением репрессивных функций государства.

Существовавшее феодально-крепостническое устройство хозяйства и нараставшая опасность крестьянских волнений требовали непрременной заботы власти об обеспечении внутренней безопасности страны и, таким образом, «... содержания, кроме армии, как защиты от вторжения извне или силы для осуществления завоевательных целей, еще и внутренних гарнизонов, предназначенных для караульной службы, подготовки рекрутов и, одновременно, выполнения полицейских функций и противодействие преступности»². В этой связи отдельное внимание было уделено гарнизонным войскам, осуществлявшим подготовку запаса и являвшимся резервом пополнения и основания полевых войск. Кроме того, гарнизонные части, обеспечивая сохранение «тишины и спокойствия», направлялись для подавления крестьянских выступлений в разных частях Российской империи.

В силу широкого спектра одновременно выполняемых обязанностей, гарнизонные батальоны было решено пополнить за счет инвалидов рот. После этого последовал еще ряд масштабных преобразований, в результате которых, в самом начале 1811 г. было издано 6 императорских указов, направленных на перераспределение войск внутри российских губерний. Все это явилось, своего рода, «фундаментом» для построения новой и качественной системы внутренней службы в Российской империи.

Государственным Советом в 1811 г. (3 июля) было принято Положение для внутренней стражи, которое в тот же день утвердил Александр I. Данное положение регламентировало структуру, обязанности, основные функции и порядок ее использования. 7 июля 1811 г. появилась должность инспектора внутренней стражи, на которую был назначен граф Е.Ф. Комаровский. Согласно Положению, внутренняя стража включала в себя губернские батальоны и команды служащих инвалидов. Также «... предусматривалось образование бригад и округов во главе с окружными генералами»³. Утверждение окружного устройства системы управления уже в ближайшие годы доказало свою эффективность и значимость. Впоследствии оно было принято и в армии, хотя и несколько позднее по времени. Через 5 лет существования войск внутренней стражи, в 1816 г. (30 марта), был издан именной указ, предписывавший «Внутреннюю стражу именовать отныне Отдельным корпусом Внутренней стражи, а инспектора оной — Командиром...»⁴

В 1817 г. (1 февраля) императором был издан указ о создании жандармских команд внутренней стражи. Это была вынужденная мера, так как личный состав рот и команд был постоянно занят гарнизонной службой, а в случае возникновения беспорядков и роста преступности не мог своевременно, эффективно и должным образом реагировать на эти угрозы, что не отвечало требованиям государственной власти. При этом сам император, усилив внутренние гарнизонные батальоны, уточнил особое положение жандармских команд. До этого они имели привилегированный статус и содержались при батальонах внутренней стражи, но не входили в их состав. Вместе с тем, ключевым элементом функционирования любого государственного органа является подход к его комплектованию. Так, хоть жандармы внутренней стражи и «считались в откомандировке» от Отдельного корпуса внутренней стражи, но, несмотря на это, принцип их кадрового обеспечения был совершенно иной: «... как офицеров, так и нижних чинов выбирать до сего исправнейших, способнейших и преимущественно служивших в кавалерии...»⁵

Однако руководителям подразделений внутренней стражи всех уровней о таком качественном способе пополнения людскими ресурсами стоило только мечтать, ввиду абсолютно противоположного метода набора личного состава. В 1817 г. (1 февраля) государь утвердил Положение для жандармов внутренней стражи, согласно которому им вменялись те же обязанности, что и внутренней страже, за исключением: «... сбора податей и недоимок, отряжения часовых к присутственным местам, тюрьмам и острогам, провожаниям казны и некоторых других»⁶. В тот же момент Александр I утвердил штаты и инструкции об обязанностях должностных лиц новых формирований, где была определена их численность⁷. В Инструкции дивизионному командиру жандармов внутренней стражи в столице предписывалось, чтобы вверенные ему эскадроны содержались «в порядке и исправности», всегда были готовы немедленно действовать, реагировать, как только это потребует, согласно указанному Положению⁸. В целом, основные структурные элементы нормативной правовой базы для функционирования жандармов внутренней стражи были приняты уже в начале их создания и, соответственно, это в некоторой степени предопределило их успешное развитие в будущем.

Довольно значительным событием для истории России, в частности для истории полиции, стало восстание декабристов в 1825 году. Мятеж воинских частей, в том числе и гвардейских, с целью свержения существующей формы правления вряд ли мог решить эту задачу. Тем не менее, это была попытка уже не очередного дворцового переворота, а относительно массовое и организованное, имеющее определенную социально-политическую программу выступление против власти. Несмотря на то, что мятеж готовился длительное время в тайных и полутайных организациях, власти об этом ничего не было известно. Поэтому встал вопрос о создании специального государственного учреждения с функциями явного и тайного надзора за обществом, за деятельностью государственного аппарата и противодействующего преступности.

Отметим и тот факт, что, по мнению императора Николая I, именно неэффективная деятельность государственного аппарата, казнокрадство и коррупция вызывали большое недовольство в российском обществе.

Поэтому контроль за деятельностью чиновничества, за настроениями в обществе император решил осуществлять сам, через свою личную Собственную Его Императорского Величества канцелярию (далее — СЕИВК). В ее составе было создано III Отделение, которое принято называть органом политической полиции. В условиях абсолютизма, когда не было свободы слова, свободы совести (т. е. права быть атеистом и публично распространять свои взгляды), свободы собраний, права создавать политические партии и организации, в сфере деятельности этой полиции была цензура, явный и тайный надзор за лицами, подозреваемыми в инакомыслии. Даже личная жизнь подданных, их нравственность, частью которой была верность императору и существующему общественному строю, находились под контролем власти.

Николай I верил в силу государства, которое стоит над обществом, контролирует, воспитывает его, ведет в нужном направлении. Но и государство, то есть деятельность чиновничьего корпуса, включая его высший слой, тоже надо было контролировать. Эту задачу он возложил на себя, опираясь на III Отделение личной канцелярии. Исполнительным органом III Отделения на местах стала жандармерия. Жандармские формирования были созданы в русской армии в 1816 г. для поддержания порядка в войсках.

В 1826 г. жандармские формирования были выведены из состава вооруженных сил, объединены в Корпус (впоследствии Отдельный корпус) жандармов и переданы в подчинение III Отделению. Главноуправляющий III Отделения являлся одновременно шефом жандармов. Таким образом, из компетенции МВД было выведено осуществление функций политической полиции. Ранее эти задачи в значительной мере решались в так называемой особенной канцелярии Министерства внутренних дел.

Агенты III Отделения (жандармы), осуществляя тайный надзор за деятельностью государственного аппарата, естественно не могли обойти вниманием работу полиции, подчиненной МВД. Поскольку функции общей полиции и задачи политической полиции осуществлялись разными ведомствами, между ними возникло определенное соперничество, конкуренция, продолжавшиеся до упразднения III Отделения СЕИВК в 1880 году.

Крепостное право и проблема его сохранения в Российской империи актуализировали вопросы: а) поддержания общественного порядка и противодействия преступности в городах; б) предотвращения крестьянских бунтов в сельской местности. Необходимо было усилить уездную полицию. Крупный государственный деятель Российской империи — министр внутренних дел Д. М. Блудов — подготовил, а император Николай I утвердил в 1837 г. «Положение о земской полиции», согласно которому вся территория уезда делилась на несколько участков (станов). В каждый из них губернским правлением по представлению уездного дворянского собрания назначались полицейские чиновники — становые приставы. Они должны были постоянно жить на своем участке. В их подчинении находились сотские и десятские, выбиравшиеся из крестьян. Становой пристав имел собственную канцелярию. Помимо увеличения числа полицейских служащих в уезде, были более четко определены функции и основные направления деятельности уездной полиции, в том числе, и борьба с преступностью.

Главными направлениями деятельности земской полиции были:

— наблюдение за должным исполнением законов, поддержание безопасности и общественного благоустройства (охрана общественного порядка, борьба с преступностью, недопущение бегства крестьян от помещиков и предотвращение произвола помещиков по отношению к своим крепостным);

— обязанности по делам казенного ведомства (сбор налогов, иных платежей, борьба с самогонварением, незаконным производством и торговлей);

— обязанности по делам судебного ведомства (пресечение самоуправства, вызов в суд, контроль за исполнением судебного решения);

— обязанности по делам военного ведомства (обеспечение рекрутского набора, участие в расквартировании войск в уезде и т. д.).

Усиление уездной полиции в 1837 г. во многом обеспечило общественный порядок в сельской местности, эффективное противодействие преступности и предотвратило массовые выступления крепостных крестьян. Но отмена крепостного права была неизбежна, так как сохранение феодальных пережитков тормозило социально-экономическое развитие страны. Это стало особенно ясно после поражения России в Крымской войне в 1855 года. Отмена крепостного права вызвала необходимость проведения других демократических реформ. Дворянство, имевшее право владеть крепостными, обладавшее определенными привилегиями, теряло свой статус «первенствующего сословия». Роль уездного и губернского собрания дворянства в системе государственного управления падала. Организация и деятельность уездной полиции больше не могли и не должны были носить явный сословный, дворянский характер. Еще до отмены крепостного права дворянское собрание уезда потеряло возможность формировать местную полицию. В марте 1859 г. император Александр II подписал предложение по устройству уездной полиции, согласно которому создавалось единое уездное управление полиции. Главой этого управления становился уездный полицейский исправник, назначавшийся Министерством внутренних дел России.

В конце 1862 г. (в декабре), уже после отмены крепостного права, были приняты «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», которые окончательно закрепили объединение городской и земской полиции в единое уездное полицейское управление. Название «Временные правила об устройстве полиции...» 1862 г. предполагало, что в дальнейшем, после проведения земской, судебной, городской реформ, полиция подвергнется существенной реорганизации. Но этого не произошло. Существенной полицейской реформы проведено не было. Это стало причиной того, что организация и деятельность, права и обязанности полиции не всегда соответствовали изменившимся условиям жизни российского общества. Именно в данный исторический период произошли коренные изменения в аппарате военно-полицейских сил, в частности, в 1864 г. (6 августа) вышел указ Александра II об упразднении штаба Отдельного корпуса внутренней стражи⁹. Ликвидация штаба не означала расформирование батальонов и команд, они были реорганизованы в губернские батальоны

и уездные команды. Функции внутренней стражи были возложены в полном объеме на местные войска.

На упразднение Отдельного корпуса стражи повлияли различные факторы. Из-за продолжавшегося роста недовольства в российском обществе отсутствием существенных реформ, тревожного положения на Кавказе и в Царстве Польском сократить армию не представлялось возможным, в связи с чем и было решено уменьшить военные расходы за счет небоевых сил. Другой причиной стала неправильная политика комплектования Корпуса, которая привела к дисбалансу в нем по сравнению с армией. И когда встал вопрос на уровне императора о ликвидации Отдельного корпуса внутренней стражи, военное ведомство сыграло в этом вопросе ключевую роль, убедив его принять такое решение. Необходимо подчеркнуть, что реформа внутренней стражи не привела к глубоким переменам в задачах ранее действовавших формирований: они несли аналогичную службу на прежних местах, изменено, к сожалению, было только название.

Как вывод, можно отметить, что полиция Российской империи всегда была на передовом рубеже борьбы с преступностью, в том числе и с преступлениями в экономической и кредитно-финансовой сфере, с правонарушениями на потребительском рынке, коррупцией, фальшивомонетничеством, мародерством и другими преступлениями¹⁰. Полиция страны эффективно противостояла разгулу преступности в нашем государстве, начиная с самого зарождения в России института регулярной полиции и до наших дней, надежно защищая суверенное государство от негативного влияния преступности¹¹.

Примечания

1. МАНРО Д. Петербург в царствование Екатерины Великой. СПб. 2016, с. 164.
2. ШТУТМАН С.М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811—1917 гг.). М. 2000. с. 70.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1, оп. 1, д. 2426, л. 146об.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1-е. Т. XXXII, № 26216.
5. Там же, т. XXXIV, № 26650.
6. РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2, д. 3286/2, л. 55, 56.
7. Там же, л. 102.
8. НЕКРАСОВ В.Ф., ДАВЫДОВ Б.Б., СЫСОЕВ Н.Г., ШТУТМАН С.М. Внутренняя и конвойная стража России 1811—1917. Документы и материалы. М. 2002, с. 106.
9. ПСЗ РИ, т. XXXIX, № 41162.
10. ДОРОФЕЕВ И.Н., СТРОГАЛОВ В.В., ДОЛИНКО В.И. Организация оперативно-розыскной деятельности территориальных органов внутренних дел по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Учебно-методическое пособие. М. 2013.
11. ГАПОНЕНКО В.Ф., ДОЛИНКО В.И. Анализ специфики материально-технического снабжения органов внутренних дел МВД России в особых условиях. — Общество и право. 2012, № 5 (42), с. 300—304.

Системный кризис российского общества конца XVII в., характер, базовые противоречия и конфликтный потенциал преобразований Петра Великого

Д.Ю. Знаменский, Н.А. Омельченко, Г.М. Сидорова

Аннотация. В публикации представлена авторская трактовка истоков, характера и кризисного потенциала реформ Петра Великого в контексте становления России как европейской державы и империи. Интерес к подобной тематике вызван тем, что на протяжении последних двух столетий данные реформы весьма неоднозначно трактовались отечественными и зарубежными исследователями: диапазон мнений содержит как однозначно позитивные, так и однозначно негативные оценки деятельности Петра. Особое внимание в исследовании уделяется историко-политическому и социальному контексту, а также предпосылкам петровских преобразований. В работе обосновывается подход, согласно которому к концу XVII в. российское общество переживало системный кризис, который затронул не только институты государственной власти и управления (архаичную Боярскую думу и неповоротливую приказную систему), но и экономику, образование, науку, религию, военное дело и, как неизбежное следствие, — внешнюю политику и престиж страны. Не менее важным аспектом, с точки зрения цели проведенного исследования, представляется предпринятая авторами попытка обоснования причин и факторов, обусловивших противоречивость и конфликтный потенциал петровской модернизации, осуществившейся в условиях догоняющего (мобилизационного) типа развития российского общества.

Ключевые слова: государство, общество, реформы, модернизация, системный кризис, Пётр Великий, история России.

Abstract. The publication presents the authors' interpretation of the origins, character and crisis potential of Peter the Great's reforms in the context of the formation of Russia as a European power and Empire. Interest in such theme is caused by the fact that over the past two centuries, these reforms have been interpreted very ambiguously by domestic and foreign researchers: the range of opinions contains both unambiguously positive and unambiguously negative assessments of Peter's activities. The authors pay special attention to the historical, political and social context and prerequisites of Peter's transformations. The article substantiates the approach according to which by the end of the XVII century Russian society was experiencing a systemic crisis that affected not only the institutions of state power and management (archaic Boyar Duma and clumsy system of prikazy), but also the economy, education, science, religion, military affairs and, as an inevitable consequence — foreign policy and the prestige of the country. No less important aspects, from the point of view of the purpose of the study, is the attempt made by the authors of the article to substantiate the reasons and the factor that led to the inconsistency and conflict potential of Peter's modernization, carried out in the conditions of catching up (mobilization) type of development of Russian society.

Key words: state, society, reforms, modernization, systemic crisis, Peter the Great, history of Russia.

Масштаб и значение реформ Петра Великого в истории России трудно переоценить. В своей деятельности царь-преобразователь коснулся практически всех сфер общественной жизни — от внешней политики до быта. На новых началах была перестроена система управления как в центре, так и на местах, реорганизована армия, изменен принцип формирования новых учреждений и их кадрового обеспечения, кардинально преобразованы отношения власти и Православной церкви, существенным образом реорганизованы сословные отношения, впервые в отечественной истории введен институт прокуратуры, появляются органы государственного контроля и надзора. Вместе с тем, в отечественной и мировой исторической науке до сих пор не сложилось однозначного отношения к характеру и результатам петровских преобразований, как, впрочем, и к итогам правления Петра в целом. Некоторые исследователи (особенно из числа славянофилов) сомневались в самой необходимости петровских преобразований и подвергали все сделанное им резкой критике.

Сказанное объясняет научный запрос на всестороннее исследование истоков, характера и последствий петровской реформации. Особый научный интерес в этой связи представляет анализ состояния российского общества в конце XVII в., то есть в эпоху, непосредственно предшествовавшую правлению Петра I.

В научной литературе уже высказывалась точка зрения, согласно которой к концу XVII в. Российское государство находилось в условиях системного кризиса, поразившего основные сферы общественной жизни: экономику, науку и технику, военное дело, нравственность и политику¹.

В *экономической сфере* кризис проявлялся: во-первых, в практически полной зависимости страны от импорта железа, серебра и других металлов (основным импортером железа оставалась Швеция, а серебряная монета чеканилась на завозимых в Россию немецких иоахимсталерах, получивших в народе искаженное название «ефимок»); во-вторых, в фактическом отсутствии общегосударственного рынка и слабых региональных торговых связях; в-третьих, в отсутствии собственного торгового флота и, следовательно, зависимости внешней торговли от караванов иностранных купцов, прибывавших, главным образом, только в летнее

Знаменский Дмитрий Юрьевич — кандидат политических наук, доцент Государственного университета управления. E-mail: belyferz@list.ru; *Омельченко Николай Алексеевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного университета управления. E-mail: nik_omelchenko@mail.ru; *Сидорова Галина Михайловна* — доктор политических наук, доцент, профессор Московского лингвистического университета, профессор Дипломатической академии МИД России, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: gal_sid@mail.ru.

Znamenskiy Dmitriy Yu. — PhD (Political Sciences), associate professor of the State University of Management. E-mail: belyferz@list.ru; *Omelchenko Nikolai A.* — doctor of historical sciences (Dr. Habil), professor, head of the Department of the State University of Management. E-mail: nik_omelchenko@mail.ru; *Sidorova Galina M.* — doctor of political sciences (Dr. Habil), professor of Moscow State Linguistic University; professor of the Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, research scientist of the Institute for African Studies. E-mail: gal_sid@mail.ru.

время в единственный и при этом замерзающий порт страны — Архангельск. Последнее обстоятельство означало, что в любой момент страны Западной Европы могли по собственной инициативе прервать торговлю с Россией, заперев ее в кольцо экономической блокады.

В серьезном кризисе находилась и *система политико-административного управления страной*. Унаследованная Петром от отца и старшего брата, эта система включала три главных элемента: а) Боярскую думу как главный совещательный орган при царе; б) приказы — центральные органы отраслевого управления; в) уездные воеводские избы как структуры территориального управления ².

Насколько эта система соответствовала тем вызовам, которые встали перед Россией к началу XVIII века?

Принято считать, что Боярская дума времен Петра представляла собой наиболее консервативную часть государственной системы. Действительно, в большинстве своем в нее входила родовая знать, родственники царей и цариц и немногочисленные «новые люди» (выслужившиеся приказные чиновники, представители неродовитого дворянства). Последние, впрочем, не составляли сколько-нибудь значительной части Думы и не олицетворяли ее новое качество. Кроме того, что не менее важно, эти люди еще не осознали себя сплоченной политической силой.

Примечательна точка зрения В.И. Сергеевича, который отрицал сам факт существования Боярской думы как постоянно действовавшего государственного учреждения, опираясь на то обстоятельство, что в большинстве источников встречается лишь термин «бояре» и никогда — собственно «Боярская дума» ³. Иными словами, по мнению ученого, речь должна идти не о сложившемся властном институте, а, скорее, о более или менее регулярно созываемом совещании приближенных к царю, состав которого он каждый раз определял сам.

В еще большем кризисе находилась приказная система отраслевого управления. К концу XVII в. в государстве насчитывалось порядка 76 приказов с весьма размытыми функциями, зачастую дублирующими друг друга. Так, вопросами обороны одновременно ведали минимум четыре приказа: Стрелецкий, Разрядный, Пушкарский и Поместный. Государство жило не только без бюджета, но и без элементарной сметной росписи доходов и расходов.

Местное управление, представленное воеводами в уездах, также было крайне неэффективным. Земское самоуправление, упорядоченное еще при Иване Грозном, сыгравшее существенную роль в Смутное время и в правление первых Романовых, уже к середине XVII в. было фактически сведено на нет. Окрепшая царская власть в нем попросту не нуждалась. Практически все административно-управленческие функции выборных земских органов перешли к назначаемым царем по совету Боярской думы воеводам. С одной стороны, это укрепляло властную вертикаль, с другой, в условиях отсутствия четких инструкций и юридической ответственности воевод — провоцировало последних на произвол и коррупцию.

Таким образом, русский государственный аппарат конца XVII в. — неповоротливый, архаичный — не был способен ни производить новые идеи, ни реализовывать их. По мнению ряда исследователей петровской эпохи, у царя не было необходимости даже разрушать старую чиновни-

чью систему, поскольку к концу XVII в. она благополучно разложилась сама по себе ⁴.

Менее заметным, но не менее значимым был *нравственный кризис* российского общества на рубеже XVII и XVIII веков. В значительной степени это было связано с расколом в Русской православной церкви. Главным социально-политическим последствием раскола стало появление крупной социальной группы (т. н. раскольники), открыто и активно не принимающей не только церковную, но и светскую власть и не подчиняющуюся ей. Крайней формой такого неподчинения стали «гари» — массовые самосожжения противников церковной реформы патриарха Никона. Против раскольников приходилось задействовать армию (наглядной иллюстрацией этому служит многолетняя осада Соловецкого монастыря и последовавшая за его взятием расправа над монахами). В обществе стало процветать «двоемыслие»: отдельные бояре и служилые люди публично принимали новые церковные порядки, но втайне оставались верными старине.

Другим важным аспектом духовно-нравственного кризиса конца XVII в. был крайне низкий уровень грамотности населения (в т. ч. духовенства). Сельские священники, по словам историка Д. И. Иловайского, были людьми малограмотными, а скудные средства заставляли их «заниматься более обработкой своего участка земли, нежели просвещением своей паствы» ⁵. В стране наблюдалась острая нехватка высокообразованных людей, в первую очередь инженеров, строителей, техников. Можно сказать, они попросту отсутствовали. Чуть ли не единственными носителями научного знания оказались выпускники Киево-Могилянской академии и обитатели Немецкой слободы — то есть иностранцы, зачастую далекие от русских традиций и обычаев. Иными словами, к началу правления Петра I Россия оставалась, в том числе вследствие религиозных факторов, оторванной от европейской культуры и науки.

Не менее остро кризис ощущался и в *военном деле*. Русская армия конца XVII в. была малоподвижна, неоднородна, как по своему составу, так и по качеству вооружения, уровень ее подготовки оставлял желать много лучшего. Основной военной силой оставалась поместная конница и пешие (реже конные — «стремянные») стрелецкие полки. Созданное полтора века назад стрелецкое войско задумывалось как, говоря современным языком, «части постоянной боевой готовности»: стрельцы жили компактно в специально отведенных им слободах или пограничных гарнизонах, получали регулярное жалование и имели право в свободное время заниматься мелкой торговлей и ремеслом. Последнее обстоятельство делало стрельцов маломобильным войском, часто отвлекающимся на решение собственных бытовых вопросов, и, как показали события конца XVII столетия, политически неблагонадежным.

Недостатки русской военной машины вылились в череду поражений в войнах с Польшей, Османской империей и Крымским ханством во второй половине XVII столетия. Здесь следует вспомнить унижительные капитуляции русских войск в 1634 и 1659 гг., неудачные походы на Чигирин и Крым. Уже в правление Петра I череда поражений завершилась фиаско первых попыток овладения Азовом (1695 г.) и Нарвой (1700 г.). Именно последние и явились тем стимулом, который подтолкнул Петра к необхо-

димым реформам в военной, административной и, как следствие, в социально-экономической и политической сферах.

Исследования показывают, что к концу XVII в. в геополитическом плане Россия находилась в двойственном положении. С одной стороны, она представляла собой евразийскую державу, включившую в себя земли Золотой орды, Сибирского ханства и многие другие. Но, с другой стороны, для поддержания этого статуса необходимо было стать великой европейской державой — империей⁶. С этого момента и на протяжении всего XVIII столетия главным геополитическим императивом России было завоевание и закрепление данного статуса.

В то же время экономическая и государственная слабость России вкупе с кризисом армии и отсутствием собственного флота весьма негативно сказывались на ее внешнеполитическом имидже. Неслучайно еще в 1636 г. французский государственный деятель Максимильен де Бетюн Сюлли предлагал исключить Москву, наряду с Османской империей, из Европы⁷.

По меткому замечанию крупного исследователя петровской эпохи Е.В. Анисимова, из Москвы XVII в. были видны три столицы: Варшава, Стокгольм и Бахчисарай⁸. Причем Польша на протяжении целого столетия регулярно выступала не только геополитическим оппонентом, но и реальным военным противником, а Крымскому ханству вплоть до 1704 г. столь же регулярно Москва платила откуп от набегов на южное пограничье (т.н. «выход» или «тыш», а фактически — дань), который русские дипломаты тактично называли «дарами». Чуть менее напряженными были отношения со Швецией, получившей по Столбовскому миру 1617 г. прибалтийские земли (Ингрию). К концу XVII в. эти земли выполняли роль своеобразного буфера между Россией и Европой, чему в первую очередь способствовала оживленная торговля. Однако при желании и этот канал мог быть перерезан в любой момент. Таким образом, пути в Западную Европу как через Чёрное и Средиземное моря, так и посуху были фактически закрыты.

Положение усугублялось позицией предшественников Петра. Анисимов справедливо отмечает, что Россию в то время «мучил комплекс превосходства в сочетании с комплексом неполноценности»⁹. Действительно, с одной стороны, Россия позиционировала себя как «Третий Рим», на тот момент единственное независимое православное государство, и наследница Византийской империи. Этим объясняется и соответствующее поведение русских послов при дворах западноевропейских правителей: заносчивое, порой снисходительное (вплоть до того, что наши посланники могли требовать у принимающего их монарха снять головной убор в их присутствии или приветствовать их стоя). То есть отечественные дипломаты недвусмысленно требовали отношения к России как к великой державе. С другой стороны, к концу XVII в. страна явно не соответствовала этому статусу: необходимость постоянно откупаться от крымского хана, о которой уже упоминалось выше, неспособность вернуть отторгнутые Польшей и Швецией земли «оттич и дедич», наконец, отсутствие торгового и, тем более, военного флота, экономическая и культурная изоляция страны — все это не вписывается в образ великой державы.

Разомкнуть кольцо экономической и культурной изоляции, добиться выхода к морям (следовательно, к торговым путям), вернуть утраченные

территории в Прибалтике, ликвидировать угрозу с Юга и силой утвердить Россию в статусе великой державы — именно эти геополитические задачи стояли перед Петром в первые годы царствования.

Еще раз напомним, что основной задачей всех проводимых Петром модернизаций стало устранение фактической неспособности традиционной для Московской Руси системы государственной власти и управления обеспечить мобилизацию необходимых для решения означенных выше геополитических задач экономических, военных и технологических ресурсов. Совершенно очевидно, что для проведения задуманной Петром I модернизации требовались принципиально другие институты и новый государственный аппарат. Поэтому первой и ближайшей задачей реформ стала реорганизация самой системы государственной власти (переход от сословно-представительной к абсолютной монархии), перестройка и качественное обновление бюрократии и, как следствие, формирование новой политико-административной элиты.

Не станем подвергать сомнению точку зрения, согласно которой в своей реформаторской деятельности Пётр I стремился опираться не только на опыт, который он активно заимствовал из европейской практики развития государственных отношений, но и на собственные представления о том, каким образом должно быть устроено «идеальное государство» и его институты. Можно предположить, что в основе петровской модели «регулярного» (или «правомерного») государства лежала глубокая уверенность царя в том, что эффективно функционировать государственные институты могут только с помощью современной рационально устроенной системы государственной бюрократии, которая в идеале должна подчиняться только закону и предусматривать гарантии от произвола отдельных чиновников. Наблюдения указывают на две фундаментальные идеи, которые Пётр I со свойственной ему настойчивостью, часто невзирая на методы, всеми средствами старался внедрить в жизнь русского общества: «1) идею общего блага, как основную цель государственного управления и законодательства; 2) идею важности исполнения законов и наказаний за их неисполнение».

Однако в условиях обозначившегося во второй половине XVII — начале XVIII в. транзита национальной государственности в сторону формирования в России абсолютной монархии инициированная Петром модернизация страны характеризовалась рядом существенных изъянов. Как отмечают современные исследователи, начиная с петровских реформ, господствующей тенденцией государственного развития стала тенденция «к концентрации, бюрократизации и милитаризации государственной власти»¹⁰. Сами же европейские ценности использовались властью, как представляется, по преимуществу избирательно, прежде всего, с целью увеличения мощи государства, его централизации и формализации работы аппарата управления. В этом контексте оставались невостребованными многие европейские ценности, прежде всего, такие как права человека, ограничение власти законом, неприкосновенность частной собственности. Образно говоря, укрепляя государство, Пётр I очень часто с помощью европейских ценностей закреплял в русской политической культуре такие нехарактерные для Европы черты, как чрезмерная централизация власти, ее деспотизм и бесконтрольность. Причем, по

мнению исследователей, ряд изъянов подобного варианта модернизации национальной государственности воспроизводились в российской практике и в дальнейшем. Резонно предположить, что главным упущением реформ Петра было стремление заимствовать европейские технологии (в том числе государственно-управленческие) в отрыве от того социального и экономического контекста, в рамках которого они применялись в Европе. Поэтому часто «использование зарубежных технологических образцов и институтов приводило к результатам, прямо противоположным тем, которые достигались в других странах».

Здесь следует искать основное противоречие петровских преобразований. Так, по словам В.О. Ключевского, «неустанно трудясь над тем, чтобы превратить Россию в могучую, уважаемую Европой державу, Пётр I ничего не сделал для раскрепощения общества, не предпринял никаких шагов в пользу политической свободы». Он, по замечательному выражению русского историка, стремился «грозою власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе», «чтобы раб, оставаясь рабом, действовал свободно и сознательно». Пётр не хотел понять, что, говоря словами Ключевского, «совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времен Петра I два века и доселе не разрешенная»¹¹.

Отметим, что в значительной мере отмеченное своеобразие общественно-политического развития России следует искать в том специфическом пути ее развития, который принято сегодня называть «догоняющим» или точнее «мобилизационным». В рамках такого типа эволюции общественное развитие с течением времени становится все более неравномерным и «скачкообразным»: вынужденное выстраивать внутреннюю политику, исходя из внешних условий (в данном случае речь шла о «европеизации» общества, преодолении отставания от передовых европейских государств), общество должно, образно выражаясь, «перепрыгивать» через необходимые этапы социального, экономического и политического развития. Это обстоятельство зачастую становилось главной причиной неподготовленности многих прогрессивных реформ, что не могло не приводить к обострениям внутренних противоречий в обществе.

В контексте сказанного попытка Петра I привить русскому обществу западную рациональную модель управления, пересадив ее на традиционную нерациональную почву, имела под собою мало оснований. Она могла привести лишь к еще большему разрыву между узким слоем просвещенного класса и основной массой населения, что являлось неизбежным при сохранении низкого уровня общей культуры и образованности в стране, неразвитости личного начала в сознании народных масс. Как итог — установление в России абсолютного господства бюрократии и полная зависимость населения от чиновников.

Особая модель проведения реформ в России в условиях мобилизационного (догоняющего) типа развития общества, предполагавшая доминирующую роль государства при внедрении новых общественных институтов и отношений, неизбежно сопровождалась усилением власти. Именно поэтому на каждом очередном витке преобразований уровень огосударствления общества резко повышался, власть становилась все более авторитарной, а сами реформы осуществлялись посредством дальнейшего

подавления сопротивления общества, что не могло не порождать отчуждения народа от власти. Есть основания утверждать, что мобилизационный («догоняющий») тип развития российской государственности во многом способствовал трансформации русского государства в особый тип так называемого «ресурсного государства» с характерной для него мобилизационно-распределительной моделью управления. Ее коренной особенностью стало использование чрезвычайных средств для достижения чрезвычайных целей, создание разветвленных механизмов внеэкономического принуждения и соответствующих им норм политического поведения.

Основываясь на сказанном, ряд исследователей предлагает выделять в историческом развитии России наряду с привычным делением на исторические периоды (киевский, московский, петербургский), так называемые «субцивилизации», как особые этапы развития, отличавшиеся друг от друга не только характером власти и управления, но и всей системой ценностей, самим типом господствующей культуры.

Считается, что созданная деяниями Петра Великого петербургская Россия, сформировавшая со временем «имперскую субцивилизацию», принципиально отличалась по типу культуры от предшествовавших ей древнерусской и московской субцивилизаций. Так, если в московский период развития национальной государственности царская власть отдавала приоритет религиозным ценностям, идеалам «святой Руси», «последнего православного царства», то совсем другой взгляд на развитие государства и общества утверждался в петровский период. Теперь в глазах власти приоритетное значение отдавалось государству и его институтам, превращавшимся в предмет нового культа и поклонения, а сама власть приобретала откровенно патерналистский характер. В результате в стране формировалось политическое общество, кардинально отличавшее Россию от западноевропейских государств, развитие которых приобретало сословно-правовой характер с укреплявшимся гражданским обществом.

Для характеристики особенностей формирования и содержательной эволюции российской государственности в новое и новейшее время многие современные историки используют положения концепции Макса Вебера, обосновавшего, наряду с идеалтипом рациональной бюрократии, принципы и особенности патримониальных моделей бюрократической организации, в том числе применительно к российскому бюрократическому аппарату. В частности, согласно Веберу, начиная с петровской реформации, российскому чиновничеству стали присущи характерные черты патримониальной организации, построенной на принципе личной преданности патримониальному правителю. Такой тип бюрократической организации, с одной стороны, отличается личностным характером властных отношений, в рамках которых чиновник привыкает рассматривать свою должность как личную собственность с вытекающими из этого выгодами и привилегиями, с другой стороны, обеспечивает полную зависимость чиновников от «дарующего» им должности вышестоящего начальства.

В любом случае, трудно спорить с тем фактом, что, вопреки намерениям реформаторов создать в России современный рационально устроенный аппарат государственного управления, российское чиновничество развивалось в направлении, характерном именно для патримониальной модели бюрократии.

Сошлемся на авторитетное мнение современного исследователя русской истории С.В. Перевезенцева, указавшего на ряд негативных явлений, появившихся вместе с рождением петровского абсолютистского государства. К основным из них ученый относит, наряду с господством бюрократической системы, в значительной степени подавлявшей инициативу населения, широкое развитие фаворитизма, захлестнувшего страну в XVIII в., а также «засилье иностранцев в российском бюрократическом аппарате»¹².

Завершая характеристику особенностей петровской модернизации, укажем на одну из фундаментальных (базовых) причин неудачи и даже провала многих предпринимавшихся в России политико-административных реформ. Она заключалась в том, что большинство из проводимых реформ были осуществлены авторитарным режимом при неразвитом гражданском обществе, а порой и полном его отсутствии, на неподготовленной для реформ традиционной матрице, что лишало реформаторов возможности опереться на более или менее широкую социальную базу, найти поддержку в широких слоях населения, идеалом для которых было не гражданское общество (как в ряде европейских государств), а идеальная и вездесущая имперская власть. Сама же власть в России очень часто слишком увлекалась механическим заимствованием западных образцов, забывая о своих родных осинах.

В значительной мере именно внешним характером многих петровских заимствований и отмеченным нами своеобразием властных отношений в петровскую эпоху объяснялась та легкость, с которой преемники Петра I разрушили или предали забвению многие из его государственных преобразований. Неукорененность в условиях России большого числа появившихся в ходе петровских реформ государственных форм и институтов, подчас простая имитация новых учреждений, их маскарадный характер обусловили, по мнению современных исследователей, многочисленные дворцовые перевороты в послепетровскую эпоху, беспрепятственность проведения которых удивляла как современников того бурного времени, так и тех, кто занимался его изучением.

Реформируя российскую государственность, Пётр активно использовал опыт Пруссии, Дании и Швеции, которым также в свое время пришлось модернизировать армию и флот при существенно ограниченных ресурсах. Так же, как и России, этим странам нужно было вслед за армией реформировать систему государственного управления и отношений между властью и различными слоями общества. Однако, как справедливо отмечает Дж. Хоскинг, эффективное функционирование новых камералистских институтов в тех странах было обусловлено, помимо прочего, особым религиозным менталитетом служивших там людей (речь идет о протестантской набожности, стоицизме, рационализме). В России же для достижения тех же результатов приходилось прибегать к принуждению¹³.

На наш взгляд, во многом именно в этих особенностях петровской реформации лежит одна из причин незавершенности многих проводимых Петром I преобразований. Прежде всего, это связано со сложностями рационализации патерналистской основы общества, поскольку она в значительной мере обусловлена субъективной волей, нередко капризами пра-

вителя, игнорирующего объективную подоплеку социального развития, вмешивающегося в частную жизнь общества и его граждан. В то же время, подобный характер политико-правового развития общества не способствовал становлению нормальных отношений между правящей элитой и населением, создавал предпосылки для роста правового нигилизма как «наверху», так и «внизу», с неизбежностью вел к усилению политической инертности в массах населения, с одной стороны, и к рецидивам насильственных действий — с другой.

По верному наблюдению Г.П. Федотова, начиная с реформ Петра I, русский народ постепенно отчуждается от своего государства, которое становится ему непонятным, воспринимается как «немецчина», чуждое русскому сознанию учреждение, державшееся исключительно на насилии и принуждении. Думается, что именно это обстоятельство со временем привело к фактической глубокой конфронтации власти и общества.

Сказанное не отменяет исторического значения деятельности Петра Великого и его государственных преобразований. Как заметил в этой связи Перевезенцев, Петра I нередко называли спешившим царем. Он, отмечает ученый, «и вправду резко “уплотнил” время, он очень спешил, он стремился еще при своей жизни полностью изменить русское бытие. Его стремительная походка, о которой пишут все очевидцы, его летящая вперед мысль, значительно опережающая думы современников, его расплывшийся буквально по минутам и начинающийся в 3—4 часа утра трудовой день, — все это стало символом петровской эпохи». Пётр искренне желал просветить свое отечество и свой народ. Целью его деятельности стало «создание нового могучего Российского государства», которому предстояло стать не только самым сильным и богатым, но и самым просвещенным среди всех европейских государств¹⁴. И во всем этом Петру I не было равных в русской истории.

Примечания

1. АНИСИМОВ Е. В. Пётр Первый: благо или зло для России? М. 2017, с. 7—11.
2. ЕГО ЖЕ. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб. 1997, с. 18.
3. СЕРГЕЕВИЧ В. И. Вольные и невольные слуги московских государей. — Наблюдатель. 1887, № 1—3.
4. АНИСИМОВ Е. В. Петр Первый: благо или зло для России, с. 26.
5. ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Очерки отечественной истории. М. 1995, с. 355.
6. ХОСКИНГ Дж. Россия и русские: В 2-х книгах. Кн. 1. М. 2003, с. 214.
7. Там же, с. 223.
8. АНИСИМОВ Е. В. Петр Первый: благо или зло для России, с. 29.
9. Там же, с. 30.
10. МЕДУШЕВСКИЙ А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. 1997, с. 281.
11. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Кн. 3. М. 1993, с. 70.
12. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ С. В. Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. М. 2018, с. 161.
13. ХОСКИНГ Дж. Ук. соч., с. 215.
14. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ С. В. Ук. соч., с. 148.

Экономическая публицистика газеты «Окраины России» (1906—1912 гг.)

А. А. Иванов, А. Э. Котов

Аннотация. Консервативная газета «Окраины России» возникла в 1906 г. как печатный орган Окраинного отдела Русского собрания, позднее став рупором Русского окраинного общества. Авторы публикации обращаются к анализу взглядов редакции на экономические аспекты имперской политики на тех окраинах, где последняя, по их мнению, наиболее затрагивала интересы собственно русского народа и российского государства. В целом, и политическая, и экономическая публицистика «Окраин России» поддерживала столыпинский курс, что, впрочем, не исключало критики действий как центральной, так и местной власти в окраинном вопросе.

Ключевые слова: «Окраины России», Российская империя, консерватизм, национализм, П. А. Кулаковский, Кавказ, Средняя Азия, Западный край, Юго-западный край, Дальний Восток.

Abstract. The conservative newspaper “Okrainy Rossii” was found in 1906 as a press organ of the Regional Department of the Russian Assembly, later becoming the mouthpiece of the Russian outlying society. The authors turn to an analysis of editorial views on the economic aspects of imperial politics on those outskirts where the latter, in their opinion, most affected the interests of the Russian people and Russian state. In general, both political and economic journalism of “Okrainy Rossii” supported the Stolypin’s course, which, however, did not exclude criticism of actions of both central and local authorities in the marginal issue.

Key words: “Okrainy Rossii”, Russian Empire, conservatism, nationalism, P. A. Kulakovsky, the Caucasus, Central Asia, the Western Territory, the South-Western Territory, the Far East.

Консервативная газета «Окраины России» (далее — «ОР») еще не становилась предметом всестороннего комплексного исследования. Это, конечно, не означает, что историки о ней не знают и не ссылаются на опубликованные в ней материалы, однако «лакун» в истории рупора Русского окраинного общества (РОО), каковым являлась эта еженедельная газета, все еще хватает. Как правило, данное издание упоминается в немного-

---

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru; *Котов Александр Эдуардович* — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.kotov@spbu.ru.

Ivanov Andrey A. — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru; *Kotov Aleksandr E.* — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: a.kotov@spbu.ru.

численных работах о РОО¹, публикациях о лидерах этого общества², а также в исследованиях, посвященных тем или иным имперским окраинам России³. Собственно газете посвящена лишь небольшая энциклопедическая статья, имеющая обзорный характер⁴. Между тем, потенциал материалов, опубликованных в этом специализированном издании, выходявшем на протяжении семи лет (1906—1912), позволяет существенно обогатить представления исторической науки о целом ряде сюжетов, связанных с политикой Российской империи в регионах и отношением к ней консервативных кругов русского общества. Но если вопросы, затронутые «ОР», касающиеся политических аспектов национальной окраинной политики, уже нашли определенное отражение в историографии, то освещение изданием экономической политики властей и ее критика справа, оставались за рамками исследовательского интереса.

«Окраины России» появились в 1906 г. как печатный орган Окраинного отдела Русского собрания, и были призваны бороться за русские национальные интересы на окраинах Российской империи. С возникновением в 1908 г. на базе отдела самостоятельной структуры — РОО (одной из первых культурно-просветительских организаций консервативного направления, созданных для изучения национальных окраин Российской империи), газета превратилась в рупор этого общества. Редактором еженедельника стал бывший инспектор народных училищ Виленской губернии и один из учредителей РОО П. Г. Бывалькевич⁵, а издателем, идейным вдохновителем и постоянным автором — также видный член РОО филолог-славист П. А. Кулаковский. Свое кредо газета формулировала словами, вынесенными на обложку каждого номера: «... защищать интересы и права Русского государства и русского народа и отзываться на нужды русских людей, живущих на окраинах, и инородцев, преданных России». Среди традиционных рубрик издания особое место занимали материалы, посвященные Финляндии и Польше, Северу России, Прибалтийскому краю, Северо-Западному и Юго-Западному регионам, Кавказу и Закавказью, Югу России, Средней Азии, Сибири и Дальнему Востоку. Оставив за рамками данного исследования такие особые, и в то же время хорошо изученные регионы, как Финляндия и Польша, обратим внимание на освещение газетой экономических аспектов имперской политики там, где она, по мнению «ОР», наиболее затрагивала интересы собственно русского народа и российского государства в целом.

Кавказ и Закавказье, являясь многоукладным и крайне пестрым в этно-конфессиональном отношении регионом, всегда привлекал к себе внимание «ОР». Один из авторов еженедельника замечал, что край этот «представляет совершенно искусственную единицу, возникшую по соображениям скорее стратегическим, чем племенным или культурным», поскольку «и природа страны, и состав населения создают глубокое различие между Предкавказьем и Закавказьем, побережьями Каспийским и Черноморским, областями горцев и дольноземцев, территориями племен осетинского, армянского, грузинского, лезгинского, татарского и других, опоясанных кольцом русского казачества»⁶. Все это затрудняло управление краем, но военно-стратегическое значение региона, равно как и его экономическая роль, заставляли искать «рецепты» отношений с населявшими его народами и использования ресурсов Кавказа на бла-

го империи. При этом вопросы экономического характера как правило были производными от национального фактора. Если в публикациях, посвященных экономической ситуации в Западном и Юго-Западном крае, довольно часто виновниками всех бед оказывались, помимо нерадивой российской администрации, поляки и евреи, то на Кавказе и в Закавказье эта роль отводилась армянам. Об этом писали многие консервативные публицисты того времени (В.Л. Величко, А.П. Липранди, Д.И. Иловайский и др.⁷), не были исключением и «ОР». Характеризуя армян как народ «чрезвычайно предприимчивый», выносливый, упорный и «очень способный», издание вместе с тем отмечало, что они, «чувствуя превосходство над своими соседями», проявляют «и некоторые поползновения к господству»⁸. При этом главным виновником экономического преобладания армян в регионе консервативные публицисты считали российские власти, допустившие такое положение вещей.

Отношение к другим народам Кавказа и Закавказья было не столь категоричным. «ОР» нередко с симпатией отзывались о единоверных грузинах, хотя часто журили их за нежелание создавать собственную буржуазию, в результате чего «богатые имения беспечных грузинских дворян одно за другим переходят в руки армянских крезов»⁹. Поэтому опору русской политики в регионе русские правые видели в «азербайджанских татарах» (азербайджанцах) и горцах-мусульманах, у которых усматривали «органическую» склонность к твердой самодержавной власти.

Исправлять ситуацию предлагалось с помощью центральной власти, призвание которой виделось изданию в том, чтобы проводить справедливую государственную экономическую политику в отношении всех народов Кавказа и Закавказья, а не в том, чтобы отдавать экономическое господство в руки наиболее предприимчивых этнических групп. При этом существовавшая русская администрация на Кавказе казалась «ОР» не способной осуществить эту задачу. Газета нападала на Кавказского наместника и «чиновников-космополитов», в своем «старании прослыть сверхлиберальными»¹⁰ забывших «русские интересы». Не будет преувеличением сказать, что главным объектом критики «ОР» были не столько иностранцы и инородцы, сколько дающая им послабления центральная власть¹¹.

Другой мерой «выправления» ситуации называлось усиление «русского присутствия» на Кавказе. Авторы «ОР» настойчиво требовали направления в край значительного переселенческого потока, а также расширения поддержки деньгами и специалистами русской колонизации, чтобы поднять хозяйствование переселенцев на более высокий уровень¹². Поскольку экономическая слабость русского населения (преимущественно казачества) на Кавказе не вызывала у авторов «ОР» сомнений, они указывали на необходимость протекционистских мер, которые позволили бы русским «на равных» с местными народами включиться в экономическую конкуренцию¹³. Также издание требовало развития коммуникаций (в первую очередь — железных дорог), наличие которых должно было обеспечить как успех русского переселения в регион, так и его экономический подъем¹⁴. Отдельным направлением критики экономической правительственной политики в крае были нападки на «завоевание» нефтяной промышленности Кавказа иностранными фирмами, неблагоустроенность курортного дела и, в целом, нерационально ведущееся хозяйство¹⁵.

Большое внимание уделялось *Центральной и Средней Азии*. Этот регион во многом расценивался авторами «ОР» как колония, живущая за счет метрополии, что казалось им неприемлемым. «... От завоеванной азиатской окраины, от русской колонии, государство вправе рассчитывать получать больше, чем само оно на нее тратит, включая все военные и чрезвычайные расходы. Довольствоваться в балансе нулем, равновесием, после полувекового обладания богатым краем, значило бы сводить к нулю и все экономические плоды завоевания», — отмечалось в одной из публикаций¹⁶. Как утверждало издание, под русским владычеством население края экономически достаточно окрепло, в связи с чем государство должно в полной мере использовать «эту южную, щедро одаренную природой окраину»¹⁷. В том, что регион все еще оставался дотационным, авторы газеты винили власти и требовали кардинального изменения экономической политики в крае, при котором население Средней Азии должно будет нести те же повинности и платить налоги, что и население центральной России, а выгоды от эксплуатации природных богатств станут достоянием и русского народа¹⁸.

Авторы издания и члены РОО также обращали внимание на важность расширения мер по ирригации, так как все в крае зависело от оросительной воды: «есть вода, — есть жизнь и культура; нет воды — и огромные пространства лежат втуне»¹⁹. По оценке Н.Н. Шаврова (одного из организаторов шелководства в России), из 180 млн. дес. среднеазиатских земель, экономическую пользу приносили не более 5 млн., в то время как остальные пустовали. Между тем, полагал эксперт, при орошении части этих пустынь, можно было выделить «около 850 тысяч квадратных верст, на которых, при надлежащей подготовке и снабжении водой, можно поселить до 80-ти миллионов душ обоего пола», а потому «в деле дальнейшей колонизации края вопрос об орошении является основным и краеугольным». Отсюда делался вывод: необходимо прекратить хищническую эксплуатацию среднеазиатских владений частными арендаторами и начать продуманную государственную политику по ирригации и колонизации края²⁰.

По мнению экспертов «ОР», при правильной постановке дела Российская империя имела шансы стать независимой от привозного хлопка за счет возможностей одного лишь Туркестана, для чего предлагалось сократить в регионе посевы риса. «Такая замена одной культуры другою производится в силу экономических причин сама собою», — утверждало издание, добавляя, что замена культур могла быть значительно ускорена, если бы правительство «дало известный толчок этой эволюции»²¹. Вместе с тем отмечалось, что расширение хлопководства имело и негативную сторону, приводя к упадку доходное для края производство дорогостоящих ковров, так как «текинцы находят, что на хлопководстве они могут заработать лучше, чем на ковровом деле». Решить эту проблему предлагалось посредством создания государственной образцовой ковровой мастерской, которая бы познакомила местное население с современными методами производства и дала толчок к возникновению частных мастерских нового типа²².

Проблему нехватки рабочих рук в хлопководстве предлагалось решать за счет государственной программы по переселению в регион русского населения, а не путем отдачи этой отрасли в частные руки, как это нередко делалось на практике. Государственная программа русской ко-

лонизации края, убеждали «ОР», одновременно решила бы и экономическую и политическую задачи: «Водворение русских на вновь орошаемых землях создаст новые хлопководные районы, достаточно снабженные русскими руками»²³. По оценке издания, хлопководство уже в первый год даст переселенцам хороший заработок, а приток русского населения позволит «навсегда упрочить здесь наше положение»²⁴.

Обращая внимание на Каспийское побережье, «ОР» требовали привлечения рыбаков из российских губерний, преимущественно из Поволжья и Нижегородской губернии, поскольку русские «ловцы», как отмечалось в одной из заметок, составляли явное меньшинство по сравнению с киргизами и туркменами, а вся скупка даров Каспия была монополизирована армянской диаспорой²⁵. Издание беспокоило и то, что горное дело на Туркестанской окраине захватывают иностранные капиталисты и те русские предприниматели, «которые выступают проводниками английских капиталов»²⁶. Немало писалось об отсутствии горного управления, что не дает возможности эффективно разрабатывать горные богатства края, а также о необходимости развития путей сообщения и коренных преобразований в деле местного землеустройства²⁷.

Похожее положение рисовалось «ОР» и в отношении Бухарского ханства. Отмечая, что самым трудолюбивым контингентом среди местного населения являются таджики, которые производят хлеб, а также киргизы-кочевники, поставляющие скот, издание указывало, что все привилегии в крае достаются узбекам, занявшим административные посты («денежная аристократия края»), а также бухарским евреям, сумевшим сконцентрировать в своих руках хлопковое дело, торговлю и зачатки промышленности. «Земледелием, скотоводством и внутренней торговлей, да, пожалуй, еще выделкой ковров и минимального количества шелка ограничивается вся деятельность бухарского населения, — констатировал консервативный публицист. — Все остальные богатства края, кроме плодородной почвы, или совсем не интересуют бухарцев, или эксплуатируются в минимальном размере кустарными способами»²⁸. Среди нерационально используемых ресурсов Бухарского края назывались древесина ценных пород (орех, чинар, черный клен), которая беспощадно шла на дрова; вырубка на топку фисташковых зарослей, которые могли бы давать империи ежегодно более 100 000 пудов фисташек; рыбные богатства Амударьи — «многопудовые сомы, золотистые сазаны, усачи и другие породы рыб»), невостребованные в полной мере местным населением, но способные найти сбыт в русских областях; лекарственные растения; залежи в горах каменного угля, железа, меди, слюды, свинца, наличие нефти, мрамора, яшмы и золота. «К сожалению, все эти богатства края лежат без употребления... Правда, некоторые русские промышленники и предприниматели порывались заняться эксплуатацией бухарских сокровищ, но правительство Бухарское ставило каждый раз всевозможные препятствия»²⁹.

Много говорилось на страницах «ОР» о положении на *Дальнем Востоке*. Вхождение этого региона в состав империи, как и Средней Азии, произошло достаточно поздно, что заставляло как правительственные круги, так и консервативных публицистов сосредотачиваться на поиске путей для укрепления там русского присутствия³⁰. Большое внимание здесь традиционно уделялось и «желтой опасности» — китайской и япон-

ской экспансии. Как отмечал корреспондент издания из Благовещенска, местная администрация и предприниматели слишком долго смотрели на регион лишь «как на дойную корову»³¹. Экономическая жизнь края, по оценке издания, оказалась в значительной мере в руках предприимчивых китайцев. Лишь с назначением Приамурским генерал-губернатором исследователя-этнографа Н. Л. Гондатти, активно взявшегося за ограничение «желтого труда»³², положение русского населения края стало улучшаться: «огромные полчища китайцев стали выдвигаться в свою сторону, уступая место русским рабочим»³³. Но тут же дала о себе знать обратная сторона этой политики: за недостатком работников застопорилась работа предприятий, а рабочие руки резко возросли в цене. Справиться с китайским экономическим присутствием оказалось не так-то просто. В 1911 г. один из авторов газеты с возмущением писал, что хотя зимой была организована массовая высылка из края нелегально находящихся на его территории китайцев, «но наступила весна, сказалась рабочая нужда, а русских рабочих своевременно не подвезли, и китайцев опять начали выписывать, даже военное ведомство Приамурского округа выписало для предстоящего рабочего сезона 20 тыс. китайских рабочих»³⁴. Отмечалось и явное преобладание китайцев — торговцев продуктами сельского хозяйства³⁵. Проблема, связанная с преобладанием «китайского фактора» в местной экономике из-за дороговизны привозного русского рабочего, как свидетельствуют документы, так и осталась неразрешенной вплоть до 1917 года³⁶.

На море главными конкурентами русских виделись японцы, экономические успехи которых, по оценкам современных исследователей, были в регионе впечатляющими³⁷. «Рыбные богатства, которые могли бы кормить голодающую Россию (в смысле рыбного продовольствия), постепенно переходят в руки и на рынки Японии», — отмечало издание³⁸. Это касалось не только морских, но и речных богатств края³⁹. Автор газеты, укрывшийся под псевдонимом Old monk (видимо, камчатский миссионер иеромонах Нестор (Анисимов)), не без досады отмечал, что японцы отправляют на Камчатку научно-исследовательские суда, изучающие рыбный промысел в соответствии с последними достижениями науки. «Придет ли когда-нибудь пора, когда Петропавловск увидит русское учебно-рыболовное судно с институтом вроде японского “Fishery Institute”?» — задавался вопросом автор⁴⁰. При этом к колонизаторским способностям японцев публицисты «ОР» относились скептически, отмечая, что Южный Сахалин, отданный по Портсмутскому договору Японии, так и не был ими должным образом освоен⁴¹.

В целом, программа мер, намеченная для защиты экономики Дальневосточного региона, выглядела следующим образом: 1) государственная программа по ввозу в регион «тысяч рабочих разных профессий»; 2) прекращение переселения на Дальний Восток хлебопашцев, которые не могут приспособиться к местным географическим особенностям, их замена на скотоводов, лесоводов, рыбаков и т. д.; 3) организация регулярного транспортного сообщения и установление прочной связи его с рынками вывоза (Владивосток, Николаевск-на-Амуре); 4) благоустройство Амурского водного пути; 5) соединение Монголии рельсовым путем с Сибирской железной дорогой; 6) учреждение особого колониального банка; 7) удешевление доставки в прибрежные населенные пункты важнейших для русских пе-

реселенцев товаров; 8) отправка инструкторов для обучения переселенцев «плотничьему, столярному, бондарному делу, постройке лодок, шаланд, изготовлению жестяной и другой укупорки»; 9) удешевление и своевременность доставки добычи к рынкам сбыта; 10) организация медицинской помощи; 11) налаживание регулярной духовно-просветительской заботы о населении; 12) борьба с пьянством, прогрессирующим из-за свободной доставки контрабандного спирта⁴². На последний бич особо указывал монах-миссионер Нестор (Анисимов), рассказывавший о повальном пьянстве среди народов Камчатки, спаиванием которых занимались не только коммерсанты, но и местная администрация, поощрявшая открытие кабаков. Подробно описав тяжесть положения коренных народов, связанную с отсутствием медицинской помощи и постоянным обманом со стороны пришлых коммерсантов, миссионер заключал: «Такой ужасной жизнью живет богатейший заброшенный край... Мы спим, а японец и американец строят заводы в устьях сплошь набитых рыбою рек. Они нарушают закон, обездоливают туземцев, хищнически разоряют природные богатства далекой русской земли»⁴³. «... Для приобщения края к общегосударственной жизни, — заключал о. Нестор, — необходимы несколько десятилетий упорного, систематического и умелого труда»⁴⁴.

Решать проблему хищнической эксплуатации природных богатств, во многом связанную с иностранным браконьерством, редакция «ОР» предлагала по примеру ближайших соседей. Отмечалось, что в то время как «на Командорских островах... пушной промысел подорван в корне хищнической японской эксплуатацией», «на соседних Прибыловских островах, тщательно охраняемых особыми крейсерами Северо-Американских соединенных Штатов, замечается быстрое размножение зверя»⁴⁵. Аналогичная проблема в Сибири, где пушной соболь «выбивается самым ужасным образом», носила скорее внутренний характер, являясь следствием моды и отсутствия государственного контроля. «Оградить истребление и без того редкого зверя» предлагалось охотничьим обществам, которым, в свою очередь, МВД должно было выдать разрешение конфисковывать незаконно добытую продукцию на ярмарках⁴⁶.

Проблематика Дальнего Востока во многом была схожа с затрагиваемыми газетой вопросами развития *Заполярья и русского Севера*. Здесь деятельность власти давала больше оснований для оптимизма. В 1909 г. издание отмечало, что «... предполагается полное переустройство Архангельского порта, вызванное крайней запущенностью и полной непригодностью всех его губерний»⁴⁷. В дальнейшем редакция внимательно следила за правительственными мерами, подчеркивая важность выработки программы «нужнейших изыскательских работ в Белом море, а впоследствии также в важнейших пунктах побережий Ледовитого океана»⁴⁸. Не без тревоги следили «ОР» за шедшими в 1910 г. русско-норвежскими переговорами о Шпицбергене: они стали поводом для обширной статьи, в которой напоминалось об экономическом и стратегическом значении острова, его рыбных и минеральных богатствах, здоровом, убивавшим болезнетворных микробов климате и, наконец, о давних и неоспоримых правах России на Грумант (старое поморское название архипелага)⁴⁹. С большим энтузиазмом встретило издание проект МВД по «усилению русского оседлого элемента» на Мурмане. Отмечалось, что прежде был

принят ряд законов, облегчающих там натурализацию иностранцев в надежде, на то, что «иностранцы переселенцы — преимущественно норвежские — сольются с русским населением края». Однако надежды не оправдались: иностранные колонисты стали жить обособленно. Новый же проект министерства предусматривал «расширение льгот для переселяющихся на Мурман лиц русского происхождения», наделение их землей и, главное, упразднение прежних льгот для иностранцев⁵⁰.

В 1910 г. газета опубликовала целую программу развития Севера, начинавшуюся со строительства там железнодорожных путей, без которых из-за дороговизны продуктов «население всего полярного севера держится в черном теле». Подчеркивалось, что «всему полярному Северу нужно независимое от купцов-эксплуататоров продовольствие, которое, как и предметы необходимости, могло бы получаться из казенных и общественных складов в наиболее бойких центрах». Далее шли такие пункты, как упорядочение рыбных и охотничьих промыслов, «развитие и улучшение оленеводства», собаководства и коневодства, медицины и ремесленного образования. Центральным тезисом была необходимость «сохранения языка и быта русского населения, на которое давит массой инородческий элемент, а также постепенное введение обязательного знания и употребления государственного языка»⁵¹.

Однако многие из проблем решены так и не были. В 1912 г. издание возмущалось, что «когда-то норвежцы учились у русских-поморов», а теперь экспорт норвежской рыбы существенно превосходит российскую добычу. «ОР» называли «ужасным», что, по данным 1911 г., русский улов на Мурмане составлял лишь пятую часть от иностранного⁵². Главная причина такого положения дела виделась в отсутствии у поморов современного рыболовного флота, в связи с чем следовал призыв к государству перенимать опыт норвежцев и распространять его на русских рыбаков.

Но наиболее значимыми для «ОР» были *западные окраины*. Политические и культурные вопросы здесь зримо преобладали над экономическими. Последние затрагивались в основном применительно к сфере аграрных отношений, которые, впрочем, также приобретали особенную остроту в связи с политическими кризисами.

Обращаясь к *Прибалтийскому краю*, публицисты «ОР» много писали о проблемах мелких крестьянских хозяйств. Обращалось внимание на возникновение, путем раздробления казенных имений и купленных крестьянским банком дворянских вотчин, большого количества мелких (парцеллярных) сельскохозяйственных участков, и предпосылки к дальнейшему распространению в крае этой системы обеспечения землей безземельных крестьян. Отмечалось, что установленная местным законодательством площадь подобных наделов в 5—6 десятин, «при наших почвенных и климатических условиях, не обеспечивает существования крестьянской семьи», а потому предлагалось увеличить надел до 10 десятин⁵³. Газета внимательно следила за постепенной ликвидацией центральной властью устаревших форм землепользования. «ОР» приняли участие и в обсуждении вопроса о ликвидации так называемой «квотной» или «шестидольной» земли, выделенной Уложениями о крестьянах Лифляндской и Эстляндской губерниях 1849 и 1856 гг. из образованной тогда «крестьянской земли» «с оставлением ее в распоряжении помещиков»⁵⁴.

Не без тревоги сообщали «ОР» о «процессе обезлюдения Прибалтийского края, вызванного переселением латышей и эстов в города и во внутренние губернии»⁵⁵. Опору и поддержку русскому делу в регионе издание надеялось обрести в лице местных крестьян-собственников, так называемых «серых баронов»⁵⁶. Однако самой важной задачей центральной власти «ОР» считали распространение в регионе русского землевладения — как крупного, так и мелкого. Сообщая о предполагавшейся в 1909 г. ревизии Прибалтийского края, «ОР» в качестве ее главной задачи называли помощь русскому населению посредством наделения землей и обеспечения своего представительства в Думе⁵⁷. Газета приводила «интересные, но грустные данные» о русском землевладении в Курляндской и Эстляндской губерниях, где насчитывалось, соответственно, девять и двое крупных русских собственников, которые «в имениях своих, к сожалению, не проживают и нисколько не интересуются тем, что они могли бы стать серьезной опорой поднятия русского дела в крае». При этом, отмечалось далее, «положение мелких русских землевладельцев Курляндской губернии очень печальное» — они, как правило, «рассеяны небольшими партиями в качестве сельских рабочих». В Эстляндии русское крестьянское население также характеризовалось как немногочисленное, при этом указывалось на враждебное отношение к нему эстонцев, доходящее в отдельных случаях до убийств из-за спорных хозяйственных вопросов, «а русское главное управление землеустройства и земледелия собирает в благодарность благодетельствовать эстонцам в ущерб русским»⁵⁸. Не лучшим представлялось и «положение местных русских служащих в Прибалтийском крае — стражников, урядников, сидельцев винных лавок, лесных объездчиков и др., заброшенных в захолустья края», которое в экономическом плане характеризовалось корреспондентом газеты как «безвыходное»⁵⁹.

В силу общности проблематики *Северо-Западного и Юго-Западного краев* эти два региона нередко рассматривались «ОР» совместно — как «Северо-Юго-Западный край». Связанные с ним сюжеты традиционно освещались газетой в контексте польского вопроса. На страницах газеты его экономические аспекты выдвинулись на первый план в 1909—1910 гг. в связи со столыпинским проектом о распространении земств на 9 западных губерний, а отчасти — с решением выделить Холмскую область из состава прежнего Царства Польского в отдельную губернию.

Один из «специалистов» газеты по польскому вопросу, писавший корреспонденции из Вильны под псевдонимом «Эльфи», неоднократно подчеркивал, что польские националисты стремятся «завоевать культурно и экономически наш Северо-Юго-Западный край»⁶⁰. Другой автор издания напоминал екатеринославским октябристам, обсуждавшим в либеральном духе работу вероисповедной комиссии, что после манифеста 17 апреля (о свободе исповеданий) «... под угрозой лишения найма на полевые работы, неотдачи в аренду земли и сенокосов, отказа в продаже дров на топливо, польские автономисты-помещики так стиснули несчастного православного мужичка, что он теперь, не желая умирать с голоду, во многих местах начал “свободно веровать в папу согласно велениям своей совести” и тысячами уходит из православия...»⁶¹ Обличал экономическую «польскую интригу» и председатель минского отдела РОО Н. А. Кованько, по словам которого поляки оценивали недвижимостью сво-

их единоплеменников гораздо выше, чем православных русских: «Поляки оказывают поддержку своим сторонникам разными средствами, например, земельными банками, дешевыми ссудами и т.п. способами. Недавно был такой случай. Один русский пожелал заложить в банк дом, стоящий тысяч 80, — за него давали 26 т. Когда же этот дом купил поляк (г. Любанский), ему дали под залог того же дома 58 т». Кованько указывал и на опасность нового крестьянского закрепощения: «Говорят, что в Минской губернии “поляками” устраивается парцелляционный банк с целью покупки некоторыми крестьянами земли, причем рассрочивается им сумма на 36 лет, с отдачею значительной части долга трудом; таким образом крестьяне на много лет могут быть закрепощены»⁶².

Особенно колоритно описывал «Эльфи» «польское засилье» в сфере виленской розничной торговли, где на весь 200-тысячный город можно было найти лишь несколько русских магазинов, «между тем польская торговля в последнее время так развилась, что сильно вытесняет еврейскую». При этом «масса всевозможного товара доставляется сюда главным образом русскими или из русских мест производителями. Москва, Иваново-Вознесенские мануфактуры, Петербург снабжают край мануфактурным товаром в большом количестве. Лучшее сукно (Штиглица, Торнтон), драп, одеяла — из Петербурга... Тульские металлические изделия, самовары — тоже из России. Бакалейные товары, разные сласти, крымские и кавказские вина, водочные произведения Бекмана, Шустова, Келлера, виноград, одним словом, весь так называемый колониальный товар опять из русских мест. Даже в косметическом деле, хотя близко Варшава, первенство принадлежит Москве и Петербургу. Наконец, овес, крупа, Елецкая мука, разная рыба, даже масло в громадном количестве доставляются из русских губерний. И все это эксплуатируется польскими и еврейскими торговцами. А мы, русские, доставляя нашей производительностью барыши инородцам, не сумели свить в крае торговых гнезд»⁶³.

Главной же виленской проблемой, по мнению корреспондента, было то, что «хозяйством в городе распоряжается известный по своему направлению кружок лиц, свивших себе прочные гнезда в городской управе и во всех учреждениях и отраслях общественной жизни, так или иначе связанных с городским самоуправлением. Русскому человеку вход туда воспрещается, ибо все эти господа распорядители принадлежат к тому лагерю деятелей, в среде которых возникали недавно идеи создать в городе польскую милицию, переодеть легковых извозчиков в краковские костюмы, завладеть телефонной сетью с целью ее возможной полонизации и т.д. Городское хозяйство ведется самым бесцеремонным и непроизводительным образом. Канализации нет, мостовые отвратительные, ассенизация сквернейшая, санитарная часть безусловно находится на низком уровне — словом, городское хозяйство ведется так, что недавно в самой управе один из ее гласных состояние нашего города сравнил с порядками в китайском захолустье».

«Эльфи» считал, что «та система самоуправления, которая десятками лет ведется польскими владельцами недвижимости, представляет обособленную корпоративно-шляхетскую систему, далеко не отвечающую потребностям общей пользы и скорее замкнутую в сфере интересов частных лиц. Та же классовая система применяется и в польском землевладении, и упадок последней... является, главным образом, последствием этой

классовой польско-шляхетской системы». Поэтому «при введении земского самоуправления необходимо помнить, что если решающие голоса в таких самоуправляющихся земствах окажутся на стороне польских крупных землевладельцев, а мелкая крестьянская русская единица будет загнана в угол, — торжествующей окажется прежняя система, принесшая вообще столько вреда местному землевладению, и, при инертности русских землевладельцев неосторожно введенная система самоуправления может нанести большой удар и русскому землевладению в частности и русскому делу вообще»⁶⁴.

Впрочем, отмечались и позитивные тенденции. Так, «ОР» подробно освещали деятельность общества «Крестьянин», которое ставило своей задачей поддерживать интересы крестьян-белорусов, заботиться об их культурном и экономическом развитии. Издание с одобрением отмечало, что данное общество «чуждо всяких сепаратистских стремлений» и «не отделяет белорусов от великорусов». Поддержку встречала и экономическая направленность деятельности «Крестьянина»: намерение создавать ссудо-сберегательные товарищества и кассы, потребительские общества, содействовать переселению в Сибирь; рекламировать столыпинскую аграрную политику по созданию образцовых хуторских хозяйств и т.п.⁶⁵ Но, вместе с тем, «ОР» вынуждены были признать, что в данном случае все держится на энергии горстки энтузиастов и, особенно, председателя общества, в случае ухода которого «Крестьянин» обречен на прозябание⁶⁶.

Газета указывала, что на экономическую почву встал и Виленский отдел Союза русского народа, при котором «образовались артели рабочих», берущие небольшие подряды, например, шитье белья для местного интендантства. «Экономическая почва самая прочная в борьбе народной, — говорилось в заметке, — и очень жаль, что русское купечество Москвы не обратит внимание на Западный край, не разовьет свою торговлю: оно могло бы найти там значительный сбыт своим товарам, особенно мануфактурным»⁶⁷.

Таким образом, все надежды на экономическую русификацию края по-прежнему возлагались «Окраинами России» на государственную власть. В политике правительства газета отмечала в этот период как положительные, так и отрицательные тенденции. Сообщалось, например, что Главное управление землеустройства и земледелия ассигнует гродненскому губернатору 19 500 руб. «на оказание агрономической помощи населению и на устройство показательных хуторов», что намечен ряд других мероприятий: «распространение травосеяния, искусственных удобрений, снабжение хуторян саженцами плодовых деревьев, улучшенными огородными семенами, устройство случайных пунктов для рогатого скота и проч.». Кроме того, то же управление разработало «для внесения в Думу проект о развертывании сервитутов, сохранившихся еще в губерниях Царства Польского и в Юго- и Северо-Западном крае», что встретило положительную оценку издания, поскольку проект должен был «положить конец тем бесконечным правонарушениям, которые возникают на почве сервитутного землепользования, и от которых страдают темные крестьяне»⁶⁸. С другой стороны, негативно оценивались редакцией колебания центра с назначением нового виленского генерал-губернатора и неясные слухи о возможной отмене этой должности. Одну из ключевых проблем региона русские консерваторы видели в постоянных колебаниях

государственной политики в регионе: «Что касается развития русского землевладения, оно то поощряется, например, при [И.С.] Коханове, то невероятно сокращается при [П.В.] Оржевском...» Впрочем, автор процитированных строк не без оснований предполагал, что с переносом центра управления краем в Петербург ситуация только ухудшится, к еще большему «ущербу русско-национальным интересам»⁶⁹. Резкой критике подвергалась и деятельность Главного управления землеустройства и земледелия, из-за которой, например, «сельское население Могилевской губернии совершенно лишено всякой агрономической помощи, несмотря на ощущающуюся в этом, особенно, за последнее время, потребность»⁷⁰.

В целом, и политическая, и экономическая публицистика «ОР» поддерживала столыпинский курс, что, впрочем, не исключало критики отдельных направлений окраинной политики как центральных, так и местных властей. Эта критика имела консервативный и националистический уклон: российской администрации в первую очередь доставалось за либерализм, космополитизм, безынициативность, чиновничье равнодушие к интересам империи и забвение русских интересов. Такой подход был традиционным для изданий «русского направления» еще со времен М.Н. Каткова, учеником которого считал себя П.А. Кулаковский⁷¹. Национализм издания проявлялся также в борьбе с «инородческим засильем», в убежденности, что окраины должны служить экономическому процветанию русского народа и центральной России, а не местных этнических элит. Также отмечалось, что они должны быть источником дохода, а не дотационной обузой для империи. Решение этой проблемы публицистам издания виделось в последовательной русификации национальных регионов. Вместе с тем, газета была вынуждена обращать внимание на экономическую слабость русских колонизаторов, которую также объясняло ошибками переселенческой политики правительства. Последней «ОР» отводилась особая роль, так как, по мнению издания, хорошо продуманная и массовая колонизация национальных окраин русскими переселенцами должна была решить как экономические, так и политические задачи. Таким образом, на страницах «ОР» фокусировались взгляды русского правого лагеря на окраинную политику властей и озвучивались рецепты ее оздоровления. Но при этом, указывая правительству, *что* надо делать для придания экономической политике на окраинах «русского вектора», авторы издания в подавляющем большинстве случаев не могли предложить властям четкой программы, отвечающей на важные вопросы: *как* осуществлять предложенные консервативными критиками меры и *где* взять на них средства, а также человеческие и материально-технические ресурсы. В итоге, консервативная критика окраинной экономической политики властей довольно часто указывала на имевшиеся проблемы и ошибки, но крайне редко предлагала реально осуществимые в тех условиях мероприятия для исправления сложившегося положения.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18—18—00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах»

Российской империи (1894—1917)». This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18—18—00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)”.

1. БОНДАРЕНКО К.М. Русское окраинное общество: возникновение, политические цели и задачи. Романовские чтения. Могилёв. 2004, с. 27—34; ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Идеология и тактика Русского окраинного союза и Русского окраинного общества в Беларуси начала XX века. В кн.: Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Магілёў. 2003, с. 253—260.
2. ФОМИЧЁВА О.А. А.С. Будилович. Деятельность в национальных регионах пореформенной Российской империи. СПб. 2014.
3. РЯБОВА Л.К., МЯКИНИН О.В. Позиция правых сил в отношении «финляндского вопроса» на страницах газеты «Окраины России» (1906—1912 гг.). В кн.: Гельсингфорс — Санкт-Петербург: Страницы истории (вторая половина XIX — нач. XX вв.): Сб. статей. СПб. 2012, с. 145—166; ЦУМАРЕВА Е.П. Белорусская проблематика на страницах газеты «Окраины России» (1906—1912 гг.). — Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2013, № 2 (42), с. 52—57; ЕЕ ЖЕ. Полемика в прессе по национальному вопросу в Северо-западном крае (по страницам газеты «Окраины России»). — Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2012, № 1, с. 44—49 и др.
4. Пётр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М. 2011, с. 405.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 922, оп. 1, д. 356.
6. А.Б. Автономия окраин по воззрениям октябристов — ОР. 1907, 17 марта, № 11, с. 167.
7. См.: ВЕЛИЧКО В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. В кн.: Полное собрание публицистических сочинений В.Л. Величко. Т. 1. СПб. 1904, с. 18, 21—22, 58, 78—79 и др.; [ИЛОВАЙСКИЙ Д.И.] Кавказ и другие окраины. — Кремль. 1902, 12 декабря; ВОЛЫНЕЦ А. [ЛИПРАНДИ А.П.] Русский Трансвааль. — Московские ведомости. 1902, 13—15 августа.
8. ЭПИГОН. Письма из Закавказья. — ОР. 1907, 3 февраля, № 5, с. 76.
9. Там же.
10. Там же. 1907, 13 января, № 5, с. 22.
11. П.К. [КУЛАКОВСКИЙ П.А.]. Очердные вопросы. — ОР. 1909, 3 января, № 1, с. 1—2.
12. ТРЕЛИН В. Бедствия русских переселенцев в Грузинском экзархате. — ОР. 1907, 17 марта, № 11, с. 172; РУССКИЙ. Некоторые успехи в деле поселения русских на Кавказе. — ОР. 1907, № 24, 16 июня, с. 371—372; Н.К. К вопросу о поселении русских на Кавказе. — ОР. 1907, 7—14 июля, № 27—28, с. 413.
13. ЭПИГОН. Ук. соч. — ОР. 1907, 13 января, № 5, с. 22.
14. Н.К. Ук. соч., с. 415.
15. См., напр.: П.Б. К вопросу о Кавказских минеральных водах. — ОР. 1911, 15 октября, № 42, с. 556.
16. НАБЛЮДАТЕЛЬ. Доходен или убыточен для казны Туркестан? — ОР. 1912, 21—28 июля, № 29—30, с. 429.
17. Там же, с. 430.
18. Там же, с. 431.
19. Обзор деятельности Русского окраинного общества за 1909 г. СПб. 1910, с. 9.
20. Там же.
21. З-Й. Новая угроза русскому делу в Средней Азии. — ОР. 1912, 4 февраля, № 5, с. 70.
22. НАБЛЮДАТЕЛЬ. Письма из Туркестана. ХХVIII. — ОР. 1912, 23 июня, № 25, с. 381—383.
23. З-Й. Ук. соч., с. 71.
24. Н. Назревшая нужда в Туркестане. — ОР. 1912, 17 марта, № 11, с. 163.
25. НАБЛЮДАТЕЛЬ. Письма из Туркестана XIX. — ОР. 1911, 15 января, № 3, с. 41.
26. ЕГО ЖЕ. Ташкент. — ОР. 1912, 3 ноября, № 44, с. 616.
27. ЕГО ЖЕ. Наиболее неотложные реформы в Туркестанском крае. — ОР. 1911, 16—23 июля, № 29—30, с. 418.
28. Г. Социально-экономическое состояние Бухары. — ОР. 1911, 30 июля — 6 августа, № 31—32, с. 442—443.
29. Там же, с. 443.

30. ХОДЯКОВ М. В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты. — Новейшая история России. 2018, т. 8, № 4, с. 880.
31. АЛ. АСАН. Благовещенск. — ОР. 1912, 18—26 августа, № 33—34, с. 476.
32. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), ф. 19, оп. 1, д. 46. л. 93; ДУБИНИНА Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гондатти. Хабаровск. 1997, с. 67, 71.
33. АЛ. АСАН. Ук. соч., с. 476.
34. ИСАЕВИЧ Д. Дальний Восток. Положение переселенческого дела. — ОР. 1911, 16—23 июля, № 29—30, с. 421.
35. АЛ. АСАН. Ук. соч., с. 477.
36. РГИА ДВ, ф. 810, оп. 1, д. 361, л. 2—5; ф. 702, оп. 2, д. 398, л. 2—4об.
37. ЯНЧЕНКО Д. Г., СТАРОВОЙТОВА Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика. — Новейшая история России. 2018, т. 8, № 3, с. 585.
38. СИН-САН. Из Приамурья. — ОР. 1911, 30 апреля, № 18, с. 271.
39. Хроника. — ОР. 1909, 15 мая, № 20, с. 302.
40. OLD MONK. Письма из Камчатки. — ОР. 1911, 10—17 сентября, № 37—38, с. 509.
41. По поводу колонизации японцами южной части Сахалина. — ОР. 1910, 13 февраля, № 7, с. 110.
42. Д. И. Дальний Восток. Приморская область и побережье Охотского и Японского морей. — ОР. 1911, 18—25 июня, № 25—26, с. 385; Д. Нужды Дальнего Востока. — Там же. 1911, 10—17 сентября, № 37—38, с. 505—507.
43. А. В Русском собрании... — ОР. 1911, 12 ноября, № 46, с. 627.
44. OLD MONK. Камчатские письма. — ОР. 1911, 1 января, № 1, с. 6.
45. Хроника. — ОР. 1909, 3 января, № 1, с. 11.
46. Из Сибири. Истребление соболя. — ОР. 1909, 4 апреля, № 13—14, с. 208.
47. Хроника. — ОР. 1909, 24 января, № 4, с. 60.
48. Хроника. — ОР. 1909. 11 апреля, № 15, с. 220.
49. Н. Л. Россия и Шпицберген. — ОР. 1910, 24—31 июля, № 30—31, с. 442.
50. Законопроект о мерах по упрочению преобладания русского элемента на Мурмане. — ОР. 1910, 6 ноября, № 45, с. 649.
51. СУЛИМА М. О приполярном Севере России. — ОР. 1910, 20 ноября, № 47, с. 677.
52. П. Б. Северная окраина и Государственная дума. — ОР. 1912, 12 мая, № 19, с. 281.
53. Ф. Из Прибалтийского края. — ОР. 1909, 3 января, № 1, с. 6—7.
54. Ф. Нам пишут из Прибалтийского края. — ОР. 1910, № 20, 14 мая, с. 306.
55. Из Курляндской губернии. — ОР. 1910, 6 марта, № 10, с. 154.
56. Ф. Из Прибалтийского края. — ОР. 1909, 7 марта, № 10, с. 154.
57. Хроника. — ОР. 1909, 4—11 июля, № 27—28, с. 420.
58. Русское землевладение в Курляндской и Эстляндской губерниях. — ОР. 1909, 4—11 июля, № 27—28, с. 415—416.
59. РУССКИЙ ПРИБАЛТИЕЦ. Из Прибалтийского края. — ОР. 1909, 21 марта, № 12, с. 184.
60. ЭЛЬФИ. Вильна. — ОР. 1910, 6 февраля, № 6, с. 90.
61. Н-В. Екатеринослав. — ОР. 1909, 14 февраля, № 7, с. 104.
62. В «Русском Окраинном Обществе». — ОР. 1909, 1 мая, № 18, с. 268.
63. ЭЛЬФИ. Вильна. — ОР. 1909, 20 июня, № 25, с. 378.
64. Там же. — ОР. 1909, 1 августа, № 31—32, с. 460—461.
65. П. Б. Съезд представителей деревни. — ОР. 1909, 3 января, № 1, с. 26.
66. ИД. Вильна. — ОР. 1910, 6 марта, № 10, с. 153.
67. П. Г. Отголоски из Вильны. — ОР. 1909, 18—25 июля, № 29—30, с. 436.
68. Хроника. — ОР. 1909, 1 мая, № 18, с. 282.
69. П. Г. Отголоски из Вильны. — ОР. 1909, 1 мая, № 18, с. 261—262.
70. Хроника. — ОР. 1909, 1 августа, № 31—32, с. 463.
71. Институт русской литературы (ИРЛИ), ф. 572, ед. хр. 50, л. 2.

Репрезентация юбилеев Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева в региональных периодических изданиях: коммеморативная практика

М.С. Кищенко, Ю.С. Никифоров, Д.В. Тумаков

Аннотация. В публикации рассматривается проблема репрезентации юбилеев Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева на страницах региональных периодических изданий и в исторической памяти представителей советского общества той эпохи. Исследование выполнено на основе широкой источниковой базы, включающей в себя периодические издания, воспоминания и дневники, делопроизводственные документы. Проведено комплексное сравнение двух 70-летних юбилеев, выявлены их общие черты и различия, охарактеризовано восприятие торжеств как представителями элиты, так и рядовыми членами общества.

Ключевые слова: новейшая отечественная история, СССР, Л.И. Брежнев, Н.С. Хрущёв, поздний социализм, региональная элита, коммеморация, юбилей, коммуникативные практики, периодические издания, стратегия власти.

Abstract. The publication explores the issue of the representation of anniversaries of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev in the pages of regional periodicals and in the historical memory of the representatives of the Soviet society of that era. The study was carried out on the basis of a wide source base, which includes periodicals, memoirs and diaries, office-work documents. A comprehensive comparison of the two 70th anniversaries has been carried out, their common features and differences have been revealed, and the perception of the celebrations has been characterized both by representatives of the elite and by ordinary members of society.

Key words: modern national history, USSR, Brezhnev, Khrushchev, late socialism, regional elite, commemoration, anniversary, communicative practices, periodicals, strategy of power.

Изучение исторической памяти (memory studies) становится все более популярным среди исследователей новейшей отечественной истории¹. Так, А.В. Святославский, анализируя память и советскую идентичность, подчеркивал, что «по мере убывания успехов в деле строительства социализма и падения авторитета партии (Н.С. Хрущёв и Л.И. Брежнев на фоне Сталина воспринимались народом, скорее, как герои анекдотов) нужно было роль партии идеологически повышать в глазах простых граждан»². Одним из подобных средств были различные коммеморативные практики. К способам коммеморации³ можно отнести организацию юбилеев, переименование географических объектов, учреждение наград

и памятных знаков, установку монументов, открытие музеев и т. д. Современный исследователь Н. А. Антипин полагает, что «коммеморация — это сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого. Коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий». Наиболее плодотворным представляется следующая дефиниция термина коммеморативные практики, ключевого для данного исследования: «коммеморативные практики предполагают набор способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом»⁴.

Как известно, одной из характерных черт советской политической системы было проведение массовых мероприятий по самым различным поводам — от очередной годовщины Октябрьской революции до нового партийного съезда. Подобные действия позволяли сплачивать общество, демонстрировать его преданность правящему режиму, способствовали сближению рядовых граждан и руководящей элиты. Одними из самых значимых мероприятий были различные юбилеи советских руководителей. И если ритуалы, посвященные основателю советского государства В.И. Ленину, были в целом стандартными и проводились на протяжении многих лет, то смена власти в СССР приводила к появлению нового юбилея очередного правителя. Безусловно, на первое место можно поставить празднование юбилеев И.В. Сталина, бывших составной частью культа его личности. Его преемники, Хрущёв и Брежнев, также не остались в стороне и не возражали против проведения их личных юбилейных торжеств.

Надо сказать, что среди простых советских граждан нередко встречались критические высказывания в отношении культа личности советских лидеров. Так, работник филиала НИИ «ГАЗ» г. Ярославля И.К. Решидов в частной беседе, критикуя Хрущёва, высказал достаточно крамольную для своего времени мысль, подчеркнув системные проблемы советской однопартийной политической системы: «Культ личности порождается нашей системой, так как партию некому критиковать и поправлять... Нужно создать вторую партию, которая могла бы контролировать и критиковать ошибки правящей партии перед всем народом. Или внутри партии необходимо создать оппозицию с такими же функциями»⁵.

Кищенко Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Ярославская государственная сельскохозяйственная академия». E-mail: mkishhenkov@yandex.ru; *Никифоров Юрий Сергеевич* — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского». E-mail: nikifor2108@yandex.ru; *Тумаков Денис Васильевич* — кандидат исторических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет». E-mail: denistumakov@yandex.ru.

Kishchenkov Mikhail S. — candidate of historical sciences, associate professor of the Yaroslavl State Agricultural Academy. E-mail: mkishhenkov@yandex.ru; *Nikiforov Yury S.* — candidate of historical sciences, associate professor, scientific secretary of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. E-mail: nikifor2108@yandex.ru; *Tumakov Denis V.* — candidate of historical sciences, senior lecturer of the Yaroslavl State Medical University. E-mail: denistumakov@yandex.ru.

Изучение процессов организации и проведения юбилейных мероприятий и церемоний награждения, критериев отбора лауреатов в контексте понимания функционирования механизма управления в позднесоветский период и восприятия обществом данных мероприятий, представляется весьма актуальным. При этом каких-либо полноценных работ, посвященных этой теме, сравнительно мало ⁶. Тем интереснее изучить эти процессы на региональном уровне, выявить местную специфику восприятия юбилейных мероприятий, их отражение на страницах местных СМИ Верхневолжского региона.

В настоящей публикации будет предпринята попытка проанализировать репрезентацию юбилеев Хрущёва и Брежнева в региональных периодических изданиях (Иваново и Ярославль) как особую коммеморативную практику эпохи позднего социализма.

Теоретико-методологическая основа исследования связана с идеями В. П. Мохова о региональных элитах, А. Юрчака об эпохе позднего социализма, Л. П. Репиной, И. М. Савельевой, А. В. Полетаева, М. Ф. Румянцевой об исторической памяти и коммеморации ⁷.

Источниковой базой исследования служат как опубликованные, так и архивные материалы. Из опубликованных, в первую очередь, материалы региональных периодических изданий, освещавших подготовку и проведение юбилеев, изданные дневники и воспоминания очевидцев прошедших празднований, а также опубликованная справка ленинградского управления КГБ о настроениях в обществе в последние годы правления Хрущёва. Из архивных документов отметим материалы ярославского Центра документации новейшей истории.

В мемуарах региональных партийных и советских руководителей периода позднего социализма Ф. И. Лощенкова (1915—2009) и В. Ф. Торопова (1918—2007) резко критикуется Хрущёв за то, что, разоблачив на XX и XXII съездах КПСС в 1956 и 1961 гг. культ личности Сталина, он не дал ответа на вопрос о причинах данного негативного явления советской политической действительности. В силу этого, по мнению авторов, стало возможным возникновение если не аналогичных, то, по крайней мере, похожих моментов в годы правления преемников «отца народов» ⁸. Всенародное празднование 70-летних юбилеев лидеров Советского Союза эпохи позднего социализма Хрущёва и Брежнева в 1964 и 1976 гг. можно считать одним из проявлений формировавшегося культа их личностей. Немаловажную роль в этом сыграли региональные печатные издания — «Северный рабочий» (Ярославль) и «Рабочий край» (Иваново), представлявшие обкомы КПСС и облисполкомы.

В номерах обоих изданий за 17 апреля 1964 г. на первых страницах был помещен портрет первого секретаря ЦК КПСС с сообщением о его наступившем юбилее. Рядом с изображением улыбающегося лидера государства редакции областных официальных изданий опубликовали текст Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля за подписями Брежнева и М. П. Георгадзе о присвоении юбиляру звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда». Полная формулировка звучала так: «за выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в строительстве коммунистического общества, укреплении экономического и оборонно-

го могущества Советского Союза, развитию братской дружбы народов СССР, в проведении миролюбивой внешней политики», а также за «исключительные заслуги в борьбе с гитлеровскими захватчиками в период Великой Отечественной войны».

В последующие дни первые полосы областных газет подробно извещали своих читателей и подписчиков о награждении Хрущёва высшими наградами социалистических стран (ГДР, Болгария, Чехословакия, Румыния, Монголия), поздравлениях в его адрес от зарубежных компартий и из некоторых стран «третьего мира» (Гана, Афганистан). Был помещен и подробный отчет ТАСС о торжественном обеде в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в честь юбиляра.

Особый интерес представляет региональный материал. В совместном поздравлении в адрес юбиляра от промышленного и сельского обкомов, а также исполкомов областных Советов депутатов трудящихся, областных советов профсоюзов и обкомов ВЛКСМ⁹ констатировалась «неустанная забота о повышении жизненного уровня советских людей, о расцвете их творческих сил, способностей и талантов» со стороны ЦК партии и лично тов. Хрущёва. К его заслугам было отнесено также «воспитание масс в духе жизнеутверждающих идей марксизма-ленинизма». Кроме того ивановские партийно-советские руководители отмечали успехи и достижения своего региона в различных отраслях экономики и строительстве коммунизма, достигнутые под руководством юбиляра. Хрущёв получил также поздравительные телеграммы от старых коммунистов Иванова, различных промышленных предприятий, колхозов, совхозов, учебных заведений, других организаций и учреждений Ивановской области, лично от трудящихся.

Местные власти стремились продемонстрировать заботу союзного Центра и лично его лидера об их регионе, для чего прибегали к помощи фотографий. На первой странице «Рабочего края» было опубликовано фото, запечатлевшее момент встречи главы партии и государства с группой ивановских коммунистов — делегатов XXII съезда КПСС в 1961 году. В номерах «Северного рабочего» за 17 и 18 апреля содержался фотоотчет о посещении Хрущёвым Ярославского шинного и Ново-Ярославского нефтеперерабатывающего заводов.

Поскольку годом ранее Никита Сергеевич совершил визит в Ярославль, местная газета поместила большую статью с воспоминаниями работников шинного завода П.С. Гунина (депутат Верховного Совета РСФСР), В.Я. Работновой (Герой Социалистического Труда) и А.И. Ахмерова (участник Всесоюзного совещания ударников и бригад коммунистического труда) об этом событии¹⁰. Эти представители региональной элиты вспоминали и о встречах с Хрущёвым на XXI и XXII съездах КПСС, официальных приемах. Он характеризовался как «большой друг ярославских шинников» и «дорогой гость» в городе. Статья была выдержана в достаточно патерналистском тоне, характерном для советских СМИ в целом. Все рабочие шинного завода, по мысли ее автора, «знают, что он (Хрущёв. — *М.К., Ю.Н., Д.Т.*) следит за работой их завода, ценит их успехи, огорчается промахами и просчетами», а потому они «набирают темпы в труде»¹¹. В реальности же еще за несколько лет до отставки Хрущёва представители рабочего класса высказывались резко против

нового культа личности. Так, в одной из реплик на партийном собрании завода в Ярославле в 1961 г. прозвучала открытая критика славословия в его адрес: «Много слов славят Н.С. Хрущёва. Не ведет ли это тоже к культу личности?»¹².

Читателям «Северного рабочего» давалось понять, что советский лидер имеет непосредственное отношение к успехам ярославской промышленности. Именно его первый визит в город в марте 1941 г. будто бы привел к устранению всех недостатков в работе ЯШЗ, а в дальнейшем — к постановке на предприятии научно-исследовательской работы и выпуску новых видов продукции. Ту же роль сыграл и его приезд в июне 1963 года. Хрущёв, как давала понять газета «Северный рабочий», косвенно причастен и к открытию в 1944 г. Ярославского технологического института — кузницы кадров всех промышленных предприятий города.

«Юбилейной» темы в Верхне-Волжском регионе касались и на некоторых мероприятиях, формально далеких от нее. В частности, в Доме культуры работников коммунально-бытовых предприятий Иванова в те же дни состоялся вечер советско-польской дружбы¹³. Он был приурочен к 19-летию подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польшей. Мероприятие посетили представители местной элиты: заместитель председателя исполкома Ивановского горсовета Н.И. Зуева и секретарь Ивановского промышленного обкома ВЛКСМ А.Г. Демидов. Вместе со вторым секретарем посольства ПНР в Москве В. Вишневики и другими докладчиками они сердечно поздравили Хрущёва с 70-летием и пожелали ему «доброто здоровья, бодрости, многих лет жизни и плодотворной работы во имя коммунизма и мира на земле». Как сообщал анонимный автор очерка, собравшиеся люди в едином порыве вставали и долго аплодировали¹⁴. Фактически региональные масс-медиа создавали иллюзию безграничной всенародной любви и преданности главе партии и Советского государства.

Следует подчеркнуть, что юбилейное восхваление Хрущёва после его отставки с поста первого секретаря ЦК КПСС сменилось резкой критикой в его адрес. Об этом свидетельствуют документы региональных архивов. Приведем лишь некоторые характерные реплики рядовых рабочих и служащих по поводу решения Октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года. Мастер электромашиностроительного завода т. Красулин заявил: «Один человек, каким бы он ни был, государством руководить не может. У Хрущёва были ошибки по руководству сельским хозяйством. Правильно поступил Пленум ЦК КПСС». В высказывании рабочего прекрасно читается один из характерных штампов исторической памяти в отношении Хрущёва — критика волюнтаризма, в котором так часто обвиняли советского лидера. Другой рабочий Рыбинского завода п/я 56 В.Н. Игнатьев раскритиковал Никиту Сергеевича за его неумную склонность к реформаторству: «Хрущёв 10 лет занимался экспериментами в промышленности и сельском хозяйстве, а толку никакого, только вред». Сотрудник полиграфического комбината М.А. Жариков негативно отозвался о выступлениях Хрущёва: «Речи его надоели, и никто их уже не читал». Некоторые представители рабочего класса восприняли отставку Хрущёва как настоящий праздник. Так, столяр завода «Победа рабочих» В.М. Чаркин поздравил своих товарищей с этим событием, заявив: «Вот,

теперь заживем. Брежнев с Косыгиным — это не Хрущев». Преподаватель Ярославского пединститута Г.Э. Латышева подчеркнула: «Давно бы пора убрать Хрущёва с его пустословием и запутыванием дел... Осуждал культ личности Сталина, а сам стал таким же культом»¹⁵.

Важно понимать, что в государстве с авторитарной (а всего лишь десятилетием ранее — тоталитарной) политической системой, полностью подконтрольными властям СМИ, при отсутствии какой-либо легальной оппозиции зачастую возникает своего рода разрыв между тем, какой образ своего правления хочет создать власть, и его реальным восприятием у населения. Показательно, что между празднованием юбилея Хрущёва и его недобровольной отставкой прошло всего шесть месяцев. Торжественные мероприятия проходили на фоне достаточно острого продовольственного кризиса, роста антисоветских настроений в обществе, общей усталости от правления «дорогого Никиты Сергеевича»¹⁶.

Воспоминания об этом юбилее даже у представителей элиты остались зачастую весьма критические. Упомянутый выше Лощенков негативно отзывался о регулярных упоминаниях имени первого секретаря ЦК КПСС в периодической печати первой половины 1960-х гг., издании нескольких томов его выступлений и фактическом начале кампании по созданию культа его личности, хотя и не связывал все это с существовавшей в Советском Союзе общественно-политической системой¹⁷. Замечания бессменного руководителя Ярославского обкома КПСС эпохи позднего социализма были во многом справедливы, поскольку в 1962—1963 гг. ведущие СМИ действительно именовали Хрущёва «великим ленинцем» и «великим борцом за мир», регулярно помещая на своих страницах его фотографии; буквари и школьные учебники также открывались портретами руководителя КПСС и Советского государства. Наконец, к созданию нового культа личности подключился и кинематограф: появился фильм «Наш Никита Сергеевич»¹⁸.

Негативно о таких явлениях писали и некоторые другие мемуаристы. Так, преподаватель исторического факультета МГУ, член КПСС В.П. Смирнов в своих воспоминаниях сравнил празднование юбилея Хрущёва со сталинскими юбилеями: «17 апреля 1964 г. с большой помпой отпраздновали 70-летие Хрущёва. Почти все было как при Сталине: торжественное заседание, речи руководителей КПСС и других коммунистических партий, выступления “представителей” рабочего класса, крестьянства, молодежи, интеллигенции; бесконечные “сердечные поздравления и добрые пожелания дорогому Никите Сергеевичу”. Правда, стихов не читали и гениальным Хрущёва все же не называли... Кажется, впервые звание Героя Советского Союза (а не Героя Социалистического Труда) дали не за героический подвиг и даже не за какой-либо поступок, а просто “за выдающиеся заслуги”, как подарок ко дню рождения. В общей сложности Хрущёв стал обладателем четырех Золотых звезд. По их числу он, наконец, догнал маршала Жукова»¹⁹.

Запомнилась Смирнову и откровенная лесть в адрес юбиляра со стороны Брежнева и А.И. Микояна²⁰. Все это не могло не вызывать раздражения среди определенной части советского общества. Не случайно празднование юбилея стало как бы прологом к подготовке заговора, приведшего к отставке Хрущёва. Те, кто готовил этот юбилей, и стали

инициаторами последующих перемен. При этом определенные ограничения в формировании культа личности и его качественных характеристик у Хрущёва все же были. Отчасти это, видимо, было связано с тем, что первый секретарь сам развенчал предыдущий культ личности и не мог так откровенно создавать свой собственный, а отчасти с тем, что пребывание Хрущёва во главе партии и государства было, по меркам нашей страны, сравнительно непродолжительным. Его преемник Брежнев не был ограничен вышеприведенными условиями, и его культ личности получился более масштабным и продолжительным.

Аналогичным образом, но с гораздо большим размахом, в Ярославской и Ивановской областях в конце 1976 г. отмечали 70-летний юбилей Брежнева. В это время внутреннее положение СССР было достаточно стабильным, но уже отмечались первые серьезные признаки застойных явлений в экономике и политике, а состояние здоровья лидера стало ухудшаться. На первый план, как замечал компетентный современник, начали выходить его недостатки — «расцветшее с помощью подхалимов пышным цветом, ставшее безграничным тщеславие, страстная потребность собой красоваться», а также «очень невысокий уровень нравственной требовательности к себе»²¹. Даже не склонный к критике пресловутой эпохи застоя Лощенков в воспоминаниях был вынужден признать, что подобного рода фактами «Брежнев подпортил свою героическую биографию»²².

На первых полосах главных областных газет помещались отчеты о поздравлении советского генсека со стороны высших государственных органов (ЦК КПСС, Верховный Совет, Совет министров СССР), вручении ему ордена Ленина, второй медали «Золотая звезда» и почетного оружия с золотым изображением Государственного герба страны, а также о присвоении Брежневу высших государственных наград дружественных (Болгария, ГДР, Монголия, Куба, Польша, Венгрия) или нейтральных (Финляндия) стран с соответствующими обоюдными речами²³. Печатались большие парадные фотографии Брежнева, перечислялись все официальные лица, отправившие в его адрес поздравительные телеграммы²⁴.

Хотя на склоне лет Лощенков подверг критике ближайшее окружение генсека и руководителей ряда советских республик за потакание его слабостям²⁵, представители региональных элит не отставали в славословиях в его адрес. На первых полосах крупнейших ярославских и ивановских областных газет за 19 декабря 1976 г. помещалось совместное поздравление юбиляру от обкома КПСС и облисполкома, подписанное их руководителями. Оно также было исполнено в традиционном советском стиле. В частности, первый секретарь Ярославского обкома Лощенков и председатель облисполкома Торопов охарактеризовали жизнь Леонида Ильича как «ярчайший пример беззаветного и беспредельного служения делу великого Ленина, нашей славной Коммунистической партии, любимой Родине, героическому советскому народу, благородным идеалам коммунизма». Местная элита от имени народа заверяла генсека в том, что ярославцы «не пожалеют сил и энергии для успешного претворения в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС, выполнения планов десятой пятилетки». В свою очередь, ивановские руководители В. Г. Клюев (1924—1998 гг.) и А. В. Мокряков (род. 1921 г.) желали Брежневу «но-

вых свершений во имя торжества коммунизма, мира и прогресса, во имя блага и счастья всех людей труда».

Помимо официального нарратива, в региональных печатных изданиях присутствовали репортажи с митингов на крупнейших промышленных предприятиях. В них также принимали активное участие представители местных элит. Так, на подобном мероприятии, прошедшем на Яковлевском льнокомбинате с участием члена ЦК КПСС, первого секретаря Ивановского обкома Ключева, помимо традиционных хвалебных речей и обещаний досрочного завершения заданий пятилетки, Герой Социалистического Труда и лауреат Госпремии СССР А.В. Смирнова от имени трудового коллектива передала в подарок главе государства сотканную из льна скатерть с его портретом. В аналогичном мероприятии на Камвольном комбинате им. В.И. Ленина участвовал второй секретарь обкома В.Я. Тарарыкин ²⁶.

Характерной чертой празднования 70-летия Брежнева, ярко подчеркнувшей исторический контекст этого события, стали многочисленные публикации о единодушно положительной реакции различных партийных инстанций среднего и низового звена (горком, райком КПСС) на Октябрьский Пленум ЦК КПСС и речь на нем генерального секретаря. О горячем одобрении внешней и внутренней политики КПСС и деятельности ее ЦК во главе с Брежневым на 7-й сессии областного Совета депутатов трудящихся говорил первый секретарь Ярославского горкома В.Ф. Горулёв (1930—2010) ²⁷. В свою очередь, первый секретарь Фрунзенского райкома г. Ярославля В.М. Дорогов даже подчеркнул, что речь Брежнева на пленуме ЦК повлияла на рост трудовой активности рабочих и их принципиальность. В итоге район на неделю раньше выполнил план ²⁸. Аналогичные заявления поступали от профсоюзных и комсомольских организаций Ярославля и Иванова ²⁹.

Другой приметой нового культа личности стали многочисленные хвалебные статьи на страницах областных масс-медиа или письма читателей в их редакции в преддверии брежневского юбилея. В них представители разных социальных групп — научной и творческой интеллигенции, рабочих и колхозников — рассказывали о крупных достижениях и успехах последнего времени в различных сферах жизни страны, неизменно связывая их с деятельностью КПСС и лично ее руководителя. Например, ректор Ивановского государственного университета профессор В.Н. Латышев (1929—2018) полагал факт открытия своего вуза в 1974 г. «ярким свидетельством неустанной заботы... о наследниках иваново-вознесенских “красных ткачей”» со стороны юбиляра ³⁰. Приводя различные цитаты из выступлений Брежнева, авторы писем и статей обязались руководствоваться ими в своей повседневной работе.

Как правило, все эти люди были не просто коммунистами, но и представителями низового звена региональных элит (кавалеры советских орденов, делегаты съездов КПСС, лауреаты различных премий, председатели колхозов, директора фабрик, секретари парткомов заводов и др.). В «Северном рабочем» такие письма были объединены в рубрику «Слова горячей благодарности» ³¹ и представлены как искренние проявления народной любви. Аналогичным образом поступила и редакция «Рабочего края» ³². Среди характерных здравиц в адрес Брежнева можно привести

такие, как «наша любовь к Леониду Ильичу безгранична», «сын народа, сын партии, гениальный продолжатель дела великого Ленина», «символ величия нашей Родины, олицетворение социальной справедливости и могучей силы идей марксизма-ленинизма».

Важным инструментом формирования нового культа личности стало советское телевидение. Его активное развитие и распространение в общенациональных масштабах пришлось как раз на период позднего социализма. Власти использовали новое средство информации для формирования положительного образа руководства страны у населения и для активной агитации и пропаганды. Не стал исключением и образ Брежнева. По воспоминаниям одного из руководителей советского телевидения Н. Н. Месяцева, большое внимание уделялось показу крупных планов генсека на экране, созданию атмосферы бесконечных юбилеев и всеобщего ликования³³. Возможность давать программы в записи позволяла корректировать выступления первых лиц страны, убирать неудачные моменты из их речей, создавать нужный образ для восприятия населением.

С другой стороны, с учетом ухудшения состояния здоровья Брежнева и неумеренными его восхвалениями, телевидение могло играть и отрицательную роль. По итогам 70-летнего юбилея генсека один из работников аппарата ЦК, А. С. Черняев, отметил, что форма подачи материала (доступная благодаря телевидению всем) и продолжительность могут вызвать только удивление и смущение по причине слишком явного восхваления Генерального секретаря, преувеличения успехов во всех областях развития, откровенной лести в адрес Брежнева³⁴. Тем не менее, очевидцы формирования нового культа личности все же считали, что до сталинского размаха он не дошел; как писал в воспоминаниях один из сотрудников ярославского управления КГБ, «все-таки хрущевская прививка от сталинизма сработала»³⁵. Таким образом, телевидение дополняло печатные СМИ, функционируя в том же русле восхвалений и формирования культа личности генсека.

В целом публикации официальных СМИ Верхневолжья 1960—1970-х гг., связанные с празднованием юбилеев лидеров партии и государства, являются любопытным источником по истории советских региональных элит. Если 70-летие Хрущёва было отмечено в ярославских и ивановских газетах сравнительно скромно (не было опубликовано даже поздравительных телеграмм от региональных властных структур), то аналогичный юбилей Брежнева оставался одной из важнейших тем на протяжении нескольких дней, став частью формировавшегося культа личности руководителя государства. Гораздо большим был и масштаб вовлеченности в это событие представителей местных элит. При этом после 70-летия впереди был следующий юбилей — 75-летие Брежнева, отмеченный с еще большим масштабом и торжественностью, превосходящими предыдущее празднование.

Подводя итоги, отметим, что характерными чертами официального нарратива, связанного с юбилеями советских лидеров, было присутствие в региональных печатных изданиях следующих позиций: репортажи с митингов на крупнейших промышленных предприятиях, большие портреты юбиляра на первых страницах региональных газет, опубликование текстов официальных документов о награждении и/или присвое-

нии почетного звания, отчеты ТАСС о поздравлении советских лидеров со стороны высших органов власти, извещения читателей о награждении юбиляра наградами социалистических стран, совместные поздравления обкома КПСС, облисполкома, профсоюзов, ВЛКСМ, поздравительные телеграммы от трудящихся и старых коммунистов, различных организаций и учреждений региона (промышленных предприятий, колхозов, совхозов, учебных заведений).

Кроме того, как правило, в местном дискурсе коммеморации присутствовала констатация успехов и достижений региона в экономике и строительстве коммунизма, достигнутых под руководством юбиляра, указание на заботу союзного Центра и лично главы государства о благополучии народа, их непосредственную причастность к успехам местной промышленности.

Коммеморативная практика репрезентации юбилея включала также «горячее одобрение» внешней и внутренней политики ЦК КПСС, фиксацию роста трудовой активности рабочих и их принципиальности, хвалебные статьи на страницах областных масс-медиа или письма читателей в их редакции в преддверие юбилея, цитаты из выступлений юбиляра, которыми авторы писем и статей обязались руководствоваться в своей повседневной работе.

В целом язык репрезентации юбилеев Хрущёва и Брежнева носил патерналистский тон, был выдержан в традиционном советском стиле, проявлялся в апологетических речах и обещаниях досрочного завершения заданий пятилетки.

Таким образом, юбилейные торжества Хрущёва и Брежнева на региональном уровне могут быть рассмотрены в двух плоскостях. Во-первых, в контексте развития позднего СССР празднование юбилеев на региональном уровне было элементом формирования общих коммеморативных практик советской эпохи, которые способствовали формированию своеобразного культа личности советских руководителей. Во-вторых, репрезентация юбилейных торжеств в региональном разрезе — это своеобразная частная стратегия проявления лояльности местной элиты во взаимодействии с центром, которая акцентированно и демонстративно артикулировалась на коммуникативном уровне различных средств массовой информации.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18—39—00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950—1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти».

1. БОРДЮГОВ Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М. 2010; ЕГО ЖЕ. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. 2011.
2. СВЯТОСЛАВСКИЙ А.В. «Советский»: реальность или симулякр? (о корреляции понятий «советский»/«русский» в аспекте культурной идентичности). — Диалог со временем. 2016, № 54, с. 163.
3. О коммеморации см.: РУМЯНЦЕВА М.Ф. Проблема коммеморации. Метанарратив — места памяти — ренарративизация. — Там же. 2016, № 54, с. 16—32.
4. АНТИПИН Н.А. 50-летие русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики в 1954—1955 гг. — Там же. 2012, № 40, с. 79.

5. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО), ф. 7386, оп. 2, д. 6, л. 238—239.
6. СЕМАНОВ С. Н. Брежнев: Правитель «золотого века». М. 2006; ДЁННИНГХАУС В., САВИН А. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество. — Российская история. 2014, № 2, с. 127—149.; ИХ ЖЕ. Леонид Брежнев: публичность против сакральности власти. — Российская история. 2012, № 4, с. 179—194.
7. МОХОВ В. П. Эволюция региональной политической элиты России (1950—1990). Пермь. 1998; ЮРЧАК А. Все было навечно, пока не кончилось: последнее советское поколение. М. 2014; САВЕЛЬЕВА И. М., ПОЛЕТАЕВ А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия. В кн.: Феномен прошлого М. 2005, с. 170—220; РЕПИНА Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования. — Диалог со временем. 2016, № 54, с. 8—16; РУМЯНЦЕВА М. Ф. Ук. соч., с. 16—32.
8. РАЗМОЛОДИН М. Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф. И. Лощенко: интервью с бывшим Первым секретарем Ярославского обкома КПСС. Ярославль. 1995, с. 75; ТОРОПОВ В. Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль. 2001, с. 60—62.
9. Слова любви и признательности. Трудящиеся нашей области горячо поздравляют юбиляра. — Рабочий край. 1964. 18 апреля.
10. КОЗЛОВА Е. Памятные встречи. — Северный рабочий. 1964. 17 апреля.
11. Там же.
12. ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 228, д. 92, л. 49.
13. Вечер советско-польской дружбы. — Рабочий край. 1964. 19 апреля.
14. Там же.
15. ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 2, д. 6, л. 238—239.
16. «Нездоровые и антисоветские проявления...»: справка Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области от 27 июля 1964 г. — Новейшая история России. 2012, № 1, с. 248—258.
17. ЛОЩЕНКОВ Ф. И. От Сталина до Горбачёва. Ярославль. 2000, с. 43.
18. МЕДВЕДЕВ Р. А. Н. С. Хрущёв: Политическая биография. М. 1990, с. 236, 238.
19. СМИРНОВ В. П. От Сталина до Ельцина. М. 2011, с. 321.
20. Там же, с. 321.
21. АРБАТОВ Г. А. Человек системы. М. 2015, с. 323—324, 330.
22. ЛОЩЕНКОВ Ф. И. Ук. соч., с. 50.
23. См. номера «Северного рабочего» и «Рабочего края» за 3, 14, 15, 16, 17 и 18 декабря 1976 года.
24. Вручение товарищу Л. И. Брежневу высшей награды Родины. — Рабочий край. — 1976. 20 декабря и др.
25. ЛОЩЕНКОВ Ф. И. Ук. соч., с. 49.
26. ЕГОРЫЧЕВ Г., КРУГЛОВА С. Голос рабочего подвига. Текстильщики благодарят Л. И. Брежнева за высокую оценку их труда. — Рабочий край. 1976. 16 декабря.
27. План и бюджет области. Седьмая сессия областного Совета депутатов трудящихся. — Северный рабочий. 1976. 11 декабря.
28. Руководство к действию. — Там же. 1976. 15 декабря.
29. Боевая программа профсоюзов. Пленум облсовпрофа. — Рабочий край. 1976. 8 декабря; Пленум обкома ВЛКСМ. — Там же. 1976. 10 декабря; В обстановке сплоченности. Коммунисты области восприняли решения октябрьского пленума ЦК КПСС как боевую программу повседневной работы. — Там же. 1976. 11 декабря; Воодушевляющая цель. Развивая экономику, превращать город Иваново в город высокой культуры и благоустройства. — Там же. 1976. 17 декабря; КОПЫЛОВА И. На главном направлении. — Там же. 1976. 14 декабря.
30. Подробнее см.: ЛАТЫШЕВ В. Мечта, ставшая реальностью. — Рабочий край. 1976. 18 декабря.
31. См.: СУРНИН И. Кораблям знак качества. — Северный рабочий. 1976. 16 декабря; БЕЛУГИН Б. Масштабность перемен. — Там же. 1976. 19 декабря; НИКИТИНА В. Единство. — Там же; АРЖАНЦЕВА О. Крепнет социалистическая демократия. — Там же; НЕЛЬСКИЙ В. Источник вдохновения — Там же; ПОТАПОВ Г. Планы партии — пла-

ны народа. — Там же; КАЩЕНКО А. Выдающийся представитель творческого марксизма. — Там же.

32. См.: Страницы пламенной жизни. — Рабочий край. 1976. 8 декабря; УЖИНОВА Е. Неутомимый борец за мир. — Там же. 1976. 18 декабря; Повесть о коммунисте. Вчера в ивановском кинотеатре «Современник» состоялся общественный просмотр новой киноленты «Повесть о коммунисте», созданной на центральной киностудии документальных фильмов. — Там же. 1976. 19 декабря; ГОЛУБЕВА В. Документы огромной мобилизующей силы. — Там же; РЫБАКОВА З. Почетно и ответственно. — Там же. 1976. 19 декабря; ВАСИЛЬЧУК С. Ускорение. — Там же. 1976. 20 декабря.
33. МЕСЯЦЕВ Н. «Генсека на экране должно быть втрое больше». В кн.: Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М. 1991, с. 213.
34. ЧЕРНЯЕВ А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы. М. 2008, с. 256.
35. СИМОНОВ А. Искусствовед в штатском. Ярославль. 2008, с. 183.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi08 ББК 63.3(0)

Совместный российско- китайский университет «МГУ- Пекинский политехнический институт (ППИ)» в Шэньчжэне как фактор «мягкой силы»

К. А. Голиков

Аннотация. В публикации прослеживается преломление политики «мягкой силы» КНР и РФ как развитие теории комплексной взаимозависимости на примере учреждения в 2014 г. совместного российско-китайского университета «МГУ-Пекинский политехнический институт (ППИ)» в Шэньчжэне — средоточии современных технологий нового технологического уклада. Технологическое и интеллектуальное лидерство в рамках междисциплинарной концепции рефлексивного управления, созвучной практике применения «мягкой силы», рассматривается как одно из средств достижения внешнеполитических целей.

Ключевые слова: «мягкая сила», комплексное взаимодействие, рефлексивное управление, МГУ имени М.В. Ломоносова, Китай, Шэньчжень, архитектурно-ландшафтный комплекс, ботанический сад.

Abstract. The publication traces the refraction of the policy of “soft power” of China and Russia as the development of the theory of complex interdependence on the example of the joint Russian-Chinese University “Moscow State University–Beijing Polytechnic Institute (PPI)” established in 2014 in Shenzhen — the focus of modern technologies of the new technological order. Technological and intellectual leadership in the framework of the interdisciplinary concept of reflexive management, consonant with the practice of “soft power”, is considered as one of the means to achieve foreign policy goals.

Key words: Lomonosov Moscow State University, Botanical garden, China, Shenzhen, architectural and landscape complex, soft power.

Первый камень на месте строительства университетского кампуса МГУ-ППИ в Шэньчжэне был установлен 6 мая 2016 г. в присутствии лидеров России и Китая, руководителей МГУ имени М.В. Ломоносова.

Голиков Кирилл Андреевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-учебного Музея земледения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: iris750@gmail.com.

Golikov Kirill A. — PhD (Biology), senior researcher of the Earth Science Museum of the Lomonosov Moscow State University. E-mail: iris750@gmail.com.

ва и Пекинского политехнического института, а также представителей Шэньчжэньского муниципального общественного бюро и связанных с проектом структур. Годом ранее проект выиграл в конкурсном отборе. В сентябре 2017 г. состоялась церемония открытия совместного университета. В феврале 2018 г. «Доклад о проекте ландшафтного дизайна» заслушали на месте строительства в присутствии ректоров со стороны России и Китая, которые остались им довольны.

Менее четырех десятилетий назад современный 12-миллионный Шэньчжэнь (в буквальном переводе — «глубокая межа»; символом города является бык, вспахивающий целину) представлял собой малонаселенное пространство между двумя мегаполисами — Гонконгом (бывшей британской колонией, а ныне — специальным административным районом Сянган) и Кантоном (Гуанчжоу). По договору о создании совместного университета, споры рассматриваются в Международном арбитражном центре Гонконга, где действует англосаксонская система права рассмотрения споров ¹.

Шэньчжэнь, согласно разработанной при руководстве Дэн Сяопина его соратником Си Чжунсюнем (отцом Си Цзиньпина) политике «реформ и открытости» ², в 1980 г. стал одной из трех «специальных экономических зон» (наряду с Чжухаем и Шаньтоу). В то время Шэньчжэнь рассматривался властями КНР как «китайский ответ Гонконгу», вопрос о передаче которого из-под власти британской короны тогда еще не был окончательно решен. Изначально в январе 1979 г. китайская госкомпания China Merchants ³ с целью привлечения гонконгских бизнесменов создала в Шэжоу (Наньшань) промышленную зону.

Впоследствии локальная экономическая тактика превратилась в общенациональную политическую стратегию, и к 1985 г. в Китае сформировалась приморская полоса открытости, где создавались совместные предприятия. В результате в ходе индустриализации возник мощный высокотехнологичный сектор экономики. Сегодня Шэньчжэнь, наряду с Гонконгом, Макао, Гуанчжоу, включен в район Большого залива (эстуарий реки Чжуцзян — Жемчужной реки), призванного стать опорным пунктом китайского сегмента проекта «Один пояс — один путь».

Современный Шэньчжэнь является городом-форпостом инновационного развития Китайской Народной Республики и одним из наиболее динамично развивающихся городов. С 1999 г. здесь проводится ежегодная Китайская ярмарка высоких технологий. Шэньчжэнь часто сравнивают с американской Силиконовой долиной: в мегаполисе и пригородах сосредоточено около 11 тыс. современных лабораторий и производств. Акцент в проблематике научных исследований сделан на информационных и компьютерных технологиях, телекоммуникациях, новых материалах, робототехнике, энергетике, биотехнологии, медицине и здравоохранение.

Здесь действуют Национальный центр суперкомпьютеров (где по состоянию на 2010 г. установлен самый мощный в Китае и второй по мощности в мире суперкомпьютер Nebulae ⁴), Шэньчжэньский институт передовых технологий Китайской Академии наук, Институт передовых технологий Куанчи, Шэньчжэньский филиал Пекинского института геномики и Шэньчжэньский институт расширения технологической интегра-

ции Китайской Академии наук. Кроме того, в Шэньчжэне расположено несколько крупных научно-исследовательских и дизайнерских центров китайских и иностранных корпораций.

Шэньчжень является центром электронной и электротехнической промышленности: здесь базируется Huawei Technologies — один из глобальных лидеров в сфере сетевого оборудования, коммуникационных систем, создания систем комплексной автоматизации (вторая компания в мире по производству смартфонов, разрабатывающая «базовые станции связи 5G»). Эта технология позволяет в несколько раз быстрее обмениваться данными по надежному каналу связи, что важно для управления сложной техникой в режиме реального времени.

Столь интенсивное развитие технологии беспокоит Вашингтон: в докладе Совета национальной безопасности США в декабре 2018 г. констатировалось: «Европа шла впереди в развитии формата связи 3G, Америка лидировала с 4G, меняющая весь рынок деятельность Huawei может дать Китаю лидерство в 5G»⁵, что в перспективе позволит Китаю получить стратегическое преимущество в развитии сетевых технологий⁶. Не случайно США, Австралия и Новая Зеландия запретили использовать оборудование Huawei. Однако аудитории, лаборатории и общежития Совместного российско-китайского университета оборудованы новейшими системами 5G Huawei.

В последние десятилетия получило распространение понятие «мягкая», или «гибкая сила» «soft power», которое ввел в 1990 г. американский политолог Джозеф Нае (J. Nye) — один из разработчиков теории комплексной взаимозависимости (Theory of Complex Interdependence)⁷. В ее рамках ситуация, возникающая в международных отношениях в результате расширения мировой торговли и финансовых связей, характеризуется установлением множественных каналов коммуникации между субъектами международной жизни (как на внутри-, так и на межгосударственном уровне, а также — между различными транснациональными акторами) и переносом акцента на поиск взаимных интересов при решении конфликтных ситуаций.

Компонентами «мягкой силы» являются: культура (в первую очередь — массовая); национальные идеалы и внутренняя политика; публичная внешняя политика, реализуемая через опору на общие ценности и отказ от жесткого навязывания своего образа жизни. Результатом умелой политики «мягкой силы» становится незаметное, неосознаваемое формирование и распространение позитивного имиджа, воспринимаемого в мире с доброжелательным интересом. Таким образом, экономическая, политическая и культурная привлекательность в глазах партнеров рассматривается в качестве альтернативного ресурса влияния в целях побудить их к «добровольному» проведению определенной политической линии, что в конечном итоге может способствовать продвижению собственных внешнеполитических целей с меньшими издержками.

Отечественные специалисты из Института Дальнего Востока РАН подчеркивают различие интеллектуальных измерений «мягкой силы» Китая и Америки: если США делают акцент на экспорт политических ценностей, то в Китае в качестве инструмента реализации долгосрочных внешнеполитических интересов рассматривается культура⁸. При этом

Китай, в противовес западному подходу, заключающемуся в абсолютизации либеральных ценностей и навязывании их другим странам, предлагает иное ценностное содержание национальной «мягкой силы», декларируя следование переосмысленному конфуцианскому тезису «гармонии без единообразия» — не навязывать свои ценности другим, но и не принимать бездумно чужие ⁹.

Сегодня Китай следует стратегии экономической интеграции евразийского пространства «Один пояс — один путь» ¹⁰, объединяющей две инициативы — «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», и реализующей концепцию «Сообщества единой судьбы человечества» ¹¹.

Современный Морской Шёлковый путь — важная часть глобального плана возрождения древнего Шёлкового пути — возникшего две тысячи лет назад межцивилизационного трансконтинентального коридора, соединяющего Китай со странами Персидского залива и Средиземного моря. Концепция «Морского Шёлкового пути XXI века» была разработана в противовес Транстихоокеанскому партнерству — политике США «разворота в Азию», направленной на сдерживание Китая и создание угрозы его морским коммуникациям ¹².

В «наступлении на Запад» — через усиление собственного влияния по маршруту «нового Шелкового пути» — Китай видит возможность преодолеть американскую стратегию сдерживания, а в перспективе — не только расширить стратегическое пространство безопасности вокруг Китая, но и создать на евразийском пространстве пояс лояльных Пекину государств ¹³. В связи с этим периферийная дипломатия — развитие связей КНР с соседями по региону — служит цели формирования мощного панрегиона с доминированием Китая как мировой фабрики с огромными внешнеторговыми оборотами ¹⁴.

Произошедшее за годы реформ укрепление государственной мощи Китая способствовало укреплению его положения на международной арене ¹⁵. При этом для повышения влияния Китая инструментами «мягкой силы» стране необходимо «активизировать строительство мозговых центров нового типа с китайской спецификой» ¹⁶.

«Ставить древнее на службу современности» — традиционный прием китайской политики и дипломатии. Руководители КНР рассматривают местоположение пятитысячелетней китайской культуры так: «на поперечной оси мира древняя нация устанавливает свои координаты в эпоху глобализации. На продольной оси истории великая культура, пережив расцвет и упадок, славу и позор, поднимает паруса на пути возрождения» ¹⁷. Символично, что имя древнего китайского мудреца Конфуция носит сеть международных культурно-образовательных центров по продвижению китайского языка и культуры — «Институт Конфуция», созданных по образцу аналогичных западноевропейских систем: английского «British Council» и немецкого «Goethe-Institut». Первый Институт Конфуция был открыт в ноябре 2004 г. в Сеуле, а за десять лет по всему миру создано более 850 подобных учреждений. Деятельность системы Институтов Конфуция в мире координируется ее пекинской штаб-квартирой ¹⁸.

В использовании преподавания китайского языка проявляется взаимосвязь «жесткой» и «мягкой» сил, порождающая «умную силу» ¹⁹:

расширенный спрос на изучение китайского языка обеспечивает продвижение китайской культуры. Институты Конфуция организуются внутри действующих иностранных учебных заведений; при этом партнером выступает один из китайских вузов. Принимающая сторона предоставляет территорию, а китайская — преподавателей и учебные материалы. В Российской Федерации действует около 20 Институтов Конфуция, в том числе — в МГУ имени М.В. Ломоносова ²⁰.

В России программы в русле политики «мягкой силы» реализуются с 2005 года ²¹. 21 июня 2007 г. Указом Президента РФ был создан фонд «Русский мир», основными целями которого являются популяризация русского языка и культуры, поддержка программ изучения русского языка во всем мире ²². Основным официальным проводником концепции «мягкой силы» является Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), в задачи которого входит увеличение числа российских центров науки и культуры за рубежом с учетом геополитических интересов РФ ²³. Нарращивание приема иностранных студентов в университеты и колледжи является важным аспектом «мягкой силы». Более 10 тыс. иностранных студентов, аспирантов, стажеров из 90 стран мира ежегодно посещают МГУ с целью обучения, повышения квалификации, участия в программах научных стажировок ²⁴.

В настоящее время более 300 студентов и аспирантов обучается в российско-китайском Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне, учрежденном совместно МГУ и Пекинским политехническим институтом. 13 сентября 2017 г. состоялась торжественная церемония открытия Университета с участием вице-премьеров обеих стран ²⁵. Созданию Совместного университета МГУ-ППИ предшествовало подписание Меморандума о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве, состоявшееся в рамках официального визита В.В. Путина в КНР. 5 сентября 2014 г. ректор МГУ имени М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий и президент Пекинского политехнического института (ППИ) академик Ху Хайянь подписали Учредительный договор о создании университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне ²⁶.

Реализация этого проекта потребовала корректировки национального законодательства, в результате чего МГУ и СПбГУ получили право реализовывать образовательные программы высшего образования на основе самостоятельно устанавливаемых образовательных стандартов в зарубежных образовательных организациях, учредителями которых они являются ²⁷. 11 марта 2016 г. Устав Совместного университета МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне был утвержден.

Ключевая задача совместного университета — подготовка в Китае на базе лучших российских образовательных программ специалистов для реализации экономических проектов двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе, развитие диалога культур и взаимопонимания двух народов и создание на территории КНР совместного университета как форпоста российской науки в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ректор Совместного университета профессор Тан Шуйюань подчеркнул, что Пекинский политех, наряду со многими другими китайскими вузами, был

основан с помощью Советского Союза в 50-е гг. XX в., после победы Китайской революции и образования КНР. Соучредители Совместного университета — МГУ имени М. В. Ломоносова, Пекинский политехнический институт и Муниципальное народное правительство города Шэньчжэня, выделившее землю для городка-кампуса с учебными и административными корпусами, общежитиями, стадионом и парком, а также деньги на строительство, зарплату преподавателям и стипендии успевающим студентам. При этом вся инфраструктура передается университету в аренду за 1 юань на 50 лет²⁸.

Постоянный кампус университета площадью 33,3 га расположен в юго-западной части Университетской деревни Шэньчжэня, в районе Лунган (где проводилась XXVI Всемирная летняя универсиада 2011 г.). Архитектурный комплекс Университета выполнен в стиле комплекса МГУ на Воробьёвых горах в Москве, а центром архитектурного ансамбля стало 154-метровое высотное здание МГУ-ППИ — уменьшенная копия российского прототипа²⁹ — редкость для современной китайской архитектуры.

Ансамбль МГУ имени М. В. Ломоносова на Ленинских (ныне — Воробьёвых) горах создавался после победы в Великой Отечественной войне как дворец науки, которая поддерживается государством³⁰. Центральная ось архитектурно-паркового комплекса ориентирована на Кремль как символ государственной власти. Непосредственно в архитектурно-ландшафтном комплексе МГУ главная ось начинается со смотровой площадки Воробьёвых гор; по направлению к главному зданию МГУ на ней расположена аллея с фонтанами и бюстами отечественных ученых. Композиционным центром главного здания является актовый зал, где проходят важнейшие университетские события, и фойе актового зала, украшенное барельефными портретами ученых, представляющих разные отрасли науки, эпохи и страны.

Общее архитектурно-планировочное решение университета определило и облик его Ботанического сада, также имеющего осевую композицию. Главная аллея Ботанического сада — вторая композиционная ось территории МГУ. Все дороги образуют систему взаимно-перпендикулярных осей и разбивают территорию сада на прямоугольные кварталы. Их прямые линии подчеркнуты линейными посадками деревьев тех же пород, что использованы в оформлении всей территории МГУ: лип, лиственниц, яблонь.

Проект Агроботанического сада (как в то время назывался Ботанический сад) на Воробьёвых горах разработал коллектив ландшафтных архитекторов во главе с В. Н. Колпаковой (мастерская Генерального плана Управления проектирования МГУ), а в его реализации активно участвовала тогдашний директор Сада профессор Н. А. Базилевская. Закладка этой территории состоялась в 1950 г. при строительстве новых зданий Московского университета³¹.

При входе в главный корпус Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне установлен классический бюст М. В. Ломоносова, а длинный коридор украшен флагами Китая и России, портретами русских и китайских ученых. С дизайном архитектуры сочетается и ландшафтная планировка. Территория университетского кампуса представляет собой синтез регу-

лярного парка, характерного для советского прототипа, и традиционного китайского сада с озером. От главного входа на территорию (с южной стороны) через переднюю площадь, главное здание, центральную площадь, искусственное озеро и китайский садовый район образуется ландшафт «одной оси». Навстречу ей от северных ворот начинается бульвар кампуса, образующий ландшафт «одного пути»: проходя по восточной стороне центрального парка и огибая главное здание с юга, он сворачивает на запад. Название проекта — «Одна ось и один путь» — явно отсылает к стратегической инициативе КНР «Один пояс — один путь».

Идея использовать «мягкую силу» для установления власти восходит к древним китайским философам, в частности, Лао-цзы³². В его учении основное внимание уделялось законам, господствующим в природе. В основе учения лежало понятие о Дао («Пути») — представление о вечной изменчивости мира: все сущее произошло от Дао, чтобы, совершив кругооборот, снова в него вернуться. Дао не только первопричина, но и конечная цель и завершение бытия, а задача человека — познать Дао, то есть пойти по пути гармонии мира и слияния с природой. Лао-цзы утверждал, что равновесие мира основано на взаимодействии контрастных элементов и противоположных качеств. Лао-цзы призывал следовать законам природы, ибо «тот, кто нарушает законы Дао — погибнет раньше времени».

Многие принципы даосизма получили воплощение в ландшафтном искусстве Китая. Умение выявить и обобщить то, что свойственно самой природе, — вот основная цель создания сада, считали китайцы. Поэтому обязательными его элементами были камни и вода, олицетворявшие две основные силы мироздания — ян и инь, означающие свет и тьму, силу и слабость, мужскую и женскую энергии, всегда дополняющие друг друга. «Сад как бы воспроизводит образ природы в целом, выражая особенности совершаемых в ней перемен, выявляя заключенные в ней силы движения и покоя в их гармоническом взаимодействии»³³.

Отправная точка ландшафта «одной оси» — парадная передняя площадь перед главным зданием университета. Ее строгая геометрия и открытая планировка, характерные для классического регулярного стиля³⁴, подчеркивают ось и порядок, а обширный газон на партере создает интеллигентную атмосферу кампуса. Симметрия пространства акцентирована строгими линиями высаженных строем оливковых деревьев, культивируемых по всему Средиземноморью — «колыбели» современной западноевропейской цивилизации (а также — на российском Черноморском побережье). Выбор древесных пород для ландшафтного оформления территории совместного российско-китайского университета символичен: одним из ключевых пунктов «Экономического пояса Шелкового пути» в Европе является Москва, а «Морского Шелкового пути XXI века» — Афины и Венеция. Как и древний Шелковый путь, современные маршруты призваны соединить Китай со странами Средиземного моря.

Центральная площадь является пространством коммуникации — местом, где чаще всего вне аудиторий встречаются и общаются студенты и преподаватели. На эспланаде главного здания устроен партер, обрамленный аллеей мелколистной оливы; его центральную часть занимает широкая полоса газона. Перед входом в библиотеку в него врезана не-

большая округлая площадка, разбивающая партер в соотношении три к одному. Акцентированное средствами ландшафтного дизайна сочетание различных по размерам и геометрии открытых пространств позволяет диверсифицировать возможности проведения разномасштабных мероприятий. Благодаря использованию оригинальных высокодекоративных деревьев в одиночной посадке — сейба великолепная (розовое шелковое дерево) и делоникс королевский («огненное дерево») — образуется ландшафтное пространство с прекрасным обзором, подсознательно вызывающее ассоциацию с Красным «Шелковым путем».

За центральной площадью раскинулось искусственное озеро, названное «Лебединым» — узловой пункт ландшафта «одной оси», где он из регулярного превращается в пейзажный. Эту трансформацию подчеркивает обрамление береговой линии, меняющееся от простого камня до естественного одернованного откоса. Колористическое решение традиционного китайского сада обдумывалось заранее: меняясь от сезона к сезону, оно несет идею — быть «символом вселенной во всем ее многообразии»³⁵.

На переднем плане высажен стройный и высокий листопадный болотный кипарис, богатая декоративность которого изменяется по сезонам года (так, осенью его листва приобретает рыжевато-ржавую окраску). Загущенная посадка из сизигиум ямбоз (малабарская слива, «розовое яблоко»), элеокарпус хайнаньский, плоды которого напоминают плоды оливы, и сизигиум хансей создают изысканный фон для расположенной неподалеку от берега беседки на небольшом островке.

В конце искусственного озера расположен садовый район с традиционными элементами китайского сада — бамбуковой тропинкой, каменным мостом, беседкой и т. д. Извилистая тропинка между холмами ведет по берегу озера, покрытому желтыми восковыми камнями и декорированному посадками анубиаса — водных (болотных) растений, название которого созвучно имени древнеегипетского божества — проводника умерших в загробный мир — мимо группы восковых фигур линнаний (род вымерших плацентарных млекопитающих, известных с раннего и среднего палеоцена Китая). Замыкающая водную систему дугообразная ландшафтная стена в конце садового района служит не только барьером, но и экраном, на который проецируются бамбуковые тени.

Именно здесь — в точке перехода от природного окружения к традиционному китайскому саду — начинается ландшафт «одного пути». Таким образом как бы перебрасывается мостик из прошлого в настоящее: путь, зарождающийся из вечной природы, берет начало в древнем «царстве теней» и через складывавшиеся веками национальные традиции ведет современную цивилизацию к успехам — в заманчивое будущее, сулящее процветание.

Красоту традиционного китайского сада сохраняли и поддерживали тщательно подобранные растения: кроме функционального, они обязательно имели эстетическое и символическое значение: бамбук и кипарис символизировали долголетие и благородство, стойкость и жизненную мудрость. В парке сохранена акация мангиум (мангровое дерево): как и личи (китайская слива), мангры являются официальными деревьями Шэньчжэня, а его официальный цветок — бугенвиллея — высажена на

центральном горном склоне кампуса. Наверху создан большой газон, добавлены группы желтых восковых камней; парк украшают несколько бамбуков («дерево-роща»), придающих ему особую атмосферу.

Обучение в совместном университете ведется на трех языках (русском, китайском и английском) по образовательным стандартам МГУ силами профессорско-преподавательского состава МГУ и преподавателей из других ведущих мировых университетов и научно-исследовательских центров. Преподавателей из Москвы и Пекина — носителей традиций российской и китайской систем образования — почти поровну. При этом в практику обучения внедряются инновационные педагогические методы, основанные на проектах, обсуждениях, автономном и интерактивном обучении.

Кроме уже действующих факультетов — вычислительной математики и кибернетики, наук о материалах, экономического, биологического и филологического — предполагается развивать актуальные направления китайско-российского взаимодействия: космические исследования (МГУ, где такой факультет был недавно открыт, за последние годы запустил на орбиту шесть космических спутников, а в Шэньчжэне производят спутники); а также транспорт и логистику, что отвечает запросам реализуемой Китаем инициативы «Один пояс — один путь» — глобального инфраструктурного проекта. Например, уже осуществляется российско-китайский проект интеграции Северного морского пути с морским Шелковым путем и его наземной транспортной инфраструктурой.

Планируется создать факультет медицины и здравоохранения, а также клинику и научный медицинский центр, так как эта триада реализована в МГУ. Учредительным договором и программой развития Совместного университета намечено сотрудничество в сфере искусств и телевидения, а также — медицины и здравоохранения; предполагается создание клиники и научного медицинского центра, как в МГУ. В структуре совместного университета предусмотрены и другие научные центры. Кроме медицинского, на базе которого предполагается реализовывать программы в сфере генетики, геномной инженерии, фармакологии, поиска технологий раннего выявления и надежного излечения опасных заболеваний, а также производственной медицины и медицины катастроф, планируется открыть центры компьютерных наук и математики, экологии и охраны окружающей среды. Для трудоустройства будущих выпускников университет подписал соглашение с Деловым советом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и рядом крупных китайских компаний.

Совместный российско-китайский университет является одним из проявлений расширения пространства Московского университета в ходе его исторического развития, о чем говорилось в актовой речи ректора МГУ академика Садовниченко на торжественном заседании, посвященном 263-й годовщине основания Московского университета, 25 января 2018 года³⁶. Уже в XXI в. продолжением центральной оси архитектурно-ландшафтного комплекса Московского университета стал интеллектуальный центр — Фундаментальная библиотека МГУ. Между главным зданием и библиотекой на оси расположены памятники М.В. Ломоносову и И.И. Шувалову как инициаторам основания университета. Симметрич-

но относительно главной оси находятся новые корпуса университета, в названиях которых — «Ломоносовский» и «Шуваловский» — подчеркнута историческая преемственность.

За Фундаментальной библиотекой планируется построить Технологическую долину МГУ. 28 марта 2019 г. было подписано Постановление Правительства Российской Федерации о создании инновационного научно-технологического центра Московского университета «Воробьевы горы»³⁷. В числе приоритетных направлений деятельности центра — технологии шестого технологического уклада: биомедицина, фармацевтика, медико-биологические исследования и испытания; нанотехнологии исследования новых материалов и наномашиностроение; информационные технологии и математическое моделирование; робототехника, технологии специального назначения и машинного инжиниринга, энергосбережение и эффективное хранение энергии; космические исследования и космонавтика; геонимия и экология; междисциплинарные гуманитарные исследования и когнитивные науки.

С точки зрения концепции постиндустриального общества, богатство человечества до конца XVIII в. составляла земля — территория. В современную эпоху богатство человечества, согласно этой концепции, составляют знания, поскольку главной движущей силой экономики становятся научные разработки как составная часть производства услуг, к которому в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения переходит приоритет от преимущественного производства товаров, что характерно для индустриальной эпохи³⁸. И в этом смысле архитектурно-ландшафтный комплекс МГУ — не только национальный памятник, но и материализованный и материализующийся символ эпохи.

Опираясь на современный принцип «учиться друг у друга», Россия и Китай создают собственную философию международного образования, суть которой — «использовать потенциал наших различий для достижения общих целей и решения общих проблем», поскольку именно такой подход может дать синергетический эффект³⁹. Смыкаясь, но не пересекаясь, «одна ось» и «один путь» прокладывают свои дороги в будущее...

Примечания

1. Договор о создании совместного высшего учебного заведения между народным правительством города Шэньчжэня, Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Пекинским политехническим институтом. URL: <http://msuinchina.org/wp-content/uploads/2015/06/The-Treaty-establishing-11.08.pdf>.
2. КИВА А.В. Китайские реформы: открытость в обе стороны. К 40-летию китайских реформ. — Новая и новейшая история. 2019, № 1, с. 178—180.
3. China Merchants Group. URL: <http://www.cmhk.com/en/>
4. Top 500 Supercomputer Sites. URL: <https://www.top500.org/news/lists/2010/06/press-release/>
5. Цит. по: ТАВРОВСКИЙ Ю.В. Шэньчжэнь — место силы. Лаборатория «китайского чуда» готовит новые сюрпризы. — Независимая газета. 4.II.2019.
6. HART K., SNYDER A., FISHER S. Why Huawei is the United States' 5G boogeyman. URL: <https://www.axios.com/us-5g-boogeyman-china-technology-race-7fb3fa1f-1213-4f08-9bf0-772c9b86c80b.html>.
7. NYE J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York. 1990; EJUSD. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York. 2004; NYE J., KEOHANE

- R. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston. 1977; 3d edition with additional material. New York. 2000.
8. БОРОХ О., ЛОМАНОВ А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу». — Россия в глобальной политике. 2012, т. X, № 4, с. 54—67.
  9. ВАН ИВЭЙ. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей». — «Жэньминь жибао». 14.I.2013. <https://inosmi.ru/world/20130114/204595110.html>.
  10. «Один пояс, один путь». Портал. <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/>
  11. Концепция сообщества единой судьбы человечества превращается из концепции в реальные действия — сказал Си Цзиньпин. — Пекин. Агентство Синьхуа. 2.XII.2017. <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1202/c31521—9299677.html>.
  12. КОМИССИНА И. Н. Морской Шелковый путь XXI века — глобальный геополитический проект Китая. — Проблемы национальной стратегии. 2017, № 1 (40), с. 60—81.
  13. ДЕНИСОВ И. Путешествие на Запад. — Россия в глобальной политике. 2015, т. XIII. Спецвыпуск. Январь-февраль, с. 221—229.
  14. ХАЛИДОВ Д. Проект «Россия-СССР-II». Между двумя мегапроектами. — Голос народа. Приложение к газете «Советская Россия». 21.III.2019, с. 6.
  15. KURLANTZICK J. Charm Offensive: How China's Soft Power is Transforming the World. Yale University Press. 2007.
  16. Цит. по: ЛОМАНОВ А. Приспособиться к «новой нормальности». — Россия в глобальной политике. 2015, т. XIII. Спецвыпуск. Январь-февраль, с. 215.
  17. Цит. по: БОРОХ О., ЛОМАНОВ А. Ук. соч., с. 65.
  18. Штаб-квартира Институтов Конфуция. URL: www.hanban.edu.cn.
  19. PODYAPOLSKIY S.A. “Soft Power” and “Smart Power” of Modern China = «Мягкая сила» и «умная сила» современного Китая. — Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Krasnoyarsk. 2014, т. 7, № 2, p. 347—358.
  20. Институт Конфуция МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: <http://www.ci-msu.ru>; В МГУ открылся Институт Конфуция. — Газета «Жэньминь Жибао» он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6522326.html>.
  21. ВАПЛЕР В.Я., ГРОНСКАЯ Н.Э., ГУСЕВ А.С., КОРШУНОВ Д.С., МАКАРЫЧЕВ А.С., СОЛНЦЕВ А.В. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы. — Научный вестник Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. Екатеринбург. 2010, вып. 1 (10), с. 22—27.
  22. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/122186.
  23. С позиции «мягкой силы». — Коммерсант. № 6 (5037), 16.I.2013.
  24. Международное сотрудничество в Московском университете. URL: <https://www.msu.ru/int>.
  25. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. URL: <http://szmsubit.ru>.
  26. Совместный российско-китайский университет. URL: <http://msuinchina.org/docs>.
  27. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. N52-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете»». URL: <https://base.garant.ru/70885190>.
  28. Проректор МГУ: из Китая к нам пришли за профессией и русским языком лучшие из лучших. URL: <https://tass.ru/interviews/5100687>.
  29. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. URL: <https://www.msu.ru/info/struct/dep/universitet-mgu-ppi-v-shenchzhene.php>.
  30. ГОЛИКОВ К.А. Трансформация идеи дворцово-паркового комплекса Версаля в контексте межкультурной коммуникации. В кн.: Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 8. М. 2017, с. 298—312.
  31. ГОЛИКОВ К.А. Этот прекрасный сад. М. 2008.
  32. ЛАО-ЦЗЫ. Дао Дэ Цзин. Litres. 2015, § 78.
  33. ВИНОГРАДОВА Н.А. Китайские сады. М. 2004, с. 8.
  34. ГОЛИКОВ К.А. Садово-парковые комплексы мира: регионоведение, политика, межкультурная коммуникация: учебное пособие М. 2017.
  35. ВИНОГРАДОВА Н.А. Китайские сады. М. 2004, с. 40.

36. САДОВНИЧИЙ В. А. Московский университет в пространстве и во времени. (Слово о Московском университете, произнесенное ректором В. А. Садовничим на торжественном заседании, посвященном 263-й годовщине основания Московского университета. 25 января 2018 г. URL: <http://media.msu.ru/?p=17497>.
37. Постановление Правительства Российской Федерации № 332 «О создании инновационного научно-технологического центра «Инновационный научно-технологический центр МГУ «Воробьевы горы»» от 28 марта 2019 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/6HVZbMfi2ZpV4C42K4W19MYeQBLDUPJD.pdf>.
38. См.: БЕЛЛ Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. 1999; ТОФФЛЕР Э. Третья волна. М. 2004.
39. Доклад Председателя Совета директоров университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне С.М. Шахрая на пленарной сессии международной конференции «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху». URL: <http://szmsubit.ru/doklad-predsedatelja-soveta-direktorov-s-m-shahraja-na-mezhdunarodnoj-konferencii-rossija-i-kitai/>

История деятельности Кашгарского отделения Русско- Азиатского коммерческого банка

Б. А. Алимджанов, З. А. Алтымышова

Аннотация. В публикации рассматриваются основы деятельности и функции Кашгарского филиала Русско-Азиатского коммерческого банка (1901—1926) в Синьцзяне. Авторы активно используют межбанковскую переписку, ежегодные отчеты директора филиала. Впервые в историографии исследованы активные и пассивные операции банка, проанализированы его расходы и доходы. Авторы, в отличие от советских и постсоветских исследователей, считают, что банки не стали «монополистами» в экономике Западного Китая. Самым крупным банком в регионе, имевшим разветвленную сеть филиалов (13) по всей Центральной Азии считался Русско-Азиатский коммерческий банк (до 1910 г. Русско-Китайский банк).

Ключевые слова: Кашгар, Русско-Азиатский коммерческий банк, финансы, Западный Китай, капитализм, модернизация.

Abstract. The publication deals with the basics of the activity and functions of the Kashgar branch of the Russian-Asian Commercial Bank (1901—1926) in Xinjiang. The authors in the article actively uses interbank correspondence, annual reports of the branch director. For the first time in historiography, the bank's active and passive operations were examined, and the bank's expenses and profits were analyzed. The authors, unlike Soviet and post-Soviet researchers, believes that banks have not become "monopolists" in the economy of Western China. The largest Russian bank in the region that had an extensive network of branches (13 branches) throughout Central Asia was the Russian-Asian Commercial Bank (until 1910 the Russian-Chinese Bank).

Key words: Kashgar, Russian-Asian commercial bank, finance, Western China, capitalism, modernization.

История банков и банковского дела в Центральной Азии и независимых ханствах фактически не изучена, страдает фрагментарностью и освещена в свете концепции «монополистического капитализма». Учеными в основном исследована деятельность Госбанка, Русско-Азиатского¹ и Волжско-Камского банков². Трудно согласиться с характеристикой дея-

---

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Ташкент. Узбекистан. E-mail: felix_1985@mail.ru; *Алтымышова Зухра Амеракуювна* — сотрудник гуманитарного факультета Отделения истории Кыргызско-турецкого университета Манас. Бишкек. Киргизия. E-mail: zuhraaltymyshova@gmail.com.

Alimjanov Bakhtiyor A. — PhD (History), independent researcher. Tashkent. Uzbekistan. E-mail: felix_1985@mail.ru; *Altymyshova Zuhra A.* — researcher at the Humanitarian Faculty, Department of History of the Kyrgyz-Turkish University Manas. Bishkek. Kyrgyzstan. E-mail: zuhraaltymyshova@gmail.com.

тельности банков в Средней Азии, данной советскими и постсоветскими историками. Например, по мнению З.Д. Кастельской, «российский капитализм для обеспечения эксплуатации местной экономики создал в Туркестане густую сеть банков»³. Мы думаем, что банки не эксплуатировали местную экономику, а наоборот помогали купечеству увеличивать экспорт товаров из региона. Один из крупных исследователей советского периода А.С. Садыков считал, что «деятельность финансового капитала не изменила в корне характера товаро-денежных и кредитных связей, существовавших в Хиве в прежнее время, а лишь создала известную иерархию в подчинении банковскому капиталу почти всех производителей (через посредников)»⁴. Архивные данные свидетельствуют, что никакую «иерархию» банковская система не создала ни в Хивинском ханстве, ни в Бухарском эмирате. Вызывает сомнение утверждение, что «деятельность купцов-предпринимателей знаменовала появление в крае местной торгово-промышленной буржуазии, которая заняла достаточно сильные позиции в его экономике. Но тесная связь и сильная финансовая зависимость от российского торгово-промышленного и особенно банковского капитала не позволяла ей стать монополистом в торгово-промышленной сфере»⁵. Данное определение противоречит концепции империи, так как никто не мог стать монополистом в спекулятивной экономике. Также мы частично не согласны, с мнением Н.Б. Хотамова, который считает, что «российский финансовый капитал в своей колонии — Средней Азии совсем не заботился о положении местных банков, которые появились в регионе независимо от российских, а потому оставались слабыми и не оказывали большого влияния на экономическую жизнь Средней Азии»⁶. Можно утверждать, что именно банки способствовали спекуляции на местных рынках, замедляя «модернизацию» экономики региона.

Экономическое развитие Синьцзяна было обусловлено географическими, политическими, этническими и другими факторами. Регион обладал обширной территорией, значительными природными ресурсами, которые позволяли заниматься разнообразными видами хозяйственной деятельности. Горы, впадины, пустыни и полупустыни, оазисы разделяли территорию Синьцзяна на районы с резко отличавшимися природно-климатическими характеристиками. Со всех сторон регион был окружен горными хребтами: на севере и северо-востоке — Алтайскими; на северо-западе — Тарбагатайскими; на западе и юго-западе — Памирскими и Каракорумскими; на юге — Кунлунскими. Для сельскохозяйственного использования в разных формах было пригодно лишь 10% земель.

В западной части Синьцзяна — Кашгарии — земледелие могло развиваться только в оазисах, где имелось искусственное орошение. Здесь наибольшее распространение получило хлопководство, шелководство и садоводство. Развитию хлопководства способствовала местная китайская администрация. Так, в начале XX в. в Турфане был открыт казенный банк, выдававший ссуды на расширение посевов хлопка. Также были предприняты меры по улучшению качества продукции — привезены семена американского хлопка, улучшена его очистка. Кашгарское отделение Русско-Китайского (с 1910 г. Русско-Азиатского) банка закупило большое количество семян американского хлопка и бесплатно распространяло их среди местного населения. В начале XX в. здесь стали появляться бо-

лее или менее оборудованные хлопкоочистительные заводы, в том числе два, принадлежавших российским подданным. Другой важной отраслью местного хозяйства являлось шелководство, продукция которого поставлялась во внутренний Китай и Россию.

В конце XIX — начале XX в. деятельность российских предпринимателей приобрела новые черты — начиналось вкладывание капитала в экономику Синьцзяна. К концу XIX в. собственно российская колония в Синьцзяне насчитывала около 2 тыс. человек ⁷. Были открыты отделения Русско-Китайского банка в Кашгаре, Кульдже, Чугучаке. Основные потребности население провинции удовлетворяло за счет товаров, привозимых из России. В 1903—1904 г. годового оборот русско-синьцзянской торговли достиг 15—20 млн. руб., в 1913 г. русский экспорт в Синьцзян составлял 8244 тыс. руб., а импорт — 9846 тысяч ⁸. Из Кашгара на заработки в Ферганскую долину ездили сезонные рабочие. Например, в 1904 г. их было 14556 чел., 1912 г. — 27174 человек ⁹. Рабочие привозили российские деньги в Кашгар, тем самым расширяя товарооборот между странами.

Торговля в Кашгаре имела свои особенности, что затрудняло в определенной степени работу Русско-Азиатского банка в регионе. «Большинство купцов или спекулянты, — писал директор Кашгарского филиала, — род торговли которых определить весьма трудно, пользуются приемами ростовщиков, поэтому сперва нужно создать нормальную торговлю, затем уже с меньшим риском для себя, кредитовать» ¹⁰. Нужно еще учитывать, что основной экспорт Кашгара (почти 1/3) составляли ковры, другие кустарные изделия из шерсти и сырье (хлопок) ¹¹.

Кашгарский филиал Русско-Азиатского банка был открыт в 1901 году. До 1910 г. обороты отделения не превышали 10 млн. руб. в год. Ежегодный начальный капитал банка был не больше 400—500 тыс. руб. (до 1910 г.). В конце 1910 г. были разрешены учетные операции в Кашгаре (в Чугучакском отделении банка они действовали с 1903 г., что позволило к 1907 г. довести оборот до 17 млн. руб. в год) ¹².

Таблица 1

Общие обороты отделения ¹³

Год	Общий оборот	Вступительный баланс	Заключительный баланс
1911	10 663 063 р. 17 к.	564 268 р. 46 к.	529 269 р. 02 к.
1912	15 533 885 р. 02 к.	264 634 р. 51 к.	832 167 р. 63 к.
1913	27 953 667 р. 40 к.	832 167 р. 63 к.	610 505 р. 77 к.
1914	24 562 190 р. 06 к.	610 505 р. 77 к.	484 271 р. 65 к.
1915	29 246 352 р. 48 к.	484 271 р. 65 к.	1 151 894 р. 64 к.
1916	51 881 226 р. 83 к.	1 151 894 р. 64 к.	1 264 239 р. 39 к.

Как видно из Таблицы 1, обороты Кашгарского филиала резко возросли с 1913 г., что было связано с политической стабильностью в регионе. «На успокоение населения, — писал директор отделения в Санкт-Петербурге, — повлияло главным образом присутствие в Кашгаре русского отряда, который, помимо того, что являлся угрозой для бунтовщиков,

способствовал еще и оживлению торговли тем именно, что тратя на свое содержание огромные суммы, за время пребывания своего здесь, выпустил на рынок около полумиллиона русских денег»¹⁴.

Таблица 2

Учет векселей¹⁵

Год	Учет	Получено%
1913	49 650 р.	Нет данных
1914	120 675 р.	4 801 р. 04 к.
1915	90 200 р.	3 354 р. 55 к.
1916	139 900 р.	4 285 р. 64 к.

Нужно отметить, что учет векселей не достиг уровня Чугучака и Кульджа. Как видно из Таблицы 2, учет был скромным и не мог повлиять на общую деятельность Кашгарского филиала.

Основной доход Кашгарскому отделению приносили операции по срочным ссудам под товары и драгоценные металлы, денежные переводы в Ханькоу и Пекин, а также правительственные и частные заказы на импортный товар (например, спички, серебро и медь). В сентябре 1912 г. Кашгарский филиал выполнил заказ Даотая (китайского наместника в Кашгаре) на 2500 пудов меди¹⁶. Кроме меди, банк принял заказ на 5 вагонов фосфорных спичек и 125 пудов Гамбургского серебра¹⁷. В 1913 г. резко увеличились переводы во внутренний Китай, что принесло прибыль на сумму 11 953 руб. 34 коп., и было на 5 924 руб. 04 коп. больше, чем в 1912 году. Переводов в Индию не было, так как английский консул запретил индусам заниматься ростовщичеством¹⁸. Кашгарский филиал банка за свой счет вел торговлю золотом и серебром

Таблица 3

Торговля банка за собственный счет¹⁹

Год	Куплено	Продано	Остаток на 31.12.1913	Получено прибылей и комиссии
1913	21 495 р. 18 к.	18 137 р. 23 к.	3 888 р. 45 к.	773 р. 11 к.
1914	44 802 р. 20 к.	44 271 р. 70 к.	100 р.	2 043 р. 12 к.

Онкольные (бессрочные) ссуды в Кашгарском отделении не выдавались, здесь были развиты срочные ссуды под товары и товарные документы.

Таблица 4

Срочные ссуды²⁰

Год	Выдано под залог товаров и товарных документов	Получено%
1911	92 404 р.	1 434 р. 45 к.
1912	69 500 р.	5 865 р. 43 к.

Год	Выдано под залог товаров и товарных документов	Получено%
1913	145 750 р.	Нет данных
1914	83 200 р.	2363 р. 57 к.
1915	268 235 р.	5521 р. 58 к.
1916	1 420 428 р. 64 к.	19 686 р. 98 к.

Таблица 4 показывает, что в 1913 г. выдача срочных ссуд по сравнению с предыдущими годами выросла до максимума и резко упала в 1914 году. Сокращение ссуд в 1914 г. можно объяснить конкуренцией. «Эта операция перешла к нашим здесь конкурентам Российскому и Восточному Транспортным Обществам. — писал директор филиала. — Оспаривать у Транспортных Обществ этот вид финансирования для нас очень затруднительно, прежде всего, потому, что здесь больше развита меновая торговля»²¹. Также сокращение торговых операций в Кашгаре в 1914 г. было связано с ситуацией на рынках. Мелкие лавочники разорились, так как они выписали много товара для продажи русским частям, которые покинули Синьцзян зимой 1914 года. Немаловажным фактором торможения оборотов на рынке Кашгара был денежный кризис, вызванный распоряжением Урумчинского Дуду принимать наравне с сарами (местные кашгарские деньги), выпускаемыми кашгарским Даотаем, сары, выпущенные Урумчинским Казначейством для аксуйского и кучарского Даотаев²². Эта денежная реформа была выгодна аксуйским купцам, так как раньше они покупали русские деньги, чтобы расплатиться за товар в Кашгаре. «Получая от своих должников бумажные сары, — писал управляющий, — которые имеют довольно проблематичное обеспечение и нигде не котирующиеся, кашгарские купцы поставлены в безвыходное положение. Прежде они получали русские деньги или товар, теперь у них нет ни того ни другого, долги им платят полностью сарами, а самим им за ввозимый товар расплачиваться нечем». В результате курс рубля в Кашгаре поднялся на 10%, и ожидалось, что он поднимется на 50%²³.

К лету 1914 г. ситуация на рынке вернулась на свое место. Это случилось после аннулирования решения по денежному обороту²⁴. Но курс рубля был высоким, что влияло на экспорт товаров из Кашгара. По мнению директора филиала, все ожидали возвращения трудовых рабочих из Ферганы, которые должны были привезти с собой достаточное количество рублей, в результате чего курс на рынке выровнялся бы²⁵. Увеличение банкротств кашгарских купцов побудило московские фабрики в течение двух лет не экспортировать мануфактуру на местный рынок. Русско-Азиатский филиал в Кашгаре предлагал в письме Правлению взять в свои руки продажу мануфактуры в Синьцзяне. «Мануфактуры, — писал управляющий, — здесь продается в год на миллион рублей и если на нашу долю выпадет продать, хотя бы на 300—400 тыс. р., мы заработаем одной комиссии минимум 15 тыс. р.»²⁶ Также для увеличения прибыльности отделения в 1914 г. управляющий просил уменьшить комиссию на переводы с 0,5% до 0,25%. Уменьшение ставок не дало благоприятных результатов. Так, например, за первую половину текущего

года в отделении было принято к оплате переводов на сумму 69 805 руб. 13 коп., тогда как почта, за то же время, в качестве оплаты переводов получила 149 750 рублей²⁷. Управляющий банка считал, что «ставка банка 0,25% слишком высока, необходима таковую еще уменьшить и предложить об этом уменьшении ближайшим нашим отделениям, находящимся в Средней Азии вывесить соответствующие объявления»²⁸. Несмотря на все предложения директора Кашгарского филиала ставки на все активы банка были повышены в августе 1914 г. на 1%, что было связано с началом войны²⁹.

В августе 1914 г. слухи о том, что товары из Ферганы будут продаваться только за наличные деньги, а не в рассрочку, повлияли на цены в Кашгаре, которые повысились на 20%³⁰. Сокращение экспорта из Кашгара влияло на обороты рубля на местном рынке — денег не хватало. «Обыкновенно с 1-х чисел августа, — писал управляющий, — русский рубль начинает понижаться, так как к этому времени часть рабочих возвращаются из заработков и приносят русские деньги, которые сейчас же обменивают на местную валюту»³¹. В конце лета 1914 г. половина рабочих была задержана в Фергане для уборки полей, что повлияло на кашгарский рынок.

В сентябре 1914 г., после возвращения значительного числа рабочих, кашгарский рынок оживился. Вырос спрос на русские ткани. Местная ткань скупалась для отправки в Фергану, откуда в сентябре, для закупки разных кашгарских товаров, поступило переводов на 100 тыс. рублей. Как это ни странно, отмечал управляющий, но вся эта сумма, почему то прошла не через банк, а через почту³². «Выяснить, почему ферганские купцы переводят через почту, а не через банк нам не удалось, — писал директор, — так как за получением денег по чекам является служащий почты, а не получатели переводов»³³. Несмотря на прилив денег к концу 1914 г. в Кашгаре торговля замерла. Вырос спрос только на фосфорные спички. «Жители кишлаков никак не могут привыкнуть к шведским спичкам и требуют исключительно фосфорные»³⁴, — писал директор Кашгарского отделения. «Этот спрос мы не можем удовлетворить, — отмечал управляющий, — так как акционерное о-во В. Логинов категорически отказалось выполнить наши заказы, мотивируя свой отказ отсутствием в России фосфора, а Логинов единственный в России поставщик фосфорных спичек»³⁵. Цены на спички выросли вдвое — до 15 руб. за ящик.

Одна из основных операций Кашгарского отделения — переводы — в 1914 г. сократилась. «Эта операция дала нам только лишь 2413 р. 04 к. прибыли вместо 12 731 р. 35 к., полученных нами в предыдущем году», — отмечал директор филиала³⁶. Сокращение было связано с тем, что банкам было запрещено принимать переводы в иностранной валюте, что лишило отделение значительной прибыли. Срочные ссуды также сократились, так как банк не мог конкурировать с транспортными обществами, которые выдавали деньги клиентам, не проверяя их платежеспособность, в результате чего многие транспортные общества потерпели убытки³⁷.

В 1915 г. кашгарский рынок находился в состоянии застоя. Вывоз местных товаров с 1915 г. резко сократился. Основная причина была в том, что Российская империя ввела пошлину на импорт из Кашгара в 1914 г., с чем Даотай не согласился и вывоз товаров запретил³⁸. Несмотря на все

запреты, из Кашгара экспортировались в небольшом количестве хлопков и шерсть. Кашгарское отделение в основном принимало заказы на серебро, спички и чай. Например, в апреле 1915 г. «нам удалось принять заказы на семь вагонов сахара, тысячу ящиков спичек и 4100 фунтов чая»³⁹, — отмечал в своем письме директор филиала. Главными источниками дохода банка оставались переводы во внутренний Китай, учетно-ссудные операции и выписка товаров по поручениям клиентов. Во второй половине 1915 г. курс рубля был высоким, этим пользовались китайские купцы, которые скупали русские деньги и переводили их в Дальян и Ханькоу⁴⁰. В 1915 г. планировалось открытие в Кашгаре Китайского Банка Юй-Фун-Хэу Инхань. Глава банка просил у руководства Русско-Азиатского банка оказать содействие и помощь в организации работы⁴¹. «Пока о деятельности нашего нового конкурента ничего сказать не можем, — писал директор филиала, — по-видимому, он будет заниматься исключительно переводными операциями, будет принимать от купцов переводы и затем через нас делать переводы на города внутреннего Китая, для начала он сдал нам 30 тыс. р. для перевода в Пекин»⁴². К ноябрю 1915 г. китайский банк перевел через Кашгарский филиала Русско-Азиатского банка 120 тыс. рублей⁴³. Таким образом, новый китайский банк в Кашгаре не смог стать конкурентом Русско-Азиатского банка.

В 1915 г. Русско-Азиатский банк пытался выпустить в обращение свои банкноты. Но эта акция провалилась. «Причиной неуспеха наших банкнотов является то, — писал директор кашгарского филиала, — что начальник почты категорически отказался принимать наши банкноты, ссылаясь на то, что без разрешения своего начальства он не может решиться на это. Мы старались доказать ему, что не логично держать у нас на текущем счету сотни тысяч рублей и в то же время бояться принять несколько тысяч банкнот, которые к тому же мы обязываемся во всякое время обменять на государственные деньги. К сожалению, переговоры эти ни к чему не привели»⁴⁴. Основная причина заключалась в том, что банкноты Русско-Азиатского банка котировались на базаре на несколько копеек дешевле государственных денег, и при размене клиенты несли до двух процентов убытка.

Несмотря на все трудности военного времени и политические трения товарооборот между Российской империей и Кашгаром показывал рост.

Таблица 5

Ввоз и вывоз из Кашгара за 1914—1916 гг.

Год	Вывоз из Российской империи	Ввоз в Российскую империю
1914	3 624 069 р.	3 409 544 р.
1915	3 026 197 р.	4 570 877 р.
1916	4 197 704 р.	6 967 000 р.

Нужно отметить, что российские товары ценились в Кашгаре и во время войны: спекуляция на них достигла небывалых размеров. Например, цена одного аршина ситца до войны составляла 13 коп., а в 1916 г. дошла до 1 р. 30 коп.⁴⁵, т. е. выросла в 10 раз. Нужно учитывать, что курс рубля в 1916 г. по сравнению с 1914 г. снизился в 6 раз.

Если сравнить торговлю Кашгара с Британской Индией (торговля осуществлялась через Ладак) и с Российской империей, то она была в пользу последней.

Таблица 6

Товарооборот между Кашгаром и Британской Индией
за 1914—1916 гг. (в рупиях) ⁴⁶

Год	Ввоз из Индии в Кашгар	Вывоз из Кашгарии в Индию
1914	1 341 824	1 095 539
1915	1 263 133	957 750
1916	1 146 694	1 680 206

В 1916 г. деятельность Кашгарского филиала Русско-Азиатского банка также была довольно удачной. Чистая прибыль отделения составила 70 830 руб. 02 копейки ⁴⁷. Ссуды выдавались в основном под залог мату (местная ткань), хлопка, кошмы и шерсти ⁴⁸. К сожалению, проследить дальнейшие операции Кашгарского филиала нет возможности из-за отсутствия архивных документов банка.

В Кашгарском филиале Русско-Азиатского банка были развиты следующие пассивные операции: вклады, корреспондентские счета, переводы. Ниже, мы рассмотрим операции по вкладам.

Таблица 7

Вклады ⁴⁹

Год	Принято на текущие счета	Востребовано	Принято на срочные вклады	Востребовано
1911	1 382 142 р. 87 к.	1 229 385 р. 68 к.	24 228 р. 84 к.	13 968 р. 66 к.
1912	1 174 854 р. 80 к.	676 567 р. 72 к.	2 203 р. 45 к.	7 848 р. 92 к.
1913	1 730 601 р. 79 к.	2 021 136 р. 13 к.	40 205 р. 72 к.	17 934 р. 65 к.
1914	1 389 329 р. 54 к.	1 546 904 р. 96 к.	4 857 р. 19 к.	6 659 р. 32 к.
1915	1 631 973 р. 35 к.	1 790 800 р. 99 к.	584 р. 10 к.	2 107 р. 56 к.
1916	2 360 898 р.	2 291 945 р.	2 074 р. 61 к.	1 474 р. 43 к.

Как показывает Таблица 7, бессрочные вклады в отделении отсутствовали. В основном использовались текущие счета, по которым отделение платило 1—1,5% годовых. Например, в 1911 г. банк заплатил клиентам процентов на 1 655 руб. 86 коп., а по срочным вкладам — на 1 848 руб. 98 копеек ⁵⁰. Основным конкурентом по вкладам и переводам было отделение почты Российской империи в Кашгаре. Свои вклады (более 100 тыс. руб.) в 1915 г. почта перевела на текущий счет в Ташкентский филиал Русско-Азиатского банка ⁵¹, что и повлияло на ежегодные остатки по вкладам в 1915 г. (см. таблицу). Основными вкладчиками, имевшими текущие счета в банке, были Восточное и Российское транспортные о-ва, Тверская мануфактура и Т-во Э. Циндель. «Все эти учреждения крупных сумм здесь не держат, — писал управляющий банка, — а переводят их, по мере накопления, своим правлениям. Что же касается частных лиц, то мало кто из них имеет у нас текущие счета, так как в Кашгаре совсем

нет капиталистов, которые имели бы возможность держать на текущем счету крупные суммы»⁵². Ниже в таблице можно увидеть, что ежегодные остатки по вкладам были невелики.

Таблица 8

Ежегодные остатки по вкладам⁵³

Год	По текущим счетам	По срочным вкладам
1910	34 887 р. 73 к.	39 369 р. 75 к.
1911	187 644 р. 95 к.	49 629 р. 93 к.
1912	685 931 р. 91 к.	43 984 р. 41 к.
1913	395 397 р. 47 к.	66 255 р. 54 к.
1914	237 822 р. 45 к.	64 453 р. 41 к.
1915	98 994 р. 41 к.	62 929 р. 95 к.
1916	167 946 р. 70 к.	63 530 р. 13 к.

Как показывает Таблица 8, к 1916 г. объем остатков по вкладам понизился в разы по сравнению с 1912 и 1913 годами. В Кашгарском отделении также были развиты операции с корреспондентскими счетами

Таблица 9

Корреспонденты банка⁵⁴

Год	Дебетовано (выдано)	Кредитовано (обратно получено)
1911	599 985 р. 02 к.	574 114 р. 43 к.
1912	2 734 664 р. 80 к.	2 846 446 р. 17 к.
1913	1 069 406 р. 83 к.	1 050 473 р. 13 к.
1914	1 610 669 р. 16 к.	1 721 015 р. 43 к.
1915	2 571 578 р. 06 к.	2 890 194 р. 64 к.
1916	4 780 502 р. 64 к.	5 188 067 р. 03 к.

Остаток по корреспондентским счетам по итогам 1916 г. составил 733 776 руб. 04 копейки⁵⁵.

Основной операцией, приносящей банку доход, были заграничные переводы, осуществлявшиеся в основном во внутренний Китай, Фергану, Ташкент и Европейскую Россию. В 1914 г. через Кашгарское отделение Русско-Азиатского банка было переведено 715 тыс. рублей⁵⁶.

Таблица 10

Ежегодная прибыль по курсовым операциям по переводам за границу (за вычетом комиссионных и вексельной бумаги)⁵⁷

Год	Прибыль по курсовым операциям
1911	3153 р. 80 к.
1912	6033 р. 80 к.
1913	11 958 р. 54 к.
1914	2413 р. 06 к.
1915	Нет данных
1916	Нет данных

Курсовая операция по переводам за границу с 1915 г. в отделении была минимальной ⁵⁸. В 1916 г. переводы в разные города России и Китая составили 3 584 404 руб. 50 копеек ⁵⁹.

Текущие расходы Кашгарского филиала состояли из жалования персоналу, почтовых расходов, аренды помещения. Например, текущие расходы отделения в 1911 г. составили 17 027 руб. 03 коп., из которых на жалование было потрачено 10 828 руб., на аренду — 3 012 руб. 84 копейки ⁶⁰. В 1916 г. директор Кашгарского отделения С.В. Дукович получил жалование в сумме (3600 р. + премия) — 4200 руб., служащие — 3252 р. 50 к., артельщики — 2238 руб. 79 коп., прислуга — 2016 рублей ⁶¹.

Несмотря на экономию, текущие расходы росли с каждым годом.

Таблица 11

Текущие расходы отделения ⁶²

Год	Текущие расходы
1911	17 027 р. 03 к.
1912	18 566 р. 27 к.
1913	18 443 р. 51 к.
1914	18 60 р. 42 к.
1915	19 327 р. 49 к.
1916	24 383 р. 86 к.

Основную часть доходов банк получал от выдаваемых ссуд и кредитов.

Таблица 12

Прибыли филиала ⁶³

Год	Прибыль по счету процентов	Чистая прибыль
1911	14 361 р. 22 к.	17 626 р. 49 к.
1912	16 779 р. 05 к.	14 407 р. 24 к.
1913	25 884 р. 22 к.	35 659 р. 62 к.
1914	10 166 р. 68 к.	14 054 р. 80 к.
1915	11 726 р. 82 к.	40 319 р. 17 к.
1916	29 285 р. 29 к.	70 830 р. 02 к.

Как показывает Таблица 12, чистая прибыль Кашгарского филиала стала расти с 1913 года. Но в 1914 г. из-за войны и экономического кризиса банк не смог получить желаемой прибыли. В 1916 г. деятельность Кашгарского филиала выражалась следующими цифрами: общий оборот — 51 881 226 руб. 83 коп., выплачено кассой — 7 785 494 руб. 31 коп., учтено векселей — на 139 900 руб., выдано разного рода ссуд — на 1 430 779 руб. 64 коп., выписано из России разных товаров — на 486 130 руб. 67 коп., переводы в разные города России и Китая — на 3 584 404 руб. 50 коп., поступило вкладов в течение 1916 г. — на 2 362 972 руб. 72 коп., осталось остатков по вкладам на 1.1.1917 г. — 231 476 руб. 83 коп., принято подписки на Государственные военные займы — на сумму 76 650 руб., отправлено в течение года в Ошское Казначейство для перевода в Петро-

град в Правление банка — 1726 тыс. рублей. Валовая прибыль отделения составила 97473 руб. 09 копеек. Чистая прибыль — 70830 руб. 02 копейки ⁶⁴. Таким образом, банк смог восстановить свои прежние позиции и укрепить влияние в Синьцзяне.

Клиентами Кашгарского отделения были в основном купцы-экспортеры, скупщики сырья у населения и торговые фирмы. Среди местных торговых фирм выделялся Торговый Дом «Братья Мусабаяевы», который еще с 1900-х гг. брал ссуды и кредиты у Кульджинского и Кашгарского отделений Русско-Азиатского банка. Он вел обширные операции скотом, сырьем и мануфактурой в Кашгаре, Кульдже и Семипалатинской области и пользовался крупным кредитом ⁶⁵. Вскоре фирма разорилась из-за неудачного предприятия в Кульдже (было решено построить большой завод для обработки кожи). Под обеспечение недвижимого имущества банк выдавал кредиты Торговому Дому бр. Ахунбаевых. В 1915 г. им было выдано 15 тыс. руб. под залог имущества. «Ахунбаевы, — писал директор отделения, — обладают миллионным состоянием и никогда не позволят себе не оправдать своих обязательств. Вчера у нас был Мухамед Рахим Ахунбаев и сказал, что на днях должен быть из Андижана перевод для них (они продали там 30 вагонов хлопка) и тогда они погасят этот долг» ⁶⁶. Постоянным клиентом банка был торговец кораллами Ислам Зубайдуллаев. В 1914 г. он был должен банку 2400 р., взятых под залог 6 пудов кораллов ⁶⁷. Несмотря на разнообразие клиентов Кашгарский филиал справлялся со всеми, и банкротства были редким случаем.

После революций 1917 г. Кашгарский филиал Русско-Азиатского банка, в отличие от других среднеазиатских отделений, продолжал функционирование до 1926 года. Хотя сам банк был национализирован в 1918 г., нам мало что известно о его деятельности после 1917 г., так как обнаружить документы, относящиеся к этому периоду, не удалось. Известно, что в 1926 г. в здании Русско-Азиатского банка несколько дней проживал известный ученый Н. Рерих ⁶⁸. С его слов можно узнать, что «фактическое закрытие русской границы во время гражданской войны привело к переориентации кашгарской торговли на Индию — через трудное Каракорумское высокогорье» ⁶⁹. Таким образом, после 1918 г. вековые торговые, политические и культурные связи России и Кашгара были прерваны надолго.

Примечания

1. См.: АМИНОВ А.М. Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период). Ташкент. 1959, с. 272; БОВЫКИН В.И., ПЕТРОВ Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М. 1994; ВЕКсельМАН М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент. 1987, с. 35, 40—50, 62—67, 69—74, 82—83, 85—90, 93, 114—116, 119—120; ГИНДИН И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М. 1997; История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ташкент. 1956, с. 207—208; КАСТЕЛЬСКАЯ З.Д. Из истории Туркестанского края (1865—1917). М. 1980, с. 64; КИТАНИНА Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914—1917 гг. Концерн Путилова-Стахеева-Батолина. Л., 1969; ЛАВРЕНТЬЕВ В.А. Капитализм в Туркестане. М. 1930; МАХКАМОВА Н.Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент.

- 2009, с. 26; ПОГОРЕЛЬСКИЙ И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873—1917 гг.). Л. 1968, с. 92; ПОТАПОВА Н. Ю. История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX — начало XX в.). Ташкент. 2011, с. 74—76, 91; САДЫКОВ А. С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент. 1972; ЮЛДАШЕВ А. М. Проникновение русского монополистического капитала в экономике Туркестана (1900—1917 гг.). Автореф. дисс. канд. экон. наук. Ташкент. 1961; ЮЛДАШЕВ А. М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент. 1970, с. 124—126, 208—217, 219—221; ХОТАМОВ Н. Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе. 1990.
2. САЛОМАТИНА С. А., ФРЕНКЕЛЬ О. И. Региональное развитие российских акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в.: статистика и геоинформационные технологии. — Электронный научно-образовательный журнал История. 2016, т. 7, № 7 (51); РОДНОВ М. И. Экономические связи Уфы в 1870-е годы (по материалам Волжско-Камского банка). — *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017, № 2. с. 17—23.
  3. КАСТЕЛЬСКАЯ З. Д. Из истории Туркестанского края (1865—1917). М. 1980, с. 64.
  4. САДЫКОВ А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв. ТашГУ. Вып. 296. Ташкент. 1965, с. 153.
  5. МАХКАМОВА Н. Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент. 2009, с. 26.
  6. ХОТАМОВ Н. Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе. 1990, с. 4.
  7. ПОПОВ Л. В. Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. В кн.: Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX—X вв. М. 2001, с. 194.
  8. Экономическое развитие Синьцзяна в XIX — начале XX в. <https://studopedia.org/2—14848.html>.
  9. ГАЛУЗО П. Г. Туркестан-колония. М. 1929, с. 114.
  10. Письма Кашгарского отделения банка Управлению отделениями о развитии операций отделения, представлений кредитов клиентам, о состоянии рынка в Кашгаре в связи с войной, о представлении отчетности и другим вопросам, 1910—1917 гг. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 630, оп. 1, д. 376, л. 24—28.
  11. Там же, л. 42—44.
  12. Там же, л. 1—3.
  13. Отчеты Кашгарского отделения Банка за 1911—1916 гг. РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 377, л. 2об., 20об., 38об., 61об., 83об., 103об.
  14. Письма Кашгарского отделения банка Управлению отделениями. Там же, д. 376, л. 12—13.
  15. Отчеты Кашгарского отделения Банка за 1911—1916 гг. Там же, д. 377, л. 40, 63, 85, 105.
  16. Письма Кашгарского отделения банка. Там же, д. 376, л. 8.
  17. Там же.
  18. Там же, л. 12—13.
  19. Отчеты Кашгарского отделения Банка. РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 377, л. 47, 70.
  20. Там же, л. 8, 26, 44, 67, 89, 109.
  21. Письма Кашгарского отделения. РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 376, л. 20—22.
  22. Там же.
  23. Там же.
  24. Там же, л. 24—28.
  25. Там же.
  26. Там же.
  27. Там же.
  28. Там же.
  29. Там же, л. 35.
  30. Там же, л. 42—44.
  31. Там же.
  32. Там же, л. 52—54.
  33. Там же.

34. Там же, л. 70—74.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же, л. 70—74.
38. Там же, л. 89—90.
39. Там же.
40. Там же, л. 104—105.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же, л. 104—105.
44. Там же, л. 123—127.
45. Торговый отчет Российского консульства в Кашгаре за 1916 г. РГИА, ф. 23, оп. 11, д. 500, л. 4—5.
46. Там же, л. 9об.
47. Там же, л. 6—6об.
48. Там же.
49. Отчеты Кашгарского отделения. РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 377, л. 12, 30, 48, 71, 93, 113.
50. Там же, л. 12.
51. Письма Кашгарского отделения банка. Там же, д. 376, л. 123—127.
52. Там же.
53. Отчеты Кашгарского отделения. Там же, д. 377, л. 12, 30, 48, 71, 93, 113.
54. Там же, л. 9, 27, 45, 68, 90, 110.
55. Там же, л. 110.
56. Письма Кашгарского отделения. Там же, д. 376, л. 20—22.
57. Отчеты Кашгарского отделения. Там же, д. 377, л. 10, 28, 46, 69, 91.
58. Там же, л. 91.
59. Торговый отчет Российского консульства в Кашгаре за 1916 г. РГИА, ф. 23, оп. 11, д. 500, л. 6—6об.
60. Отчеты Кашгарского отделения. РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 377, л. 14.
61. Там же, л. 115об.
62. Там же, л. 14, 32, 50, 73, 95, 115.
63. Там же, л. 14об., 15об., 32об., 33об., 50об., 51об., 73об., 74об., 95об., 96об., 116об., 117об.
64. Торговый отчет Российского консульства в Кашгаре. РГИА, ф. 23, оп. 11, д. 500, л. 6—6об.
65. Из письма директора Кульджинского отделения Русско-Китайского Банка. РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 306, л. 146—147.
66. Письма Кашгарского отделения банка. РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 376, л. 128—129.
67. Там же, л. 50—51.
68. Разместились мы в просторном помещении Русско-Азиатского банка, любезно приняв приглашение директоров его филиалов. Консул и все проживающие здесь европейцы считали, что нам совершенно необходимо побывать в Урумчи, чтобы лично переговорить с генерал-губернатором. Цит. по: http://rerich9.sitecity.ru/ltext_0110000300.phtml?p_ident=ltext_0110000300.p_0110224554.
69. Там же.

Происхождение аборигенной киргизской лошади горного типа

А. Х. Абдурасулов, А. Т. Жунушов, Р. С. Салыков,
Б. И. Токтосунов

Аннотация. Одной из древнейших лошадей считается киргизская аборигенная лошадь, которая играла важную роль в укладе жизни кочевников-киргизов. Генезис этой лошади тесно взаимосвязан с этногенезом киргизского народа. Изучая историю киргизов, можно проследить и эволюционный процесс развития скотоводства, в том числе и коневодства. Киргизская лошадь — одна из уникальных аборигенных лошадей, имеющая древнее происхождение. Сформировавшаяся под воздействием природно-климатических факторов и естественного отбора в процессе эволюции, она отличается от других видов и популяций. При исследовании происхождения киргизской аборигенной лошади были использованы материалы и высказывания ученых-этнографов, которые основывались на работах древних историографов и результатах археологических раскопок.

Ключевые слова: киргизские лошади, этногенез, генезис, кочевники, популяция.

Abstract. One of the oldest horses is the Kyrgyz aboriginal horse, which played an important role in the life of the nomads of the Kyrgyz. The genesis of this horse is closely interrelated with the ethnogenesis of the Kyrgyz people. I study the history of the Kyrgyz, we can trace the evolutionary process of the development of cattle breeding, including horse breeding. The Kyrgyz horse is one of the unique aboriginal horse populations, like many aboriginal horses, the Kyrgyz horse has a rather ancient origin. Formed under the influence of natural climatic factors and natural selection in the process of evolution. It has a population feature that is different from other species and populations. In the study of the origin of the Kyrgyz native horse, materials and statements of ethnographers based on the work of ancient historiographers and the results of archaeological excavations of material materials were used.

Key words: Kyrgyz horses, ethnogenesis, genesis, nomads, population.

С момента возникновения человеческой цивилизации существует кочевая форма существования людей на безграничных просторах земли. К ней относится и киргизская кочевая цивилизация. Как утверждает А. Н. Бернштам, «в древнюю эпоху кыргызы являлись одним из ведущих народов Азиатского материка...»¹ Параллельно с историческим развитием самого кочевого народа совершенствовалась и его хозяйственная деятельность. Одним из основных богатств кочевника-киргиза всегда были лошади. Киргизская лошадь — древнейший вид, сформировавшийся в суровых природно-климатических условиях гор. В прошлые столетия ее численность доходила до нескольких миллионов, а в настоящее время эта лошадь находится на грани исчезновения. Для возрождения и сохранения уникальной киргизской аборигенной лошади необходимо подробное всестороннее научное исследование данной популяции, в том числе и ее происхождения. Материалом для данной публикации послужили ис-

следования русских и советских востоковедов и археологов, а также записи древних ученых Востока.

Этногенез киргизов тесно связан с развитием скотоводства, в том числе, коневодства. О киргизах писал в своих научных трудах академик В.В. Бартольд: «Киргизы принадлежат к числу древнейших народов Средней Азии. Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, по-видимому, ни одного, название которого так рано встречалось бы в истории»². Этнограф Н.А. Аристов, ссылаясь на историографа Сыма Цяня — «отца истории в Китае» — считает события 209—201 гг. до н.э. временем первых упоминаний о киргизах³. Об их древности, опираясь на археологические материалы более позднего периода (погребенья в Минусинской котловине), сообщает в своих научных трудах известный археолог и этнограф А.Н. Бернштам: «Племена цзянь-кунь (киргызы) выступают как скотоводы, населявшие средний и верхний Енисей и являющиеся аборигенами данного края»⁴. Он относит появление скотоводства ко II тыс. до н.э. Пишет об этом в своих аналитических трудах и К.Б. Свечин: «Киргизская лошадь имеет очень древнее происхождение. История ее формирования тесно связана с историей киргизского народа, предки которого жили на Енисее и Алтае. За 2 тыс. лет до н.э. у них было хорошо развитое скотоводство и коневодство»⁵.

В глубокой древности лошади были объектом охоты, позже превратились в средство передвижения. В постоянных войнах за уголья и иные богатства кочевникам содействовали, по утверждению Бернштама, «два обстоятельства, во-первых, приручение лошади под верховую езду и, во-вторых, изобретение железа»⁶. Аристов и позже Бернштам приводят данные китайской летописи о киргизах, относящиеся ко времени 650—683 гг., о том, что у них «лошади плотны и рослы, лучшими считаются те, которые сильно дерутся»⁷. Далее говорится о том, что киргизы питаются мясом и кобыльим молоком (кумысом), богатые владеют несколькими тысячами голов скота, в том числе лошадей. Столь же древней можно назвать и культуру киргизов, в которой основное место отводится воину, как правило, всаднику, и его лошади. Бернштам приводит данные В.В. Радлова, относящего к 648 г. надписи на надгробье:

Абдурасулов Абдуганы Халмурзаевич — доктор сельскохозяйственных наук, профессор Института биотехнологии Национальной академии наук Кыргызской Республики. E-mail: abdurasul65@mail.ru; *Жунушов Асанкадыр Темирбекович* — член-корреспондент НАН Кыргызской Республики, доктор ветеринарных наук, профессор; *Салыков Руслан Салыкович* — доктор ветеринарных наук, профессор. E-mail: salykov.1958@mail.ru; *Токтосунов Болот Ишембекович* — кандидат сельскохозяйственных наук. Институт биотехнологии НАН Кыргызской Республики. E-mail: bolot_2020@mail.ru.

Abdurasulov Abdugany Kh. — doctor of agricultural sciences, professor of the Institute of Biotechnology of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic. E-mail: abdurasul65@mail.ru; *Zunushov Asankadir T.* — corresponding member of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic, doctor of veterinary sciences, professor; *Salikov Ruslan S.* — doctor of veterinary sciences, professor; *Toktosunov Bolot I.* — candidate of agricultural sciences. Institute of Biotechnology of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic. E-mail: bolot_2020@mail.ru.

«Из-за того, что мои быстроногие лошади и моя конница пришли к концу, я ушел (погиб)»⁸. Этот же автор описывает две древние бронзовые бляшки, на которых изображен «киргиз-воин» и лошадь. Лошадь присутствует и в орнаментальных сюжетах киргизского узора, изученного М.В. Рындиным⁹.

Что касается происхождения, то, с биологической точки зрения, нет сомнения, что домашние лошади произошли от диких, однако не существует единого мнения о том, какой вид диких лошадей считать прародителем домашних. По предположению Ч. Дарвина, таких видов было несколько¹⁰. Данную гипотезу поддерживают многие исследователи.

К настоящему времени из диких лошадей сохранилась лишь лошадь Пржевальского. Мнение о том, что именно она является диким предком домашних лошадей, было опровергнуто исследованиями В.И. Громовой и многих других ученых. Так, например, на основании археологических раскопок деревень Ботай в Казахстане, Сандра Олсен — куратор отдела археологии Института биоразнообразия и Музея естественной истории в Университете Канзаса (США) — проведя филогенетический анализ, утверждает, что лошади Пржевальского являются предками одичавших лошадей ботайцев, которых разводили 5500 лет назад, и не имеют отношения к современным лошадям¹¹. Данное утверждение подтверждает предположение Дарвина и дает основание для новых научных поисков предков современных одомашненных лошадей.

В недавнем прошлом существовал другой представитель диких лошадей — тарпан, который был истреблен еще в прошлом веке. Исследование останков черепа и описания внешних форм тарпана дает возможность предположить его непосредственное воздействие на формирование домашней лошади. Это подтвердил еще в 1886 г. граф К.Г. Врангель в своей работе «Книга о лошади»¹² и следом, в 1895 г., — Л. Симонов и И. Мердер в книге «Лошади (конские породы)». Они написали: «Тарпаны падки на домашних кобылиц, отбивают их в степях у домашних жеребцов и уводят с собой. Так как это случается постоянно в течении целого ряда столетий, то примесь к тарпанам крови домашней степной лошади должна быть настолько значительна»¹³. Приведем еще одно высказывание — известного ученого К.Б. Свечина: «Очень вероятно, что кровь тарпана течет во многих лошадях»¹⁴.

Если говорить о происхождении киргизской лошади, то очевидно, что тарпан имел к этому отношение, так как у номадов были в основном полудикие табуны. А еще в древние времена китайцы сообщали, что «в стране кыргызы водятся тарпаны» (по источникам Бернштама). Именно от таких скрещиваний и появились невероятно выносливые киргизские лошади. Аборигенные популяции лошадей ближе других стоят к диким предкам. От многих признаков прирученных диких лошадей, не имеющих существенного значения в хозяйственной деятельности кочевников, номады стремились избавиться, развивая их приспособленность к определенным природно-климатическим условиям существования. Развитие популяции происходило в условиях табунного коневодства, под сильным влиянием естественного отбора. В результате мы являемся свидетелями многолетней народной селекции лошадей аборигенных популяций, в числе которых и киргизская лошадь.

Существует мнение некоторых исследователей более позднего времени, которые относят киргизскую лошадь к монгольскому типу, то есть ведут ее непосредственное происхождение от лошадей монголов.

Н. Бахметьев и А. Вилькенс подразделяют киргизских лошадей на степных и горных, а К. Дитерихс считает киргизскую популяцию чисто горными лошадьми «как по ее общему характеру, так по историческому прошлому». Некоторые авторы, в частности В.О. Витт, О.А. Жегилловский, А.С. Красников и другие, придерживаются мнения, что расселение человека в горных районах привело к тому, что степные лошади «постепенно изменялись и преобразовывались в различные породы лошадей»¹⁵. Данная гипотеза является недостаточно изученной, но опираясь на некоторые материалы, можно говорить о древности горного типа лошадей, равно как и степного. Так, например, генезис киргизской лошади имеет как минимум 4000 лет.

Что касается влияния тарпана, то кроме приведенных фактов, существует еще один — это его масть с темным «ремнем» по спине, которая нередко встречается у современных аборигенных киргизских лошадей. Следует отметить, что в недалеком прошлом (советский период) многие селекционеры избавлялись от лошадей с этим окрасом, считая такую масть «грязной», и не использовали ее в селекции.

Если говорить о поглощающем воздействии монгольской лошади на киргизскую породу, то нельзя не отметить значительные различия между ними. Это, во-первых, независимость возникновения и развития коневодства в древнейших очагах культуры киргизов, что подтверждается археологическими находками еще в домонгольский период. Во вторых, киргизские аборигенные лошади по своей массе превосходят монгольских лошадей и отличаются от них по экстерьеру. В частности, по основным промерам превосходство киргизской лошади составляет: высота в холке — 7,5—8 см; косая длина туловища 6—7,5 см; обхват груди 5—9 см. Из этого следует, что монгольские лошади — мелкорослые, имеют приземистое сложение, сравнительную коротконогость и низкую посаженность туловища. Киргизская лошадь имеет превосходства в росте, относительно длинноногое и пропорциональное туловище, саблистость задних ног и другие существенные отличия¹⁶. Допустимо, что монгольская лошадь идентична по фенотипу с другими степными породами, но не с горным типом лошадей. В третьих, во времена господства киргизов над монголами и монгольского нашествия на Среднюю Азию, у кочевников-киргизов уже было развито коневодство. По-видимому, киргизская лошадь оказала влияние на монгольскую лошадь, а не наоборот.

Все приведенные выше доводы свидетельствует о том, что происхождение киргизской лошади было автономным, вызванным смешением аборигенных лошадей разных номадных племен, то есть древних кочевников евразийского пространства, в том числе и монголов. Немаловажную роль, вероятно, сыграл процесс гибридизации с дикой формой лошади — тарпаном, который продолжался не одно столетие, вплоть до исчезновения этого вида.

Для существования и выполнения работ в условиях гор лошадь должна обладать целым рядом специфических конституциональных качеств, и эти качества присущи киргизской лошади, имеющей длительный

эволюционный процесс развития. Если вернуться к этногенезу киргизов, то являясь кочевниками, они всегда организовывали поселения с учетом естественно-географической среды. Бернштам приводит данные о том, что во II в.н.э., в V в. и в другие времена древние киргизы располагались ближе к горным хребтам, которые являлись «Великой киргизской стеной», «усложняющей подступы к киргизам»¹⁷. Основной средой обитания енисейских и Тяньшаньских киргизов всегда были горные массивы, а тотемом их древних предков являлся снежный барс, живший на вершинах гор. Из этого следует, что приручение лошадей к горному рельефу имеет древнейшие корни, а киргизская лошадь изначально была и остается лошадью горного типа. Нынешние аборигенные лошади обитают на территории, где три четверти площади занимают горы, средняя высота которых над уровнем моря составляет 2750 метров.

Примечания

Авторы выражают благодарность научным сотрудникам Национальной академии наук Кыргызской Республики за замечания и постановку текста, а также доценту Нарынского государственного университета, кандидату исторических наук Айнагуль Бектемировой за проведенную экспертизу достоверности использованных исторических материалов.

1. БЕРНШТАМ А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 2. Бишкек. 1998, с. 313—314.
2. БАРТОЛЬД В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек. 1996, с. 48, 178, 234.
3. АРИСТОВ Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тяньшаня и исследования по его исторической географии. Бишкек. 2001, с. 143—145.
4. БЕРНШТАМ А.Н. Ук. соч., с. 159—160.
5. СВЕЧИН К.Б., БОБЫЛЁВ И.Ф., ГОПКА Б.М. Коневодство. М. 1992, с. 20, 129.
6. БЕРНШТАМ А.Н. Ук. соч., с. 490—505.
7. АРИСТОВ Н.А. Ук. соч., с. 143—145.
8. БЕРНШТАМ А.Н. Ук. соч., с. 183—184.
9. РЫНДИН М.В. 1943. Киргизские орнаменты. Труды Киргизского филиала Академии наук СССР. Т. 1. Вып. 1. 1943, с. 143—146.
10. ДАРВИН Ч. Изменение животных и растений под влиянием одомашнивания. Т. 3. М. 1928, с. 64.
11. ОЛСЕН С. Удивительно новое исследование перерисовывает генеалогическое дерево одомашненных и «диких» лошадей. 2018. <https://m.phys.org/news/2018—02-redraws-family-tree-domesticated-wild.htm>.
12. ВРАНГЕЛЬ К.Г. Книга о лошади. Т. 2. СПб. 1898, с. 278, 432.
13. СИМОНОВ Л., МЕРДЕР И. Лошади (конские породы). Париж. 1895, с. 8, 15, 19—20, 29, 35—37.
14. СВЕЧИН К.Б., БОБЫЛЁВ И.Ф., ГОПКА Б.М. Ук. соч., с. 16.
15. ВИТТ В.О., ЖЕЛИГОВСКИЙ О.А., КРАСНИКОВ А.С. Коневодство и конейспользование. М. 1964, с. 174.
16. ISAKOVA Zh.T., TOKTOSUNOV B.I., KIPEN' V.N. Genetic portrait of the Kyrgyz horse. — Konevod. Konnyi Sport. 2018, no. 1, p. 21—23.
17. БЕРНШТАМ А.Н. Ук. соч., с. 657.

Русские дипломаты в государствах Германии в XVIII в.: Пруссия, Саксония, Голштиния

И. Н. Колесников, М. В. Дарендорф, И. Н. Александрова

Аннотация. В публикации на основе архивных материалов и опубликованных источников рассматриваются дипломатические методы работы Российской империи в германских государствах в середине XVIII века. Представлены русские послы в Германии и их деятельность от вручения верительных грамот до активной международной дипломатии. Акцент делается на трех наиболее значимых для российской внешней политики германских государствах — Пруссии, Саксонии и Голштинии.

Ключевые слова: Российская империя, дипломатия, союзы, внешняя политика, национальные интересы, Пруссия, Саксония, Голштинское герцогство.

Abstract. The publication on the basis of archival materials and published sources discusses the diplomatic methods of the Russian Empire in the German states in the middle of the XVIII century. Russian ambassadors in Germany and their activities from the presentation of credentials to active international diplomacy are represented. The focus of the first part of the study is on the three most significant German states for Russian foreign policy: Prussia, Saxony and Holstein.

Key words: Russian Empire, diplomacy, unions, foreign policy, national interests, Prussia, Saxony, Holstein duchy.

После Вестфальского мирного договора 1648 г. Германия оказалась политическим центром Европы и начала называться Священной Римской

Колесников Илья Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Пятигорского государственного университета. E-mail: in_kolesnikov@mail.ru; *Дарендорф Марианна Викторовна* — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки. E-mail: marianna.dahrendorf@mail.ru; *Александрова Инна Николаевна* — кандидат исторических наук, директор Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки. E-mail: 89288137339@mail.ru.

Kolesnikov Ilya N. — PhD (History), associate professor of the Pyatigorsk State University. E-mail: in_kolesnikov@mail.ru; *Dahrendorf Marianna V.* — PhD (History), head of the Department of the Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki. E-mail: marianna.dahrendorf@mail.ru; *Alexandrova Inna N.* — PhD (History), director of the Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki. E-mail: 89288137339@mail.ru.

империей германской нации. Власть ее императора стала более ограниченной. Ведущая роль в выборе правителей была отведена курфюрстам — немецким князьям. В XVIII в. они превратились в наиболее авторитетных и могущественных правителей. Была сформирована курфюрстская коллегия, которая регулярно созывалась во Франкфурте-на-Майне. Решения, принимаемые коллегией, проходили утверждение Рейхстагом — общим имперским органом, который в то время называли имперским собранием.

Рейхстаг созывался редко, в его компетенцию входили вопросы, касавшиеся всей Священной Римской империи германской нации: объявление мира и войны, внесение изменений в законодательство, развитие экономики и т. д. С 1666 г. Рейхстаг постоянно собирался в городе Регенсбурге. В его заседаниях участвовали практически все государственные чины, в число которых входили религиозные и светские феодалы, а также представители городов империи. Рейхстаг являлся сословно-представительным органом и делился на коллегии курфюрстов. Всего было сформировано три коллегии. Таким образом, Франкфурт-на-Майне и Регенсбург являлись политическими центрами Германии.

Необходимость представительства Российской империи в этих центрах европейской политики была очевидна. Несмотря на это, благоприятные условия для присутствия во Франкфурте-на-Майне появились лишь в 1745 г. в связи со смертью Карла VII и подготовкой к избранию нового императора. В качестве основного кандидата на роль дипломатического представителя был назван находившийся в то время на российской службе в качестве полномочного министра России на территории Польши Герман Карл фон Кейзерлинг (1697—1764). Дипломат являлся немцем по происхождению и был хорошо осведомлен об обстановке в германских княжествах.

В инструкции, разработанной для дипломата, от 16 февраля 1745 г. было определено, каких «правил поведения» ему придерживаться и как не стоит поступать при избрании нового императора, то есть — стоило действовать без проявления видимой заинтересованности Российской империи в каких-то конкретных кандидатах. Однако необходимо было не допустить восхождения на германский престол прусского, польского или английского королей, пфальцского и баварского курфюрстов. Россия проявляла благосклонность к герцогам тосканским — отцу и сыну королевы Венгрии, которые также претендовали на престол Священной Римской империи германской нации. Кроме того, Кейзерлинг должен был добиваться признания курфюрстами и другими высокими германскими государственными чиновниками императорского титула за преемником российского престола, герцогом Голштинским Петром Фёдоровичем¹.

Исходя из архивных документов, можно сделать вывод о том, что Кейзерлинг был хорошо знаком с германским законодательством. В своей реляции из Польши от 12 марта 1745 г. дипломат сообщал, что согласно «Золотой булле» (законодательный акт Священной Римской империи, принятый имперским Рейхстагом в 1356 г.) в периоды междуцарствия иностранные государства как правило направляли своих дипломатических представителей непосредственно к курфюрстам и викариям. Кейзерлинг предполагал, что его официальный дипломатический статус представителя Российской империи при курфюрстской коллегии в им-

перском собрании мог быть намного полезнее ². Аргументы Кейзерлинга были учтены Коллегией иностранных дел в процессе определения его официального статуса во Франкфурте-на-Майне.

По прибытии во Франкфурт-на-Майне в мае 1745 г. Кейзерлинг передал городскому магистрату кредитивную (верительную) грамоту. Выборы императора Священной Римской империи германской нации состоялись в сентябре, по их результатам на престол был возведен Франциск I — тосканский герцог. Исход выборов был благоприятно воспринят Российской империей. Российскому дипломату пришлось приложить немало усилий для признания императорского титула за российскими государями. Достижение этой цели стало возможным благодаря поддержке майнцкого (Ерталя) и саксанских (Шенберга и Лооса) курфюрстов, которые составляли большинство в курфюрстской коллегии ³.

В качестве доказательства признания императорского титула за Елизаветой Петровной можно рассматривать выданную Кейзерлингу рекредитивную грамоту от 6 октября 1745 г., которую подписали семь курфюрстов, принимавших участие в избрании Франциска I ⁴.

После подписания рекредитивной грамоты окончательное решение о признании императорского титула правителей Российской империи зависело от Рейхстага. Кейзерлинг отправился туда со специальным поручением. В это время имперское собрание проводило работу по утверждению кандидатуры нового императора. В кредитивной грамоте в адрес имперского собрания от 28 сентября 1745 г. Кейзерлинг был представлен как полномочный министр России ⁵. Ему предписывалось в случае непризнания Рейхстагом императорского титула правителей Российской империи постараться избежать и не допустить разногласий между государствами и правителями. Кроме того, он должен был решить «голштинский вопрос» ⁶.

Кейзерлинг с поставленными задачами справился успешно, несмотря на возражения от саксон-веймарского и некоторых других государственных имперских чинов. Наследник Российского престола Пётр Фёдорович был единодушно признан «сочленом германским» ⁷.

Дипломатическая работа Кейзерлинга заслуженно получила высокую оценку русского правительства. Пребывая на дипломатической службе, на территории разных европейских государств, он добросовестно служил во благо России, используя свои знания и богатый дипломатический опыт в отстаивании государственных интересов. Прослужив стране 31 год в качестве посланника, Кейзерлинг завоевал всеобщую любовь своей честностью, приятным обхождением, прекрасным знанием нескольких иностранных языков. По оценке современников, он отличался знанием своего дела, дальновидностью, красноречием; был осторожен и чрезвычайно деятелен ⁸.

До перевода Кейзерлинга на дипломатическую работу в Берлин осенью 1746 г., Рейхстаг изъявил желание иметь в Регенсбурге постоянного дипломатического представителя Российской империи. Решение вопроса о направлении дипломатического представителя России затянулось более чем на десять лет. В 1757 г. российским резидентом при Рейхстаге был назначен Г.Г. Битнер, которому также было поручено представлять в Рейхстаге интересы голштинского герцога ⁹. С этого момента дипло-

матические представители Российской империи постоянно получали аккредитации при общеимперском органе Священной Римской империи германской нации.

Пруссия. С середины XVIII в. Пруссия стала выдвигаться на первый план среди германских государств. Между Пруссией и Австрией началось соперничество за доминирование в Германии. Безопасность Российской империи была под угрозой из-за роста военного могущества Пруссии и расширения ее территорий путем захвата: пруссы настойчиво притязали на территории, которые принадлежали Силезии, Польше и Прибалтике. Россия не могла оставить агрессивные действия Пруссии незамеченными и всячески стремилась не допускать их распространения.

Смерть императора Австрии Карла VI в 1740 г. дала повод королю Пруссии Фридриху II захватить Силезию, входившую в состав Австрийской империи. Действия Пруссии стали началом войны за австрийское наследство в период 1740—1748 годов. В этом конфликте приняли участие многие европейские государства. Фридрих II рассчитывал на то, что Российская империя, которая была озадачена решениями своих внутренних политических проблем, связанных с переделом власти после смерти императрицы Анны Иоанновны, будет не в состоянии оказать эффективную поддержку союзному государству — Австрии. Россию и Австрию связывали обязательства по совместной борьбе против Османской империи, однако, в 1740 г. Пруссии удалось не допустить выступления русских на стороне Австрийской империи путем заключения с Петербургом оборонительного и союзного договора. Российская империя оказалась в сложной политической ситуации. Заключив союз с двумя государствами, находившимися в состоянии военного конфликта, российское правительство не могло оказать поддержку одному государству и при этом не нанести ущерб интересам другого ¹⁰. Несмотря на достигнутый союз с Россией, прусский король осознавал, что ее нейтралитет не может быть долговечным. В скором времени его опасения подтвердились.

Близкие к взошедшей на российский престол императрице Елизавете Петровне братья Бестужевы находили в Пруссии одного из опасных противников России. Они видели необходимость укрепления дипломатических отношений с Англией и Австрией. В свою очередь Пруссия возлагала надежды на то, что дело «заговора Лопухиных-Ботта» против императрицы в пользу Ивана Антоновича, сына Анны Леопольдовны, провозглашенного Анной Иоанновной своим наследником, внесет разлад в отношения Российской империи и Австрии. К заговору оказались причастны жена брата вице-канцлера М.П. Бестужева и австрийский представитель в Петербурге Боттад-Арно ¹¹. Прусским дипломатам удалось воспользоваться ситуацией и заключить союзный договор с Российской империей в 1743 году ¹².

Однако подписанный договор не привел к реальным позитивным изменениям в отношениях России и Пруссии. Петербург, как и прежде, видел в этой стране своего скрытого противника. Канцлер А.П. Бестужев подчеркивал, что насильственное территориальное расширение Пруссии представляет опасность для Российской империи: «сей король, будучи ближайшим и наисильнейшим соседом Империи, потому натурально наипоопаснейший, хотя бы он такого непостоянного, захватнического и возмути-

тельного характера и нрава не был, каков у него есть. Верить слову и даже договору, подписанному с Пруссией, нельзя. Доказательство тому — вероломная политика Фридриха II, поэтому союз с ним невозможен»¹³.

Бестужев осознал, что возрастание авторитета Пруссии в Германии, мотивированное агрессивными действиями Фридриха, способствовало нарушению равновесия сил в Центральной и Восточной Европе. Сложившаяся ситуация не соответствовала политическим интересам Российской империи. Также для России представляли угрозу интриги со стороны прусских дипломатов в Польше, Швеции и Турции. Канцлер отмечал, что если будет происходить дальнейшее «усиление короля прусского, то невозможно представить, что можно ожидать для Империи от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа»¹⁴. Бестужев был уверен, что степень поддержания мирных отношений между Россией и Пруссией должна быть крайне велика, несмотря на враждебные акции со стороны последней.

В середине 1745 г. войска Пруссии в ходе войны за австрийское наследство нанесли поражение Австрии и Саксонии, после чего выдвинулись в Прибалтику. Вторжение прусских войск на территорию Прибалтики представляло угрозу для северо-западных границ Российской империи. Свое мнение о сложившейся ситуации Бестужев изложил во всеподданнейшей записке: Пруссия, мотивированная «наставлением и финансированием Франции, поступила своими обязательствами по договору, напад на Саксонию и Австрию, тем самым лишившись любой поддержки со стороны России. Интерес и безопасность Империи всемерно требуют таких действий, которые не оставят без внимания все враждебные выпады». Канцлер не исключал возможности вступления России в войну с Пруссией для помощи Австрии и Саксонии¹⁵. Российская империя, в условиях дестабилизации политической обстановки в Европе, не могла и дальше занимать нейтралитет и играть роль наблюдателя по отношению к агрессии Пруссии.

В сентябре 1745 г. Петербург принял решение об оказании военной помощи Саксонии, в рамках которой была осуществлена передислокация войск из Лифляндии и Эстляндии в Курляндское княжество. В 1746 г. Россия и Австрия заключили оборонительный союз, а в 1747 г. были подписаны «субсидные конвенции» с Великобританией, которая входила в союз с Австрией. Согласно «субсидным конвенциям» 1747 г., Россия за определенное финансирование, была обязана держать на лифляндской границе армейский корпус и галеры для защиты ганноверских владений английского королевского дома.

Появление русской армии для оказания военной поддержки Британии и Голландии вынудило Пруссию и Францию добиваться мира. В октябре 1748 г. не без участия России был заключен Аахенский мирный договор, который завершил войну за австрийское наследство.

На фоне происходящих событий, разрыв дипломатических отношений России и Пруссии был неизбежен. Осенью 1746 г. сближение России и Австрии стало причиной отзыва из Петербурга представителя Фридриха II А. Мардефельда.

В 1749 г. столкновение интересов России и Пруссии произошло из-за Швеции. В то время король Швеции при поддержке Франции, Прус-

сии и собственной знати надеялся восстановить абсолютную монархию. По условиям Ништадтского договора (1721), Россия взяла на себя обязательство по охране «учиненной формы правительства» в Швеции — конституционной монархии — и недопущению вмешательства со стороны иностранных государств в «домашние дела королевства Свейскаго»¹⁶. Расширение авторитета Швеции и возросшие в стране реваншистские настроения были невыгодны Петербургу, который требовал от шведского двора уверенных гарантий сохранности прежней формы правления. Своими требованиями Россия вызвала недовольство Берлина, что стало поводом для обострения отношений между двумя государствами.

В марте 1749 г. представитель Российской империи в Берлине Генрих Иванович Гросс (1713—1765) в своих сообщениях для Коллегии иностранных дел писал о военной подготовке Пруссии к завоеванию шведской Померании¹⁷. В связи с этим, главам дипломатических миссий союзных государств Российской империи в Петербурге была передана официальная бумага (записка). В ней говорилось об оценке агрессии Пруссии и тревоге по поводу ее усиления¹⁸.

Одним из факторов, ухудшавших отношения России и Пруссии, стал отзыв Петербургом из иностранных государств, в том числе из Пруссии, русских подданных, состоявших на военной службе. В рескрипте от 7 апреля 1749 г. Г.И. Гроссу говорилось, что из-за сложившейся ситуации подданным России, которые находились на службе в Пруссии, необходимо «вернуться и продолжить службу на пользу государства»¹⁹.

Местные власти запретили публиковать манифест в немецких изданиях, поэтому представителю Российского правительства Гроссу пришлось уведомлять русских офицеров об указе лично. Действия России вызвали протест Берлина²⁰.

В 1750 г. борьба за влияние на Швецию еще более осложнила отношения России и Пруссии. Первый кабинетный министр Пруссии 15 мая 1750 г. передал Гроссу декларацию из-за действий России, «направленных на смену правительства Швеции»²¹. В декларации содержались угрозы в адрес Российской империи, а также требования «прекратить дело, последствия которого, по мнению шведов, могут погрузить север в страшные смуты»²².

В ответ на декларацию Пруссии, в рескрипте от 19 июня 1750 г. российскому дипломату предписывалось заявить от себя лично, что «соблюдение тишины в севере единственно от Швеции самой зависит, ибо сколь долго оное нынешнее своей формы правительства не нарушит, то до того времени мы весьма удалены находимся что-либо против ея предпринять».

Согласно Ништадскому договору, Российская империя подтверждала намерения по исполнению своих обязательств. До посланника Гросса Петербургом была доведена информация о том, что шведский двор ведет себя недостойно, хотя наследник шведского престола Адольф Фридрих, «приходился двоюродным дядей российского престолонаследника Карла Петра Ульриха Гольштейн-Готторпского, который вошел в историю России как император Петр III»²³. Кроме того, наследник шведского престола проявлял недружелюбие к России и ее посланнику в Стокгольме Н.И. Панину²⁴.

Позиция России была обозначена аналогичным образом и в представлении назначенному после отъезда Мардефельда полномочному министру Пруссии в России Варендорфу²⁵. В Берлине Гросс сообщил дипломатам союзных государств позицию Российской империи по шведскому вопросу²⁶.

В связи с неблагоприятной обстановкой, Россия была вынуждена принять решение об отзыве дипломатического представителя из Берлина. По мнению Коллегии иностранных дел, факт неуважительного отношения к аккредитованному министру Российской империи со стороны прусского короля в присутствии представителей других государств вынуждал принять решение о том, чтобы Гросс оставил свой пост и покинул Пруссию²⁷.

Гроссу в рескрипте от 25 октября 1750 г. предписывалось, не уведомляя официальные власти о причинах отъезда, возможностях назначения нового представителя России в Берлине, покинуть Пруссию²⁸. 21 ноября 1750 г. Гросс покинул столицу Пруссии без отпускной аудиенции. Дипломат докладывал в Коллегию иностранных дел о том, что забрал с собой находившихся с ним канцелярских служителей и особо важный архив²⁹. В ответ на отзыв российского представителя Пруссия пошла на ответные меры. 2 декабря 1750 г. на имя российского канцлера было направлено письмо, в котором прусский полномочный министра Варендорф сообщал о своем отъезде из Российской империи³⁰.

Коллегия иностранных дел 4 декабря вручила Варендорфу декларацию, в которой были изложены причины, побудившие Петербург отозвать из Берлина своего дипломата. В ней сообщалось, что российская императрица, убедившись в том, что королевско-пруссский двор в дружбе и союзе с е. и. в. больше не нуждается, повелела своему министру, г-ну канцелярии советнику Гроссу покинуть Берлин и выехать в Россию³¹. Варендорф покинул Петербург без прощальной аудиенции 12 декабря 1750 года. Дипломатические отношения России и Пруссии прервались на 12 лет.

После смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. власть перешла к Петру III. Новый правитель симпатизировал королю Пруссии. В Семилетней войне (1756—1763), в которой приняли участие почти все европейские государства, Пруссия получила тяжелый удар от русской армии: государство было разорено, а часть прусской территории — оккупирована. По словам Фридриха II, Пруссия «агонизировала и ждала соборования»³². В письме от 1762 г. он сообщал своему брату принцу Генриху: «Если вопреки нашим надеждам, никто не придет к нам на помощь, — прямо говорю вам, что я не вижу никакой возможности отсрочить или предотвратить нашу гибель».

Поворот во внешней политике России спас Фридриха II³³. Пётр III отказался от всех завоеваний на территории Пруссии. Также император изъявил желание поддержать короля Пруссии. Сразу же после смерти императрицы Петром III было направлено письмо генерал-адъютанту, приближенному к прусскому королю А. В. Гудовичу. В письме содержалось предложение о заключении «добраго согласия и дружбы»³⁴.

Между правителями началась постоянная переписка. Русский император писал Фридриху о том, что вряд ли какой-либо подданный Пруссии служит Фридриху вернее, чем он. Пётр III, как его называл Фридрих II,

«государь с истинно немецким сердцем», даже предложил Фридриху разработать проект договора о мире, который завершал Семилетнюю войну.

В феврале 1762 г. состоялось подписание декларации, согласно которой военные действия против Пруссии прекращались. Русско-пруссский мирный договор, заключенный 24 апреля 1762 г., возвращал Пруссии все завоеванные территории без каких-либо компенсаций³⁵. Действия Петра III способствовали восстановлению дипломатических отношений между государствами. 1 мая 1762 г. именным указом Н. В. Репнин был назначен российским полномочным министром в Берлине³⁶.

С приходом к власти Екатерины II, с учетом завоеванного авторитета после побед в Семилетней войне, Российская империя вышла на первые позиции в Европе. Главный советник императрицы по внешнеполитическим делам Панин отмечал, что взаимодействие России с другими государствами ограничивалось решением шведских и польских вопросов, а также русско-турецкими отношениями³⁷. Как писал русский историк В. О. Ключевский, Екатерине «нужны были крупные дела, для всех очевидные успехи, чтобы оправдать свое воцарение и заслужить любовь подданных»³⁸. Стремясь к расширению и укреплению позиций в Центральной Европе, императрица полагала, что особое место в этой работе необходимо отвести германским государствам. По ее планам, именно в Германии было необходимо установить так нужное Российской империи равновесие сил и проявить «беспристрастие», которое, как она полагала, могло «приобрести нам доверие всех держав»³⁹.

В рамках достижения целей Екатерины II был расторгнут военный союз с Пруссией, при этом мирный договор был сохранен. Данное решение не удовлетворяло ни одну из воюющих сторон. Предложение о посредничестве было также отклонено участниками Семилетней войны. В заключении Губертсбургского мира в 1763 г. Россия не участвовала⁴⁰.

В рамках активизации внешней политики Российской империи в 1762 г. Коллегия иностранных дел подготовила специальный доклад, в котором говорилось о том, какое влияние Россия должна иметь в делах с германским правительством. В докладе была отражена идея о расширении сети дипломатических представителей на территории Германии. Предполагалась аккредитация послов России в верхнем и нижнем Рейнских округах, при Майнцком, Кёльнском и Трирском духовных курфюрстах, при епископе Палатинском и ландграфе Гессен-Кассельском⁴¹. Обозначенные в докладе идеи были высочайше одобрены, и Коллегия иностранных дел приступила к их реализации.

Дипломатическим отношениям с Пруссией Российская империя, как и прежде, уделяла большое внимание. 13 ноября 1762 г. было принято решение о назначении нового чрезвычайного посланника в Берлине. Им стал князь В. С. Долгоруков, заменивший полномочного министра Репнина. По просьбе России из Петербурга Пруссия отозвала полномочного министра Гольца. Его в качестве посланника сменил Сольмс⁴². Екатерина II сама решала все важные вопросы: она вела личную переписку с Фридрихом II, переговоры с Сольмсом также проводились при ее непосредственном участии. Пруссия наделила своего посланника широкими полномочиями, необходимыми для подписания договоров и соглашений. Функции Долгорукова, в отличие от его прусского коллеги, ограничива-

лись точным исполнением указаний Екатерины II. От него требовалась объективная и достоверная информация о положении в Пруссии. Полагают, что Долгоруков, который не являлся профессиональным дипломатом, был назначен посланником в качестве благодарности за участие в государственном перевороте. Долгоруков проработал в Берлине более двадцати лет, до 1786 года. За это время он направил в Петербург множество реляций, частных писем и донесений, в которых сообщал о взаимоотношениях представителей местной знати и особенностях дипломатического церемониала. Информация Долгорукова позволяла русским дипломатам более свободно ориентироваться в делах Германии ⁴³.

Саксония. Вторым значимым германским государством, в прочных дипломатических отношениях с которым Россия была заинтересована, являлась Саксония. После смерти короля Польши Яна Собеского в 1697 г., благодаря поддержке России курфюрст Саксонии Фридрих Август I был избран польским королем под именем Август II ⁴⁴. Будучи правителем двух стран, он смог реализовать свои планы по установлению абсолютной монархии и объединению Польши и Саксонии в единое государство, которое было способно соперничать с династией Габсбургов в Восточной и Центральной Европе. Союз Саксонии и Польши имел своеобразный характер. Оба государства, вне зависимости друг от друга, формировали свои выборные представительные органы власти. В Польше избирался сейм, а в Саксонии — тайный совет. Каждый выборный орган мог направлять своих дипломатических представителей. Август II обладал правом принятия решений, он подписывал указы как король и в то же время как курфюрст. С учетом его саксонских корней, на дипломатические должности чаще назначались саксонцы. Финансирование работы послов осуществлялось из бюджетов двух государств, несмотря на это, чаще всего, саксонские дипломаты стремились добиться своего финансирования у польского канцлера, чем вызывали недовольство поляков. Содержание послов из Саксонии нередко превышало ассигнования Польши на дипломатические нужды. Превалирование в политике личных интересов Августа II, которые расходились с позицией Саксонии и Польши, вызывало противоречия между польскими и саксонскими дипломатами ⁴⁵.

Во время союза Польши и Саксонии дипломатические представители Российской империи специально не проходили аккредитацию, что позволяло им, будучи направленными в Польшу, работать и в Саксонии ⁴⁶. Несмотря на наличие двух резиденций — в Варшаве и Дрездене, Август II чаще находился в Дрездене, куда также был перемещен дипломатический корпус. Соответственно и глава представительства Российской империи был вынужден больше времени проводить в Саксонии. Несмотря на это, его присутствие в Варшаве было необходимо по политическим соображениям. С учетом этого обстоятельства, Россия учредила в 1732 г. в Польше дополнительный пост резидента ⁴⁷. При иных обстоятельствах практика направления двух дипломатических представителей в одно государство применялась в период Северной войны (1700—1721). В то время в Польшу вместе с посланником при короле был аккредитован резидент Российской империи при полных литовских коронных гетманах ⁴⁸.

Своевременность предпринятого в 1732 г. шага была подтверждена событиями, которые произошли после смерти Августа II в 1733 году.

Франция всячески пыталась содействовать восхождению на престол своего ставленника Станислава Лещинского, что вызвало волнения в государстве и спровоцировало войну за польское наследство 1733—1735 годов. Присутствие дипломатического представителя России П. Голембовского в Варшаве представляло особую значимость⁴⁹. С помощью дипломата Петербург получал актуальную и важную информацию о событиях в стране. Польским королем при поддержке Российской империи в 1733 г. стал Август III — сын Августа II. При нем практика двойного российского представительства сохранялась до его смерти в октябре 1763 г. с одновременным распадом союзного государства.

21 декабря 1763 г. в Петербург с сообщением о смерти короля Польши и Саксонии Августа III прибыл специальный представитель саксонского курфюрста Фридриха-Христиана Карл фон дер Остен-Сакен. Также саксонский дипломат проинформировал о намерении его государства укреплять «между обоими дворами, государствами и землями дружбу и тесный союз»⁵⁰. В доказательство своих слов он передал Екатерине II кредитивную грамоту от 24 октября о его назначении полномочным министром Саксонии в Российской империи (с 1756 г. в Петербурге находился резидент польско-саксонского двора Прасс)⁵¹.

В том же году, исходя из принципа взаимности, Российская империя приняла решение об учреждении дипломатической миссии в Дрездене. Несмотря на это, ряд причин не позволил направить в Саксонию в качестве полномочного министра Ивана Матвеевича Симолина (1720—1799)⁵². Спустя три года, в соответствии с указом от 4 февраля 1766 г., чрезвычайным представителем в Дрездене был назначен русский дипломат Андрей Михайлович Белосельский (1735—1776)⁵³. В подготовленных для посланника инструкциях была изложена история русско-саксонских отношений и обращалось внимание на то, что еще при жизни польского короля Августа III происходили «многие дела», касавшиеся Саксонии. С кончиной короля почти прекратились все связи с саксонским курфюрством. Однако в своих интересах Российская империя всегда стремилась иметь полномочного министра в Дрездене. Поэтому находившемуся в Регенсбурге советнику И.М. Симолину дважды были посланы верительные грамоты «к покойным королю и сыну его курфирсту»⁵⁴. Таким образом, Симолин получил документы одновременно с известием о кончине короля, к которому был аккредитован. В Дрездене все еще оставалось свободным министерское место, на которое был определен камер-юнкер А.М. Белосельский.

Для информационной подготовки ему были предоставлены обзоры дипломатических отношений Российской империи с Данией, Пруссией, Швецией, Польшей, Турцией, Австрией, Англией, Францией, Испанией, Персией и Китаем⁵⁵.

В конце мая 1766 г. Белосельский отправился к своему месту назначения через Кенигсберг и Берлин⁵⁶ и прибыл в Дрезден 28 июля. 29 июля российский дипломат вручил министру иностранных дел Саксонии графу Флемингу копию верительной грамоты. Министр принял посланника «со многими уверениями... дружбы» и особенного уважения⁵⁷.

30 июля 1766 г. прошла аудиенция у принца-администратора при малолетнем саксонском курфюрсте Фридрихе-Августе III, в рамках которой

российский представитель вручил принцу-администратору кредитивную грамоту ⁵⁸. После получения аккредитации российский дипломат приступил к работе.

Голштиния. Голштинское герцогство занимало важное стратегическое положение среди германских государств, так как было расположено между Балтийским и Северным морями в Северной Германии. Голштиния входила в состав Священной Римской империи германской нации. Голштинским герцогам было дано право голоса в имперском собрании, благодаря чему они могли оказывать влияние на общую политику Германии. Учитывая политическое значение Голштинии, Россия еще со времен Петра I вошла с ней в союз, который был скреплен браком герцога голштинского Карла-Фридриха с Анной Петровной ⁵⁹. В результате династия Романовых получила право на наследное владение Голштинией. Сын Анны Петровны Пётр Ульрих имел право на наследование двух престолов — российского и голштинского ⁶⁰.

После восшествия на престол Петра II в 1727 г. был поднят вопрос о необходимости учреждения российской дипломатической миссии в Голштинии. 5 июля 1727 г., согласно указу, министром «при его королевском высочестве герцоге голштинском» был назначен влиятельный дипломат того времени Артемий Петрович Волынский (1689—1740) ⁶¹. Однако по многим причинам направление дипломата в Эйтин так и не состоялось ⁶².

Российская империя, в связи с планами по созданию системы «северного аккорда», в 1765 г. считала необходимым построение дружественных отношений с Данией. Тогда сближению держав помешали разногласия по голштинскому вопросу. Коллегия иностранных дел считала, что в интересах доброжелательных отношений с Данией, Российской империи следовало отказаться от владений великого князя Павла Петровича в Голштинии. Также Коллегия отмечала, что союз с Данией будет способствовать наращиванию авторитета не только в Германии, но и в Европе ⁶³. Предложение нашло свое высочайшее одобрение. В соответствии с предварительным договором, подписанным в апреле 1767 г., великий князь уступил права на наследование Голштинии датскому королю Христиану VII. Вместо прав на голштинское наследство князь получил право наследования графств Ольденбург и Дельменгорст. В июне 1773 г., после достижения Павлом Петровичем совершеннолетия, договор был подписан окончательно. По достигнутым договоренностям Голштинией стал владеть епископ Любекский, который представлял младшую ветвь гольштейн-готторпского дома ⁶⁴. Для достижения своих политических интересов Петербург принял решение направить в Голштинию своего дипломатического представителя. Согласно Указу от 12 июня 1774 г., министром в Эйтине был назначен барон Иван Иванович Местмахер (1733—1805) ⁶⁵. Инструкция, подготовленная для дипломата, предписывала ему содействовать в улаживании разногласий в связи с отказом великого князя Павла Петровича в 1774 г. от прав на наследование Ольденбурга и Дельменгорста. Также Местмахеру было поручено приложить максимум усилий для укрепления доверия между епископом Любекским и его племянниками — голштинскими принцами ⁶⁶.

Местмахер прибыл на место службы 12 августа 1774 года. Через несколько дней дипломат вручил кредитивную грамоту, подписанную

9 июля, епископу Любекскому Фридриху Августу. В ней указывалось, что в интересах великокняжеского двора Местмахер назначен в Голштинию в качестве российского министра⁶⁷. С целью аккредитации Местмахера в Ольденбурге Фридриху Августу было передано личное послание Екатерины II⁶⁸. В результате он получил полную аккредитацию в герцогстве Гольштейн-Ольденбург.

Таким образом, можно утверждать, что Русское правительство предпринимало не только серьезные военно-политические, но и дипломатические шаги для усиления своего влияния и защиты интересов России в германских княжествах в XVIII веке.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Сношения России с имперским собранием, оп. 86/1, 1745 г., д. 3а, л. 7—23.
2. Там же, оп. 88/1, 1745 г., д. 3б, л. 1—14, 25—44.
3. Там же, оп. 83/1, 1745 г., д. 3а, л. 242—243об.
4. Там же, д. 2, л. 7—8.
5. Там же, д. 1, л. 12—13.
6. Там же, д. 6а, л. 186—188.
7. Там же, д. 4, л. 5—8.
8. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М. 1836, ч. III, с. 55—61.
9. АВП РИ, ф. Сношения России с имперским собранием, оп. 83/1, 1756 г., д. 1, л. 1.
10. МАРТЕНС Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. V. СПб. 1880, с. 317—332; т. I. 1874, с. 108—109, 124—126.
11. 11. Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 105. СПб., 1899, с. 399.
12. МАРТЕНС Ф. Ф. Ук. соч., т. V, с. 358.
13. Архив князя Воронцова. Кн. 2. М. 1871, с. 21—23.
14. Там же, с. 19—21
15. Там же, с. 71—72, 81—82, 93.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I, т. VI, № 3819, с. 420.
17. АВП РИ, ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/1, 1749 г., д. 5, л. 14—18.
18. Там же, д. 2, л. 31—34об.
19. Там же, л. 36, 142—143.
20. Там же, д. 5, л. 334—336.
21. Там же, 1750 г., д. 6, л. 187—189.
22. СОЛОВЬЁВ С. И. Истории России с древнейших времен. Кн. 5. Т. XXIII. М. 1873, с. 62.
23. Монархи Европы: Судьбы династий. М. 1997, с. 241—242.
24. АВП РИ, ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/1, 1750 г., д. 5, л. 44—49об.
25. Там же, л. 58—58об.
26. Там же, д. 6, л. 241—242, 248об.
27. Там же, д. 5, л. 77об.
28. Там же, л. 70—75.
29. Там же, д. 6, л. 448—449.
30. Там же, д. 8, л. 91—92.
31. Там же, оп. 73/1, 1750 г., д. 8, л. 98—103об.
32. Записки Фридриха II. — Русский архив. 1877. кн. 1. вып. 1. с. 5—21.
33. История дипломатии. Т. I. М. 1959, с. 335.
34. Письма Петра III Фридриху. — Русский архив. 1898. кн. 1. с. 5—10.
35. МАРТЕНС Ф. Ф. Ук. соч., т. V, с. 367—378.
36. АВП РИ, ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/1, 1762—1763 гг., д. 10, л. 1.
37. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. М. 1913, с. 349.

38. Там же, с. 318—319.
39. ТРАЧЕВСКИЙ А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II (1780—1790). СПб. 1877, с. 48.
40. БАЛЬБАСОВ В. Международные сношения России с германскими государствами. — Исторический вестник. Т. XXXV. СПб. 1889, с. 67—85.
41. АВП РИ, ф. Секретные мнения КИД, оп. 5/1, д. 580, л. 1, 4—5об.
42. Там же, ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/6, д. 129, л. 6—6об.
43. МАРТЕНС Ф. Ф. Ук. соч., т. VI., с. 39—40.
44. АВП РИ, ф. Сношения России с Польшей, оп. 79/6, д. 1846, л. 1—37.
45. История дипломатии Польши. Т. II. Варшава. 1982, с. 406—407.
46. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). ч. II. (Германия и Италия). М. 1896, с. 19.
47. АВП РИ, ф. Сношения России с Польшей, оп. 79/1, 1732 г., д. 1, л. 1—2об.; оп. 79/6, д. 843, л. 1.
48. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. Сношения России с Польшей, оп. 79/1, 1708 г., д. 16, л. 47.
49. АВП РИ, ф. Сношения России с Польшей, 1732 г., д. 1, л. 1—2.
50. Там же, ф. Сношения России с Саксонией, оп. 84/1, 1763 г., д. 2, л. 1—3об.
51. Там же, ф. Внутренние коллежские дела (ВКД), оп. 2/6, д. 3432, л. 17—17об.; д. 3437, л. 2; ф. Сношения России с Саксонией, оп. 84/1, 1763 г., д. 2, л. 7.
52. Там же, ф. Регенбургская миссия, 1763 г., д. 14.
53. Там же, ф. Сношения России с Саксонией, оп. 84/2, 1766 г., д. 92, л. 1.
54. Там же, оп. 84/1, 1763 г., д. 2, л. 11—12.
55. Там же, оп. 84/2, 1766 г., д. 93, л. 1—20.
56. Там же, д. 94, л. 4—4об.
57. Там же, л. 15—16об.
58. Там же, д. 95, л. 10—11.
59. ПСЗРИ. Собр. I. т. VII, № 4605, с. 374—380.
60. БРОКГАУЗ Ф. А., ЕФРОН И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXXIX (А). СПб. 1903, с. 679.
61. АВП РИ, ф. Сношения России с Голштинией, оп. 51/1, 1727 г., д. 11, л. 11.
62. БРОКГАУЗ Ф. А., ЕФРОН И. А. Ук. соч. Т. VII. СПб. 1892, с. 125.
63. АВП РИ, ф. Сношения России с Данией, оп. 53/5, 1765 г., д. 66, л. 6—7.
64. Там же, ф. Сношения России с Голштинией, оп. 51/7, 1773 г., д. 3, л. 1—5об.
65. Там же, оп. 51/8, 1774 г., д. 93, л. 3—3об.
66. Там же, д. 92а, л. 1—5об.; ф. Сношения России с Ольденбургом, оп. 71/2, д. 37, 1773—1774 гг., л. 1—14.
67. Там же, ф. Сношения России с Голштинией, оп. 51/8, 1774 г., д. 94, л. 1—4.
68. Там же, ф. Сношения России с Ольденбургом, оп. 71/2, 1774 г., д. 2, л. 1—2.

Работа Магаданского управления гражданской авиации во второй половине 1970-х гг.

М. В. Третьяков

Аннотация. В публикации на основе ранее не публиковавшихся документов Государственного архива Магаданской области рассматривается работа регионального воздушного транспорта во второй половине 1970-х годов. Показано, что в этот период управление располагало достаточным количеством авиатехники, специалистов, развитой аэродромной базой. Регион имел авиасообщение с различными центрами как на Дальнем Востоке, так и с Москвой, Ташкентом и другими городами.

Ключевые слова: авиация, управление, Магаданская область, аэропорт, самолет, вертолет, полеты, перевозки.

Abstract. The author of the publication uses the unpublished documents from the State Archives of Magadan Region to describe the regional air transportation activities conducted in this territory in the second half of 1970s. According to the author, the Magadan Civil Aviation Department had at its disposal a sufficient number of aircrafts, a highly-qualified air personnel, and well-developed airport logistics. Regular air routes existed between Magadan Region and the Far East cities, also from Magadan to Moscow, Tashkent and other centers.

Key words: civil aviation, airport, Civil Aviation Department, Magadan Region, airport, airplane, aircraft, flights, air transportation.

Во второй половине 1970-х гг. Магаданская область в целом развивалась ускоренными темпами. После визита в регион председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина объединение «Северовостокзолото» получило современную технику, что позволило увеличить объем золотодобычи. Развитие авиации региона в этот период также не отставало. В конце 1975 г. были подведены итоги работы управления, которое выполнило план по всем показателям, кроме прибыли (88,3%). Заместитель министра гражданской авиации (ГА) СССР А. Н. Катрич наряду с утверждением отчета определил ряд задач на 1976 г., а именно: обеспечить выпол-

---

Третьяков Максим Викторович — кандидат исторических наук, и. о. научного сотрудника лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения РАН. Магадан. E-mail: maximmgn@mail.ru.

Tretjakov Maxim V. — candidate of historical sciences, scientific researcher at the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N. A. Shilo of the Far East Branch of the RAS. Magadan. E-mail: maximmgn@mail.ru.

нение плана по всем расчетным показателям, повысить рентабельность предприятия путем улучшения использования авиатехники, сокращения убытков и непроизводительных расходов, соблюдения режима экономии, более широкого использования ссуд Госбанка в обеспечении текущих расчетов за выполненные работы, повышения ответственности руководителей за сохранность социалистической собственности и выполнения плана ревизии на подведомственных предприятиях ¹. В этот период основной объем перевозок выполняли самолеты Ан-12 (более 50%), Ил-18 и Ан-24, а также вертолеты Ми-4 и Ми-8 ².

Первым мероприятием 1976 г. стала смена руководства в Магаданском управлении гражданской авиации (МУГА). Приказом министра от 5 января 1976 г. № 10 новым начальником был назначен И.С. Мазин ³. В начале года при подведении итогов Всесоюзного социалистического соревнования за IV квартал 1975 г. МУГА было удостоено третьей денежной премии ⁴, а в аналогичном соревновании внутри управления первое место занял Сеймчанский объединенный авиаотряд (СОАО), которому оставили переходящее Красное знамя и выдали премию 2 000 рублей ⁵.

Тем не менее, работа магаданской авиации в начале 1976 г. складывалась не совсем удачно: участились случаи как летных происшествий и предпосылок к ним, так и поломок авиатехники на земле. В январе их произошло 11 (убытки составили свыше 1 000 руб.), а в феврале — 5. Также имели место поломки, повреждения самолетов в полете и вынужденные посадки ⁶. Тем временем итоги работы за I квартал были следующие. Регулярность рейсов по управлению составила 81,4%, выполненных рейсов — 74,9%, по центральному расписанию данный показатель снизился на 6,2% ⁷. Специалистами управления был составлен перечень местных воздушных линий, их проекты и схемы, утвержденные командующим военным округом. Особое внимание было уделено применению авиации в народном хозяйстве (ПАНХ). Здесь основной объем работ приходился на май-сентябрь и выполнялся на самолетах Ан-2 и вертолетах Ми-4. Перечень заданий и их заказчиков представлен в таблице 1.

Таблица 1

Перечень работ ПАНХ на 1976 г.

Вид работ	Сроки и объем работ	Район работ	Исполнитель и тип авиатехники
АГС- съемка*	Июнь-сентябрь (220 ч.)	Северо-Эвенский район	2-й МОАО и СОАО (Ми-4); ЧОАО (Ми-6) ⁸
Аэромагнитная съемка	С 15 мая по 20 сентября (900 ч.)	Анадырский и Беринговский районы	СОАО (Ан-2); ЧОАО (Ми-6)
АГС- съемка	С 15 июня по 15 августа (150 ч.)	Билибинский район	СОАО (Ан-2 и Ми-8)
Договорные обязательства**			БОУО, Ми-8

Вид работ	Сроки и объем работ	Район работ	Исполнитель и тип авиатехники
Аэромагнитная съемка	Июль-сентябрь (200 ч.).	Шмидтовский, Иульгинский	ШОАО, СОАО, Ан-2
Гравиметрическая съемка	Май-октябрь (1180 ч.).	Чаунский	ШОАО, Ми-4
АГС-съемка	Июнь-август (200 ч.).	Чаунский	ШОАО, Ми-4

* Заказчик — ЭКГЭ

** Заказчик — Северные сети Магаданэнерго

Но с выполнением заданий возникли проблемы, поскольку 30 июня Мазин издал приказ № 263, предусматривавший усиление контроля за работой ПАНХ, что предполагало предоставление ежедневных донесений и суточных планов работы. Также надлежало увеличить штатную численность специалистов этой службы, против чего выступил отдел труда и зарплаты (ОТиЗ) управления⁹. Помимо этого, работа объединенного авиаотряда (ОАО) и иных служб находилась под постоянным контролем за выполнением плановых показателей. Так, документальная ревизия 2-го Магаданского ОАО (2-го МОАО) установила, что план января-апреля по налету часов ПАНХ выполнен на 108,7%, по участковому пассажирообороту — на 110%, по налету условных тонно-километров перевыполнен на 5,4%. По налету часов транспортной авиации было недовыполнение на 28,3% (642 ч.), из-за чего не был выполнен план по налету эксплуатационных и участковых тонно-километров на 28,3% (91 тыс.), отправка пассажиров — на 15,9% (1 532 чел.) и грузов — на 1063 т. Также произошло большое количество задержек и отмен рейсов по причине неблагоприятных метеоусловий в приписных аэропортах и на площадках¹⁰.

Это отразилось и на финансовых показателях: общая выручка составила 100,4%, доходы — 106,6%, но по транспортной авиации результаты были ниже — 72,6 и 81,7% соответственно. Расходы составили 109,7%. В свою очередь, Анадырский ОАО за тот же период достиг следующих результатов: по выручке — 119,1%, доходам — 113%, налету часов ПАНХ — 118,6%, участковому пассажирообороту — 105,6%, общая регулярность отправок самолетов составила 72,9%¹¹.

Показатели работы Центрального агентства воздушных сообщений (ЦАВС) были таковы: выручка — 12,1%, доходы — 104%, расходы — 104,2% (увеличение против плана составило 8,2 тыс. руб. или 4,2%), прибыль — 102,9%¹². План I полугодия управление выполнило по всем производственно-финансовым показателям: по пассажирообороту — на 105%, налету часов по ПАНХ — на 103,7%, доходам — на 105,7%. Лучших показателей достигли коллективы Магаданского ОАО и Анадырского ОАО. В свою очередь, победителями социалистического соревнования среди коллективов ведущих служб за II квартал были признаны: 150-й летный отряд Анадырского ОАО, авиационно-техническая база (АТБ), службы: электрорадиотехнического оборудования и связи (ЭРТОС),

спецавтотранспорта 2-го Магаданского объединенного авиаотряда (2 МОАО), движения, организации перевозок и горюче-смазочных материалов (ГСМ) МОАО, отдела материально-технического снабжения (ОМТС) Анадырского ОАО, электросветотехнического обеспечения Билибинского ОАО (аналогичное подразделение Шмидтовского ОАО заняло 2-е место). Все коллективы были награждены почетными грамотами и денежными премиями в размере от 50 до 300 рублей.

Одним из видов деятельности управления была доставка в регион овощей и фруктов из Узбекской ССР. В 1976 г. их общий вес составил более 3 тыс. т ¹³, а для работ в 1977 г. выделили 9 самолетов Ан-12 ¹⁴. В августе начались мероприятия по подготовке к работе в осенне-зимний период, который из года в год считался наиболее трудным в работе и имел наибольшее количество аварийных инцидентов и предпосылок к ним. За подготовку служб отвечали: летной — В.Г. Трезубов и Г.И. Гришкин, инженерно-авиационной — И.С. Ярошук, наземных — Н.Д. Куриленко, перевозок — В.М. Жаров, отдела радионавигации и связи — Ю.А. Янюшкин, движения — В.В. Часовитин.

Почетных выпелов с вручением дипломов и памятных подарков удостоились экипажи-победители Всесоюзного социалистического соревнования 1976 г.: в транспортной авиации — Ил-18 МОАО (командир корабля В.Я. Сапрунов, второй пилот В.С. Трофимов, штурман В.В. Мешков, бортмеханик А.П. Бородихин, бортрадист В.В. Мухин); в ПАНХ — вертолет Ми-8 Сеймчанского ОАО (командир В.В. Иванов, второй пилот Г.А. Кухваев, бортмеханик С.В. Петрушенко). Также лучшими были признаны бригады по техническому обслуживанию авиатехники и водителей спецмашин МОАО, грузчиков АОАО, смены службы движения Билибинского ОАО и радиотелеграфистов базы ЭРТОС 2 МОАО. Лучшими также стали: командиром воздушного судна транспортной авиации — В.Н. Мезинов (Ан-12 МОАО), в системе ПАНХ — В.И. Попов (Ми-8 АОАО), авиатехником — В.В. Тетушкин (АОАО), диспетчером службы движения — А.С. Непомнящий (БОУО), кассиром — Т.Е. Дучак (ЦАВС), телеграфистом — Н.К. Грищенко (МОАО), водителем спецтранспорта — В.А. Ларкин (МОАО), награжденные общесоюзными знаками «Победитель социалистического соревнования 1976 г.» ¹⁵.

Безопасность полетов была на высоком уровне, но имел место ряд случаев несанкционированного выезда автомашин на взлетно-посадочную полосу и поломок авиатехники, обошедшихся без жертв. Наибольший объем перевозок выполнили на Ан-12 (грузовые), Ил-18 и Ан-24 (пассажирские), а по налету часов ПАНХ — на Ан-2, Ми-4 и немногим менее — на Ми-8. Начался постепенный процесс замены Ил-14 на современные Ан-26, велась подготовка экипажей ¹⁶.

В начале 1977 г. в управлении произошел ряд реорганизаций. С 1 января для повышения регулярности полетов и вывоза пассажиров установили резерв самолетов: по МОАО — 1 Ан-24, АОАО — 1 Як-40, готовый к вылету по заданному маршруту не позднее 1 ч. после получения задания. Также в МОАО в связи со значительным увеличением объемов работ создали третью эскадрилью. 14 января, на основании приказа Министра гражданской авиации от 22 декабря 1976 г., был расформирован Шмидтовский ОАО, после чего 182-й летный отряд IV класса вошел

в состав АОАО с базированием в аэропорту Залив Креста. 4 самолета Ан-2 и столько же вертолетов Ми-4 из этого отряда передали в Чаунский ОАО. Аэропорты Залив Лаврентия V класса ¹⁷ и Залив Креста (V класса), а также посадочные площадки Иультин, Амгуэма, Конергино, Уэлькаль, Ванкарем, Нутепельмен, Лорино, Уэлен, Инчоун, Энурмино, Нешкан, Новое Чаплино, Янракинот, Сиреники, Нунлигран, Энмелен и Нунямо были приписаны к АОАО. Аэропорты Шмидт (IV класса) и посадочные площадки Ленинградский, Полярнинский, Биллингс, Роджерс, Пламенный считались приписными к ЧОАО. Для обеспечения перевозок выделялось звено 151-го летного отряда Чаунского ОАО в составе четырех самолетов Ан-2 и по одному вертолету Ми-4 и Ми-8 ¹⁸. Немногим позже эта структура была вновь изменена путем создания трех эскадрилий — 1-й транспортной (Ил-14, Як-40), 2-й ПАНХ (Ми-8, Ми-6) и 3-й в аэропорту Мыс Шмидта (Ан-2 и Ми-4). В состав Анадырского ОАО вошли 2 Ми-8 и по 7 Ми-4 и Ан-2, в состав ШОАО — 1 Ми-8, 3 Ми-4 и 7 Ан-2. 150-й летный отряд в составе авиаэскадрильи Як-40 и Ил-14, а также Ми-8 и Ми-4 расположился в Анадыре, в сферу его деятельности был включен Беринговский район. Местом базирования 182-го летного отряда в составе эскадрильи Ан-2 (2 звена) и вертолетов Ми-4 и Ми-8 (2 звена) считался аэропорт Залив Креста, но авиатехника также находилась в Марково и Заливе Лаврентия для обслуживания Провиденского района. Чуть позднее произошла реорганизация в 185-м летном отряде МОАО, в котором на базе существовавших были созданы 2 эскадрильи Ил-18, и по одной — Ан-24 и Ил-14 соответственно. Такие крупные реорганизации позволяют говорить о том, что в середине 1970-х гг. МУГА являлось стабильным предприятием, располагавшим необходимым оборудованием и специалистами для решения различных задач. Применение современных самолетов было возможно практически на всех аэродромах и посадочных площадках, имевших право на их прием и выпуск. Так, приказом от 5 мая 1976 г. аэродром Сеймчан стал запасным в зимний период для Ил-18, а на запасную грунтовую полосу аэродрома Магадан-56 км могли приземляться и взлетать (только днем) Ан-12, Ан-24 и Ан-26.

По итогам работы за I квартал 1977 г. МУГА наградили переходящим Красным знаменем и первой денежной премией во Всесоюзном социалистическом соревновании. Внутри управления аналогичной награды удостоился 2 МОАО.

Несмотря на столь выдающиеся успехи, в деятельности управления имелись проблемы. Регулярность полетов в двух первых кварталах нарушалась задержками вылетов более, чем на 30 мин., и для исправления ситуации приняли ряд мер. Также беспокойство руководства вызывало невыполнение общих плановых показателей по участковому пассажирообороту и налету часов ПАНХ по итогам 9 месяцев, что требовало более четкой работы для выполнения плана юбилейного года ¹⁹. В связи с этим создали штаб, закрепив за его членами следующие предприятия. Работу МОАО курировал главный инженер А. А. Ефименко, 2 МОАО — главный экономист Т. Я. Тихонова, СОАО — начальник отдела политико-воспитательной работы Ф. П. Никонов, а также ряд заместителей начальника управления: по организации перевозок В. М. Жаров — АОАО, по на-

земным службам И.В. Бородулин — ЧОАО, по радионавигации и связи Ю.А. Янюшкин — БОАО.

Тем не менее, специалисты управления достойно выполняли ответственные поручения. С 26 по 30 сентября экипажи Магаданского, Анадырского и Чаунского авиаотрядов выполнили ряд полетов по перевозке депутатов Верховного Совета СССР, получив высокую оценку инструктора ЦК КПСС, а сотрудников отметили благодарностями и премиями. Работа управления в текущем году имела еще одну особенность, не встречавшуюся ранее. Речь идет о выполнении наказов избирателей Магаданскому областному Совету депутатов, относящихся к компетенции МУГА, — введении авиарейсов и строительстве жилых домов для их сотрудников. Рейсы Кепервеем — Островное — Кепервеем, Анадырь — Усть-Белая — Анадырь, Лаврентия — Лорино — Лаврентия стали регулярными местными авиалиниями с 1 июня 1977 г., а Анадырь — Залив Креста — Магадан на самолете Як-40 планировалось ввести до 1 декабря с частотой полетов 2 раза в неделю. Строительство 30-квартирного жилого дома в пос. Сеймчан предполагалось осуществить в 1979—1980 годах ²⁰.

В конце 1977 г. в МУГА приняли меры по улучшению работы поисково-спасательной службы, что включало в себя разработку новых инструкций, а также подготовку к поиску и спасению экипажей и пассажиров в случае нештатных ситуаций. Все вертолеты, а также самолеты Ан-2 и Ил-14 ледового варианта укомплектовали носимым аварийным запасом (НАЗ), хранившимся опломбированным среди бортового имущества. Велась модернизация аэродромного комплекса. На основании материалов комиссии, на аэродроме Северо-Эвенск разрешили прием и выпуск самолетов Ан-24, Ан-26 и Як-40 (в качестве запасного) в зимний период. В аэропорту Мыс Шмидта выполнялся ремонт взлетно-посадочной полосы, но доставка пассажиров шла по графику. В 1978 г. периодически возникали сложности с обеспечением авиационным топливом. По причине завоза некондиционного бензина для Ми-4 для выполнения работ по ПАНХ в Северо-Эвенском районе пришлось срочно доставить 150 т в Чайбуху. Спустя месяц уже в самом Северо-Эвенске, а также в Кепервееме установили лимит на расход топлива. В период с 1 мая по 15 ноября полеты в Кепервеем выполнялись с посадкой без дозаправки.

В феврале-марте в управлении вновь произошел ряд реорганизаций. 8 февраля 1978 г. приказом № 50 была обновлена структура МУГА. Согласно новому положению, начальник также являлся председателем Совета управления, ему подчинялись различные службы. В свою очередь, обязанности первого заместителя и иных заместителей распределялись в зависимости от их компетенции и прав, предусмотренных «Уставом о дисциплине работников ГА». 17 марта 1978 г. приказом № 116 в составе 194-го летного отряда вместо одной авиаэскадрильи образовали две — Ан-26 и Ан-2 ²¹. Также на основании приказа министра, из состава управления выделили завод № 73, вошедший в объединение «Авиаремонт» МГА.

Говоря об итогах работы за I квартал, стоит отметить следующее. Участковый пассажирооборот был выполнен: по МОАО — на 96,6%, АОАО — 95,8, БОАО — на 93,7%. Налет часов по ПАНХ в МОАО — на

91,0%, АОАО — на 90%, исходя из чего первое место в соцсоревновании не присуждалось. В свою очередь, по итогам конкурса «За образцовое содержание самолетов и вертолетов» за тот же период призовых мест и премий были удостоены: МОАО и АОАО — по 500 руб. за содержание Ил-18 и Ми-8, СОАО и БОАО — по 300 руб. за Ми-4 и Ан-2 соответственно ²².

За февраль-апрель МУГА перевезло более 5 тыс. т грузов для золотодобывающей промышленности, выполнив план на 146%. Как и в предыдущий период, особое внимание обращалось на выполнение работ по ПАНХ, для чего был создан штаб по координации работ под председательством заместителя начальника управления А. С. Пискунова ²³.

Летом 1978 г. на МУГА было возложено выполнение особого задания по обеспечению агитационного перелета группы работников МГА и редакции «Известий». Помимо знакомства с работой управления, в программе пребывания гостей планировалась поездка по маршруту Магадан — Синегорье — Карамкен — Магадан и транспортное обеспечение возлагалось на региональных авиаторов.

11 августа открылась авиалиния Кепервеем — м. Шмидта — Кепервеем на самолетах Ан-24 и Ан-26, также на Чукотке начала работать трасса Анадырь — Иультин. Расширилось аэродромное хозяйство — с 16 ноября началась подготовка к открытию аэропорта Синегорье ²⁴, принятого в эксплуатацию приказом Министерства энергетики и электрификации СССР № 395р от 23 октября 1978 года. 5 декабря выполнили технический рейс на Ан-24, 9 декабря начались регулярные полеты, а до 15 января планировалось осуществить рейс на Ан-12. Регламент работы устанавливался с 01.00 до 10.00 московского времени. На 1979 г. планировались изыскательские работы по строительству аэродрома в пос. Майский (недалеко от Певека), а в самом Певеке провели все мероприятия к началу полетов Ту-154, что ознаменовало качественно новый этап развития региональной авиации. Многих специалистов наградили почетными грамотами и благодарностями. При подведении итогов работы за II квартал 1978 г. победу в соревновании внутри управления одержал Билибинский ОАО, которому вручили переходящее Красное знамя и первую премию в сумме 3 350 руб., из них 2 300 руб. выделили на материальное поощрение сотрудников, 1 050 руб. — на культурно-бытовое обслуживание и жилищное строительство. Командира авиаотряда В. В. Бугайцева наградили премией в размере 20% от оклада. Отметим, что в III квартале победу одержал коллектив МОАО, который удостоился премии в 10 тыс. руб., а его командира Н. Ф. Прокопенко поощрили в размере 25% от оклада. В целом, итоги I полугодия были хорошими. План выполнили в июне: по участковому пассажирообороту и ПАНХ — к 28, по отправкам почты — к 17, встречный план по выручке — к 30. Регулярность полетов была высокой, но в III квартале имелась 31 задержка рейса. Негативным моментом работы были простои Ан-12 свыше 3 ч. 30 мин., что являлось нарушением инструкций МГА. По итогам года план перевозок овощей и фруктов в размере 4 тыс. т выполнили к 20 сентября, перевозки пассажиров в конце октября достигли 101,3% годового плана ²⁵. Во Всесоюзном соревновании МУГА удостоилось 3-го места и премии в сумме 19,2 тыс. рублей.

В 1979 г. продолжилась работа по расширению применения современной авиатехники по аэропортам: были выполнены технические рейсы Магадан — Певек на Ил-18, Магадан — Марково на Ан-24, в Лаврентия — на Ан-26, в феврале были разрешены в исключительных случаях посадки и взлеты на Ил-76 в аэропорту Мыс Шмидта. Более слаженная работа в I квартале позволила повысить регулярность полетов, но по сравнению с прошлым годом общее количество самолетовылетов снизилось. Для более четкого выполнения рейсов закреплялись резервные самолеты: в Магадане — по одному Ил-18 и Ан-24, в Анадыре — один Як-40, в Сеймчане — один Ан-26. После получения задания на подготовку вылета для всех самолетов отводился 1 ч., для Ил-18—1,5 часа. Работа МУГА за I квартал была отмечена переходящим Красным знаменем МГА и ЦК профсоюза и премией в размере 47 875 руб., внутри управления победу одержал СОАО, но спустя квартал победителем стал АОАО.

Об аварийности в данный период стоит сказать следующее. В начале 1978 г. произошла поломка вертолета Ми-4 № 31582 СОАО в районе прииска «Широкий» Сусуманского района, члены экипажа не пострадали. Вообще с вертолетами Ми-4 нештатные ситуации происходили наиболее часто. Так, аналогичные поломки имели место 7 апреля, 17 июня (в районе 78 км от аэропорта Марково (Ми-4 № 02291 2-го МОАО)) и 10 июля, когда вертолет при посадке ударился хвостовым винтом о воду, приземлившись с энергичным разворотом влево и смещением назад. 16 марта в аэропорту Певек совершил грубую посадку Ан-12 МОАО, 23 июня произошел инцидент с Ан-2 № 55603 АОАО. По каждому случаю руководство управления назначало комиссию для проведения расследования с целью установить истинные причины происшествия и исключить подобные случаи в будущем. Меры взыскания к конкретным лицам были соизмеримы со степенью их виновности, особенно если происшествие происходило из-за нарушения инструкций, регламентировавших выполнение полетов. В отдельных случаях материалы расследования передавались в следственные органы для проведения процессуальных мероприятий к виновным.

Таким образом, стоит отметить, что работа МУГА в 1977—1979 гг. находилась на достаточно высоком качественном уровне. Управление было стабильно работающим предприятием, сеть авиамаршрутов охватывала все населенные пункты области и имела связь с «материком». Пассажирские самолеты выполняли регулярные полеты в Москву, Хабаровск, Среднюю Азию (так называемые фруктовые рейсы), вертолеты Ми-4, Ми-6 и Ми-8, а также самолеты Ан-2 обслуживали различные предприятия и учреждения, в основном, геологические, выполняли работу по ПАНХ и договорным обязательствам. Главной особенностью работы многих авиаотрядов была убыточность, из чего складывалась отрицательная финансовая динамика управления в целом. Высокая себестоимость тонно-километра перевозок и иных расходов в совокупности с невысокой плотностью пассажиропотока (по сравнению с иными УГА) не позволяла магаданским авиаторам в данный период стать рентабельным предприятием.

Примечания

1. Государственный архив Магаданской области (ГА МО), ф. Р-27, оп. 1, д. 305. л. 3.
2. Там же, л. 14—15.
3. Там же, д. 307, т. 1, л. 15.
4. Там же, л. 103.
5. Там же, л. 70.
6. Там же, л. 151, 185, 202, 217; д. 308, т. 2, л. 23, 42.
7. Там же, л. 40.
8. Ми-6 Чаунского ОАО был выделен для работ в период с сентября по ноябрь.
9. ГА МО, ф. Р-27, оп. 1, д. 308, т. 2, л. 252.
10. Там же, д. 309, т. 3, л. 4.
11. Там же, л. 26.
12. Там же, л. 11.
13. Там же, д. 310, т. 4, л. 87.
14. Там же, д. 314, т. 3, л. 237.
15. Там же, л. 153.
16. Там же, д. 307, л. 12.
17. V класс аэропорту Лаврентия был присвоен с 1 декабря 1976 г. ГА МО, ф. Р-27, оп. 1, д. 310, т. 4, л. 59.
18. Там же, д. 313, т. 1, л. 35.
19. Там же, д. 316, т. 4, л. 32.
20. Там же, л. 148.
21. Там же, д. 320, т. 1, л. 230.
22. Такие конкурсы проводились ежеквартально. Во II квартале победителями стали: МОАО за Ан-24, АОАО за Ми-8, 2-й МОАО за Ан-2, ЧОАО за Ми-4.
23. ГА МО, ф. Р-27, оп. 1, д. 321, т. 2, л. 224.
24. В 1979 г. аэропортам Синегорье и Беринговский присвоили V класс.
25. ГА МО, ф. Р-27, оп. 1, д. 323, т. 4, л. 56.

Особенности партийно-государственного руководства в Кировской области в первые послевоенные годы

С.Г. Егоров

Аннотация. В публикации рассматриваются проблемы взаимодействия партийных, советских и хозяйственных органов власти в Кировской области в период позднего сталинизма. Анализируются особенности взаимоотношений между союзным и региональным руководством, проблема управленческих кадров в партийных и советских учреждениях.

Ключевые слова: Кировская область, обком и райкомы ВКП(б), облисполком и райисполкомы, проблема управленческих кадров, уполномоченные обкома ВКП(б).

Abstract. The publication discusses the problems of interaction between the party, Soviet and economic authorities in the Kirov region in the period of late Stalinism. The features of the relationship between the state and regional leadership, the problem of managerial personnel in party and Soviet institutions are analyzed.

Key words: Kirov region, Local Party Organs, Centre-Local relations, regional Soviet rule.

В настоящее время в отечественной науке остается дискуссионным вопрос о соотношении властных полномочий партийных органов и Советов в регионах в период позднего сталинизма. Еще в августе 1946 г. ЦК ВКП(б) в ряде постановлений предписал партийным организациям изжить подмену хозяйственных органов, сосредоточить внимание на усилении партийно-политической работы и проблемах культурно-бытового обслуживания трудящихся, решении организационно-кадровых вопросов.

Победа в Великой Отечественной войне, казалось бы, создала новую благоприятную возможность для проведения важнейшей государственной реформы по ограничению места и роли партии в жизни страны и усилению реальных прав конституционных властных структур — Советов. Не случайно, в послевоенной пропаганде государство объявлялось «той решающей силой, которая способна направлять все развитие советско-

---

Егоров Сергей Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. E-mail: palamit@rambler.ru.

Egorov Sergey G. — PhD (History), associate professor at the Vyatka State University. E-mail: palamit@rambler.ru.

го общества в соответствии с экономическими законами социализма»¹. В этой связи характерен вывод историков А. Данилова и А. Пыжикова: «... в этом состояло сталинское видение властного устройства в целом, где государство в лице возглавляемого им правительства сосредоточивало реальные рычаги управления, все оперативное руководство социально-экономической и культурной жизнью и выдвигалось на передовые позиции во властной иерархии»².

В феврале 1947 г. произошло разделение полномочий между Политбюро и Советом министров. Теперь решения Бюро Совмина не нужно было дополнительно утверждать на Политбюро: «Полномочия Совмина в отданных в его ведение экономических вопросах стали теперь настолько широкими, что обычная для 1930-х годов практика передачи многих правительственных решений на утверждение Политбюро практически прекратилась»³. Это определило своеобразие управления страной во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг., когда часть властных полномочий на союзном уровне была передана государственным структурам. В этой связи актуален вопрос: прослеживается ли данная тенденция на региональном уровне?

В отчетных докладах и заключительных словах руководителей области постоянно подчеркивалась необходимость повышения значимости советских и хозяйственных органов в полном соответствии с центральными установками. На V кировской областной партийной конференции (20 марта 1948 г.) первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) И. Т. Быков заявил: «Перестройка должна состоять в том, чтобы отбросить мелкие хозяйственные вопросы, заниматься хозяйственными органами по основным, решающим, коренным вопросам, чтобы поднять ответственность коммунистов, работающих в советских или хозяйственных органах, серьезно потребовать от них, чтобы они сами решали и отвечали за порученные участки. Задача партийных органов состоит в том, чтобы укреплять эти хозяйственные, советские органы и не подчинять их»⁴.

Однако спустя два года, в июле 1950 г., на очередном пленуме Иван Тимофеевич признавал: «Многие руководители областных организаций стараются как можно больше “протолкнуть” вопросов через обком партии или областной исполком. И протолкнув, облегченно вздыхают, что теперь на местах за его аппарат будут работать обкомы и райисполкомы. А отдельные руководители областных организаций и ведомств видя, что на местах за них решают конкретные хозяйственные вопросы райкомы партии, то они сами стали посылать директивы непосредственно в райкомы ВКП(б)»⁵.

Фактически, областная организация ВКП(б) не только не сосредотачивалась на вопросах собственно партийной работы, но все глубже увязала в мелкой хозяйственной текучке. Секретарь одного из райкомов в июле 1950 г. отмечал: «Обком партии мало учит и совершенствует метод работы райкомов партии и помогает секретарям райкомов партии. Это первый недостаток. Второй недостаток, мало проверяет исполнение своих решений. Райком партии больше решает хозяйственные вопросы. Я считаю, что на это наталкивает обком партии. Из обкома партии больше разговаривают, как правило, по текущим вопросам, но редко разговаривают серьезно по руководству Советами, хозяйственными организациями

и партийно-политическим вопросам. Кроме того, надо отметить, что сам обком партии подменяет советские и хозяйственные организации»⁶.

Один из работников обкома констатировал: «Три года я работаю заведующим отделом пропаганды и агитации обкома партии и у меня такое впечатление складывается, что у нас два секретаря по сельскому хозяйству, а первого секретаря нет... не было случая, чтобы меня т. Быков пригласил к себе, постоянно у него “хозяйственники” на приеме»⁷. Это выступление нашло поддержку: «Я пять лет работала в отделе партийных органов и за пять лет я т. Быкова не видела на производственных совещаниях отдела партийных органов, а это ведущий отдел... И вот когда выразился т. Старостин, что у нас два секретаря по сельскому хозяйству, может быть так и получается. Никакого плана, ни стиля, ни системы нет»⁸.

Однако такой управленческий курс во многом был обусловлен союзным руководством страны. Как и в военные годы, основную ответственность за развитие области нес обком ВКП(б). В декабре 1948 г. инспектор ЦК ВКП(б) по Кировской области М.А. Туркин заявил: «Ответственность за состояние дел в области в первую очередь несет областной комитет партии. Поэтому неслучайно огонь критики направлен в адрес обкома партии»⁹. В Москве понимали, что именно партийные структуры реально руководят регионами, несмотря на изменения в центральном аппарате. Так, И.В. Сталин осенью 1949 г. в своей телеграмме от имени председателя Совета Министров СССР, посвященной проблемам мобилизации рабочей силы на лесозаготовки, предложил в качестве организационной меры провести бюро обкома, которое состоялось в тот же день¹⁰. Это одно из проявлений двойственности ситуации с руководством страны, сложившейся в конце 1940-х — начале 50-х годов. Глава правительства при решении чисто хозяйственного вопроса обращался к партийным органам, советуя провести бюро обкома, а не опирался непосредственно на своих подчиненных — облисполкомы.

Областное руководство не видело в Советах реальной властной структуры, которая могла бы реализовывать и контролировать значимые управленческие функции. В феврале 1949 г. один из секретарей райкома заметил: «... обком партии в практической работе все время ориентируется только на хозяйственную работу. Из обкома партии звонят в райком только по хозяйственным вопросам. Дело дошло до того, что т. Светлаков (председатель облисполкома) не звонит т. Абрамову (предрик), а часто звонит т. Порошину (секретарь райкома)»¹¹. Весной 1950 г. секретарь Молотовского райкома г. Кирова привел следующий пример: «У меня был разговор со вторым секретарем горкома. Только что мы избрали новый состав райисполкома, укрепили его и на другой или третий день звонит: «У Вас плохо дело с торфом, с заготовками и Вы не можете организовать работу. Почему плохо организуете работу?»

— Райисполком только что избрали, надо дать возможность показать на новой работе.

— Ты берись сам, все равно ничего не выйдет»¹².

Сами партийные работники считали вопросы партийной работы «нагрузкой» к чисто хозяйственным обязанностям. В июле 1949 г. на пленуме обсуждался вопрос о массово-политической работе среди населения. После слов секретаря Просницкого РК Сухих: «Но мне хочется отметить,

что у нас существует явная недооценка партийной работы, у нас, я бы выразился нет любви к партийной работе среди партийных работников», — состоялся следующий обмен репликами.

«Быков: Вы скажите почему нет любви к партийной работе, вы же старый секретарь.

Сухих: Нет потому, что существует много формализма, это бесспорно.

Светлаков: Мы мало прививаем».

Конечно, проблема заключалась не столько в «малом прививании», сколько в том, что работу ответственных партийных работников оценивали по успешности выполнения хозяйственных заданий. Руководитель сектора агитации обкома Креницын отмечал: «Недаром секретари райкомов партии говорят: “Видишь ли в чем дело, ведь если хлеб мы не выполним — нас накажут, а за агитационную работу нам в крайнем случае укажут, так вот и выбирайте, чем нам заниматься?” и это стала ходячая фраза, т. к. остроты с этим вопросом нет. Правда, этот разговор не особенно по-партийному идет, но это факт»¹³.

15 ноября 1948 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О работе Кировского обкома ВКП(б)», в котором критиковалось положение дел в области, прежде всего в сельском хозяйстве и лесной промышленности¹⁴. Однако наиболее серьезной критике подверглась организационная работа обкома, а также стиль руководства. 15—16 декабря 1948 г. на III пленуме обкома состоялось обсуждение постановления ЦК ВКП(б). Быков довел информацию о том, как проходило заседание Оргбюро. В Москве с резкой критикой обкома выступили М. А. Туркин, М. Ф. Щкирятов, И. А. Бенедиктов, Д. Г. Жимерин, М. И. Родионов, Г. М. Маленков. Деятельность обкома была признана неудовлетворительной. Организаторская работа, контроль за деятельностью партийных, советских и хозяйственных органов и политическая работа в массах, по мнению центрального руководства, была «подменена принятием декларативных решений, кампанейщиной и штурмовщиной»¹⁵. Оснований для данного вывода было немало. Так, в течение лесозаготовительного сезона 1947—1948 гг. обком принял более 40 решений по этому вопросу, но план все равно не был выполнен. Многие резолюции по выносимым на бюро обкома вопросам были недостаточно продуманы, неконкретны, проверка их исполнения была поставлена слабо.

Особенно острая критика звучала со стороны Маленкова за увлеченность областного руководства проведением различных хозяйственных кампаний и злоупотребление посылкой уполномоченных на места. Многие инструкторы различных отделов по 2—3 месяца проводили в лесу, в отрыве от своих прямых обязанностей. Эти методы обкома были названы «вчерашними». По мнению секретаря ЦК, «... местные кадры могут самостоятельно успешно решать задачи при хорошей системе руководства»¹⁶.

Как показала управленческая практика последующих лет, эта критика секретаря ЦК ВКП(б) не была услышана. В этой связи интересен взгляд со стороны нового номенклатурного работника, прибывшего в область. В июле 1951 г. заместителем Кировского облисполкома был назначен Е. Ф. Кольшев. В 1946—1951 гг. он был первым секретарем

Кемеровского обкома ВКП(б). Местные историки для характеристики этого функционера используют термин «младореформатор». Действительно, Колышев выделялся новаторским подходом к решению многих региональных проблем. Так, ему принадлежали идеи организации академической науки в Кузбассе, развития сети высших учебных заведений. В марте 1949 г. он направил Сталину записку о снятии ограничений со спецпоселенцев — бывших кулаков, выселенных в Кемеровскую область в 1930—1932 годах. Это предложение касалось восстановления в правах 61 тыс. человек¹⁷. Такая активность вызвала настороженность в ЦК. Колышева обвинили в насаждении «небольшевистских нравов» подхалимства и угодничества, неразборчивости в кадрах. Как не обеспечивший руководства, Колышев был снят с должности и направлен в Киров.

На первом же для себя пленуме Кировского обкома бывший глава Кузбасса отметил: «Мне кажется, в руководстве райкомами областной комитет партии недооценивает роли их и роли райисполкомов, принижает их и с другой стороны снимает ответственность с различных ведомственных организаций, посылает в районы излишнее количество уполномоченных. Меня послали как уполномоченного обкома партии и облисполкома, чтобы повернуть Арбажский райком партии к весеннему севу. Но через несколько дней приезжает в район еще один уполномоченный обкома партии и облисполкома. У меня был мандат за одной подписью, а он приехал с мандатом за двумя подписями. Через несколько дней я поехал, провел совещание в Советске, приезжаю через день в Арбаж, застаю у председателя райисполкома третьего уполномоченного с мандатом облисполкома. Такое количество уполномоченных, хотя бы они и ответственные работники области, не приводит к пользе, это принижает роль райкомов партии и райисполкомов». Вывод был очевиден: «... посылая массу уполномоченных со своими документами, обком партии и облисполком снимает ответственность с ведомственных организаций за выполнение государственных заданий. Таким образом, насаждается атмосфера безответственности и круговой поруки»¹⁸.

Характерно, что данная критика вызвала неприятие у секретаря обкома А.Г. Сокерина, который отвечал за сельское хозяйство в области. В своей речи он парировал: «По вопросу уполномоченных. Тов. Колышев в своем выступлении говорил, что уполномоченных посылают на места для того, чтобы взять в руки секретарей райкомов партии. Я не могу согласиться с этим положением. Ведь не один т. Колышев посылался в район, здесь многие товарищи выезжали в районы и знают, какие задания им давал обком ВКП(б). Посылка уполномоченных есть один из видов организационной работы и к ней приходится прибегать, когда интересы дела требуют этого. Дело в том, что основная тяжесть организационной работы по выполнению решений партии и правительства падает на районное звено. Поэтому районному звену нужна бывает помощь в работе и ничего нет плохого, если мы из аппарата обкома партии и других ответственных товарищей посылаем помочь райкомам и райисполкомам в решении очередных задач»¹⁹.

Однако в ходе пленума Колышев продолжал настаивать на ошибочности позиции руководства обкома: «Относительно уполномоченных, тов. Сокерин. Я этой фразы в отношении уполномоченных с райкомами

и райисполкомами не говорил, она была сказана на совещании уполномоченных во время инструктажа 29 мая 1951 года. Что касается меня, я себя так не вел и не считал нужным так вести. Наоборот, приехал в райком и сказал, что приехал для того, чтобы оказать помощь райкому партии и райисполкому»²⁰.

Увлеченность посылкой уполномоченных вызывала критику и со стороны работников обкома, вынужденных месяцами работать в районах, в отрыве от своих основных обязанностей. Начальник транспортного отдела Сердюков три месяца находился на посевной, сеноуборке и уборке, на заготовках хлеба. В связи с этим он указывал: «... руководящие областные работники имеют аппарат обкома партии как резерв. Начальник областного сельскохозяйственного управления Мерзляков всегда первым по счету выдвигает предложение: «Для исправления положения требуется послать срочно партийный актив». И на следующий день список товарищей, отъезжающих в районы, вот тебе командировка и поезжай»²¹.

Быков как глава областной партийной организации ответил на большинство подобных замечаний на производственном совещании работников обкома в декабре 1951 года. Относительно недооценки собственно партийной работы он указывал: «Я не хочу сказать, что хорошо занимался идеологической, пропагандистской работой, но сказать, что не понимаю эти вопросы, как говорит т. Старостин, я с этим не согласен, потому что вопросы теории, знание этих вопросов, практическую работу я знаю... Я не хочу сказать, что я хороший работник, хорошо работаю и т. д., но что идеологической работой не занимался и что потерял вкус к партийной работе — это заявление неправильное, я не младенец в этих вопросах... А что я занимался вопросами сельского хозяйства много — это правильно. Быков наказан правильно Советом министров за сельское хозяйство, неоднократно предупрежден, указано мне на это дело, так что же я должен не заниматься этими вопросами, если такое положение создалось в сельском хозяйстве. Я обязан этим вопросом заниматься. Другое дело, что может быть не хватило меня заниматься всеми вопросами в достаточной степени»²².

Из слов первого секретаря также следовало, что рекомендации по посылке уполномоченных шли и из Москвы. «Вчерашние методы» рекомендовались к применению в правительственных директивах и в начале 1950-х гг.: «Вообще, что я хочу сказать, что по вопросам посылки уполномоченных по хозяйственным задачам, в связи с решением ЦК по Кировскому обкому партии, мы занимали линию по этому вопросу такую, чтобы нам не посылать зря людей и посылали уполномоченных только в том случае, если записано в решении правительства, ЦК партии. Самостоятельно ни Быков и никто из членов бюро уполномоченных не посылали. Вот есть указание правительства — послать уполномоченных по мясозаготовкам и молокопоставкам, так мы обязаны послать? Обязаны, обстановка этого требует. Если положение создается тяжелое, мы будем посылать и решать хозяйственные вопросы, но, решая хозяйственные вопросы, можно решать политические, идеологические вопросы? Безусловно можно»²³.

Союзное руководство продолжало видеть в региональных партийных комитетах, прежде всего, инструменты решения хозяйственных про-

блем: «Вот есть решение Совета министров по животноводству, чтобы мы каждую пятинднейку слушали и рассматривали на бюро обкома партии состояние животноводства. Как вы находите? Мы обязаны это делать? Обязаны. И мы должны это делать. В вопросе развития животноводства нам надо дойти до идеологической и организаторской работы, до кадров. Мы от хозяйственной политики не можем уйти».

Вот с такими пояснениями к своим подчиненным приходилось обращаться региональному руководителю ввиду явной двойственности роли и места партийных структур в управлении страной. С одной стороны, как глава обкома ВКП(б), он должен был заниматься прежде всего партийной работой, с другой стороны, как фактический руководитель области, — отвечать за ее развитие по все направлениям: от школьного дела до лесозаготовок.

Таким образом, рассмотрение региональных материалов показывает, что синхронности в процессе перестройки властных отношений в центре и на местах не наблюдалось. В то время как ЦК ВКП(б) и его Политбюро де-факто уступили часть социально-экономических полномочий правительству — Совету Министров СССР, на местах и в том числе в Кировской области, подобные нововведения не получили своего развития.

Примечания

1. ПЫЖИКОВ А.В., ДАНИЛОВ А.А. Рождение сверхдержавы. 1945—1953. М. 2002, с. 168.
2. Там же, с. 169—170.
3. ХЛЕВНЮК О., ГОРЛИЦКИЙ Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. 2011, с. 28.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. 1290, оп. 13, д. 2, л. 237.
5. Там же, оп. 22, д. 22, л. 10.
6. Там же, д. 16, л. 54.
7. Там же, оп. 23, д. 36, л. 23 об.
8. Там же, л. 46об.
9. ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 20, д. 15, л. 82.
10. Там же, оп. 21, д. 14, л. 87.
11. Там же, д. 70, л. 331.
12. Там же, л. 30об.
13. ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 23, д. 36, л. 13.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 116, д. 394, л. 5—12.
15. ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 20, д. 15, л. 5.
16. Там же, л. 6.
17. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953. М. 2004, с. 344—346.
18. ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 23, д. 8, л. 73.
19. Там же, л. 92—93.
20. Там же, л. 93.
21. ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 23, д. 36, л. 17.
22. Там же, л. 64об. —65.
23. Там же, л. 65.

Деятельность советской милиции по охране социалистической собственности в период 1931—1941 гг.

И. Д. Борисова, Д. А. Ерин

Аннотация. В публикации рассматривается деятельность органов рабоче-крестьянской милиции ОГПУ-НКВД СССР по борьбе с хищениями в 1930-х гг. в Советском Союзе. На основе опубликованных исторических источников, в первую очередь документов и материалов Центрального архива ФСБ, а также историко-правовых и исторических исследований по заявленной теме, авторы раскрывают работу органов милиции по пресечению хищений и спекуляции с точки зрения обеспечения безопасности социалистического строя и государства.

Ключевые слова: коллективизация, индустриализация, ОГПУ-НКВД СССР, рабоче-крестьянская милиция, репрессивная политика, хищение социалистической собственности, спекуляция.

Abstract. The activities of bodies of joint public political administration of USSR and Workers' and Peasants' militia for fight against plunders and speculation during 1930—1940 in the Soviet Union are considered in the article. On the basis of the published historical sources, first of all documents and materials of the Central archive of FSS and also historical and legal and historical researches on the announced subject, authors open work of bodies of joint public political administration on suppression of plunder and speculation in terms of safety of a socialist system and the state.

Key words: collectivization, industrialization, OGPU-NKVD USSR, Workers' and Peasants' militia, repressive policy, plunder of socialist property, speculation.

Вопросы охраны собственности всегда вызывают интерес как среди научного сообщества, так и среди обывателей. Вне зависимости от формы государственного устройства, политического режима и формы прав-

---

Борисова Ирина Дмитриевна — кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой Юридического института им. М. М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: idborisova@gmail.com; *Ерин Дмитрий Александрович* — кандидат юридических наук, доцент Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: dmitry-0333@mail.ru.

Borisova Irina D. — candidate of historical sciences, doctor of Law, professor, head of the Department of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs. Law Institute named after M.M. Speransky. E-mail: idborisova@gmail.com; *Erin Dmitry A.* — candidate of Law, associate professor of Department of the Vladimir Law Institute of Federal Penal Service of Russia. E-mail: dmitry-0333@mail.ru.

ления, это направление деятельности государства остается неизменным. Безусловно, и в СССР периода 30-х гг. XX в. вопрос охраны собственности являлся фундаментальным, однако, исходя из идеологии строительства социалистического государства и общества, акцент всегда делался именно на защите социалистической собственности как экономического фундамента государства и общества. Важнейшая роль в обеспечении охраны социалистической собственности от преступных посягательств отводилась советской рабоче-крестьянской милиции.

Среди известных авторов, освещавших вопросы противодействия правоохранительных органов преступлениям, направленным на подрыв экономических основ социалистического государства, такие ученые, как Т.И. Желудкова, О.Б. Мозохин, Р.С. Мулукаев¹,

Положение о рабоче-крестьянской милиции, утвержденное Постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г.², на долгие десятилетия закрепило основные направления ее деятельности: борьба с преступностью, охрана социалистической собственности и поддержание общественного порядка. При этом охрана государственного и общественного имущества являлась приоритетной. Необходимо подчеркнуть: несмотря на то, что вся милиция подразделялась на государственную и ведомственную, причем, последняя и создавалась как структура, осуществлявшая на возмездной основе охрану предприятий и учреждений, к началу 1930-х гг. задачи охраны социалистической собственности решались всеми службами рабоче-крестьянской милиции СССР.

Несмотря на то, что советская милиция в течение исследуемого периода находилась сначала в структуре ОГПУ СССР, а после создания в 1934 г. НКВД СССР — в его ведении, функции и основные направления ее деятельности оставались неизменными.

Первая половина 1930-х гг., тесно связанная с процессами индустриализации и коллективизации, строительством экономической основы социалистического государства и общества, во многом предопределила основные направления деятельности советской милиции на весь период 30-х годов.. Принятие известного Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»³ и Постановления СНК СССР от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией»⁴ на долгие годы, фактически до крушения СССР, установило приоритетные направления деятельности милиции, выразившиеся в защите социалистической собственности от преступных посягательств (путем непосредственной охраны промышленных и сельскохозяйственных объектов), борьбе с хищениями государственной, колхозно-кооперативной собственности и спекуляцией. Суть работы милиции наглядно демонстрировал известный агитационный лозунг: «Милиционер, зорче охраняй заводы, фабрики, совхозы, государственное и общественное имущество!»⁵

Непосредственная охрана промышленных предприятий и иных объектов хозяйства возлагалась на ведомственную милицию. Однако с середины 1930-х гг. эта практика постепенно сокращалась, поскольку содержание милиционера ведомственной милиции являлось серьезным финансовым бременем, например, для колхозов. Достаточно отметить,

что к 1934 г. стоимость единицы РКМ по охране объекта составляла: для районов основного пояса — 2100 руб., для районов отдаленного пояса — 2240 руб., для Московской и Ленинградской областей — 2750 рублей ⁶. Именно поэтому подавляющее большинство колхозов и совхозов обеспечивали охрану продукции своими силами, что как правило, приводило к значительным проблемам.

Ведомственная милиция в основном осуществляла охрану советских и партийных учреждений, органов Наркомфина и т.д. Так, в 1934 г. были сформированы: отдельный дивизион ведомственной милиции для охраны строительства в Москве комбината газеты «Правда», отделение ведомственной милиции в поселке Магадан для охраны гостреста «Дальстрой» и т.д. ⁷ Вместе с тем, в районах страны, где к первой половине 1930-х гг. промышленность еще находилась в стадии становления, подразделения ведомственной милиции были ориентированы на обеспечение охраны пунктов складирования зерна. Например, только в Башкирской АССР, согласно данным от 2 октября 1933 г., ведомственной милицией было принято под охрану 14 зернохранилищ ⁸.

Снятие охраны ведомственной милиции и практически полный отказ от нее ввиду достаточно дорогого содержания не только в сельском хозяйстве, но и промышленности, привело к тому, что охрана колхозного и совхозного имущества стала осуществляться собственными силами. Предприятия системы Заготзерно, а также многие заводы и фабрики охранялись отрядами ведомственной пожарно-сторожевой, вооруженно-сторожевой охраны, не имевшими полномочий, которыми обладала ведомственная милиция. Это привело к тому, что кражи с предприятий промышленности и сельского хозяйства приобрели значительный размах, нанося урон социалистическому строительству государства и его экономике.

Нежелание руководства предприятий нести расходы по содержанию ведомственной милиции (например, только по УРКМ Восточной Сибири, по состоянию на 1 января 1934 г., задолженность по договорам об охране составила 1 586 900 руб.) ⁹, привело к ее постепенному сокращению. В итоге, лимит численности ведомственной милиции на 1935 г. был уменьшен по сравнению с 1932 г. на 30—35% ¹⁰. Таким образом, несмотря на наличие в системе РКМ ведомственной милиции, основной задачей которой была охрана социалистической собственности, все тяжесть подобной работы легла на государственную милицию.

Участие милиции имело решающее значение в обеспечении сохранности сельскохозяйственной продукции, произведенной колхозами и совхозами. Причем результаты работы милиции выглядели достаточно впечатляющими. Например, по данным оперативного отдела ГУ РКМ при ОГПУ СССР, на сентябрь 1933 г. органами милиции было привлечено к различным видам ответственности за кражи хлеба в период уборочной кампании 1933 г.: по Северо-Кавказскому краю с 20 августа по 5 сентября — 1273 чел., было изъято 3330,3 ц зерна; по Крымской АССР с 20 по 31 августа — 212 чел. и 81 ц зерна; по Западной области с 20 по 30 августа — 1348 чел. и 5342 кг зерна, по Уральской области с начала уборочной кампании по 5 сентября — 4046 чел.; по Средневолжскому краю — 1755 чел.; по Ивановской области с 17 по 27 августа — 268 чел. и 3932 кг зерна; по УССР с 5 июня по 1 сентября — 32 849 чел. и 31 458 ц

зерна; по Нижневолжскому краю на 1 сентября — 7880 чел. и т. д. ¹¹ Представленные данные позволяют представить не только масштаб хищений по СССР, но и оценить работу рабоче-крестьянской милиции страны.

Так как в рамках своей компетенции органы милиции не имели права вмешиваться в значительную часть вопросов, связанных с обеспечением хранения продукции, то основной их задачей выступал сбор информации, хранение и доведение ее до заинтересованных лиц в руководстве НКВД СССР, краев и областей. Например, в спецсообщении УРКМ УНКВД по Куйбышевской области от 26 февраля 1939 г. «Об охране и хранении зерновых культур» руководство информировалось о зараженности зерна клещом, о неудовлетворительном состоянии хранения зерна, о наличии сырого зерна, нарушениях при отгрузке хлеба и т. д. ¹² В спецсообщении от 4 апреля 1939 г. начальнику ОБХСС ГУ РКМ НКВД СССР, направленном УНКВД Куйбышевской области, отмечалось, что состояние охраны, хранение государственного хлеба по пунктам Заготзерно, предприятиям треста Главмука находится «в неудовлетворительном состоянии, значительная часть зерна и готовой продукции (муки) хранится в бунтах, на открытых площадках... не укрыты брезентом...», в плохом состоянии находится пожарный инвентарь и оборудование, пожарно-сторожевая охрана не укомплектована, а на некоторых пунктах вообще отсутствует ¹³.

Аналогичная докладная записка от 31 мая 1939 г. была направлена в ОБХСС УНКВД по Воронежской области. В ней подчеркивалось, что подготовка элеваторов и пунктов Заготзерно неудовлетворительна и многие объекты не готовы к приему зерна нового урожая ¹⁴. Спецсообщением от 23 мая 1939 г. УРКМ УНКВД по Ростовской области информировало руководство ОБХСС ГУ РКМ, а также Ростовский обком ВКП(б) о преступных перевозках зерна в системе Заготзерно, которые выражались во встречных перевозках, наносивших ущерб государству в виде загромождения складов, железнодорожных и водных путей, а также невыполнении сроков поставки семян к началу посевной кампании ¹⁵.

Комплекс мероприятий, направленных на пресечение хищений, включал в себя и профилактические мероприятия, проведение которых возлагалось на органы советской милиции. В частности, проверялась охрана, ее количественный и качественный состав, состояние противопожарной безопасности. В случаях обнаружения недостатков, сторожевая охрана могла быть полностью заменена, либо увеличена, согласно требованиям, а все виновные должностные лица привлекались к ответственности. Например, согласно отчету отдела наружной службы ГУ РКМ «По охране колхозного обобщественного имущества за второй квартал 1933 года», по состоянию на 1 сентября, органами РКМ Северо-Кавказского края в течение только одного квартала 1933 г. было проведено 2446 инструктивных совещаний и собраний с лицами, выделенными для охраны урожая, в которых приняло участие 30 096 колхозных активистов, членов Бригадмил и лиц, выделенных правлениями колхозов для охраны ¹⁶. Согласно спецсводке отдела наружной службы ГУ РКМ от 19 сентября 1933 г., в Татарской АССР к работе по содействию в уборке урожая и хлебосдаче было привлечено 3305 членов Бригадмил, 3059 сельских исполнителей, проведено: с Бригадмил — 604 совещания, со сторожами — 991 ¹⁷.

Безусловно, в первую очередь, хищения колхозной собственности осуществлялись в поле, путем срезки колосьев, краж сжатых снопов, зерна при обмолоте и перевозках и собственно из хранилищ.

Вне всякого сомнения, Указ от 7 августа, который называется не иначе, как «Указ о пяти колосках» и трактуется только через призму несоответствия тяжести уголовного наказания размеру украденного и соответственно имеет негативную окраску, следует рассматривать и с другой стороны, согласно которой, во многих случаях наказание вполне соответствовало нанесенному ущербу колхозно-кооперативной собственности, а следовательно и социалистическому государству и обществу. Например, в период уборочной кампании 1933 г. в одном из колхозов Харьковской области УССР органами милиции было задержано три человека, у которых изъяли 180 кг колосьев; в Ивановской области у крестьянина, производившего систематическую стрижку колосьев, изъяли 100 кг зерна; в Уральской области была задержана крестьянка, которая за две ночи срезала 2,8 ц колосьев, там же задержали трех человек за хищение 22 снопов ржи; в Казахской АССР в момент стрижки было задержано 6 чел., изъято 20 мешков с колосьями пшеницы и т. д.¹⁸

Кражи при обмолотах, перевозках и из хранилищ были не менее распространенными способами хищений. Причем этот способ получил широкое распространение по все территории СССР. Кражи совершались как в одиночку, так и организованными группами, осуществлявшими транспортировку хлеба, то есть самими колхозниками, причем утверждать, что зерно и хлеб воровались исключительно для личных нужд, было бы не совсем корректно, так как во многих случаях расхитители продавали похищенное, а доход использовали с целью личного обогащения¹⁹.

Необходимо отметить, что если охрана промышленных предприятий страны достаточно успешно была организована силами внутренних войск, ведомственной милиции, ведомственной охраны наркоматов, то вопросам обеспечения непосредственной охраны объектов сельскохозяйственной отрасли, в силу объективных причин, внимания со стороны руководства колхозов, совхозов, элеваторов, мельничных пунктов, систем Заготзерно, Заготконь уделялось недостаточно, что приводило к массовым случаям хищений зерна и зернопродуктов.

В течение всего периода 1930-х гг. хищения с пунктов Заготзерно осуществлялись путем выписки фиктивных приемных квитанций, которые продавались по цене 20—30 руб. за штуку. Широко практиковались обвесы кладовщиками колхозных складов и приемщиками пунктов Заготзерно колхозников-хлебосдатчиков зерна, а образовавшиеся излишки сбывались по спекулятивным ценам. Например, приемщик ссыпного пункта Заготзерно Крымской АССР при приеме зерна обвешивал хлебосдатчиков, присваивая себе с каждого центнера 12 кг²⁰. Наиболее характерным способом хищения была выдача фиктивных документов приемщиками пунктов Заготзерно. Так в Нижнебуяновском районе преступная группа из 8 чел., состоявшая из приемщиков хранилища Заготзерно и колхозников, выдавала колхозникам фиктивные квитанции за якобы принятый у них привезенный на сдачу хлеб. После этого колхозники отчитывались в колхозе о сданном на пункт Заготзерна хлебе, тогда как последний был продан посторонним лицам. После задержания и разоблачения указанной

группы было установлено, что таким способом (не принимая на сдачу хлеб, а реализуя его с целью личной наживы), указанными гражданами было похищено 80 ц зерна²¹. Выдача фиктивных квитанций за взятки практиковалась и в Московской области, где органами милиции только на одном элеваторе Теплинско-Огаревского района были вскрыты подобные факты и задержаны кладовщик и счетовод, которые всего за один день, 28 августа 1933 г., выдали за взятки 9 фиктивных справок на сдачу 39 ц и 59 кг зерна²². Безусловно, ключевую роль в хищениях с предприятий Заготзерно играли сами работники. Без их участия процент хищений был бы незначительным. Например, в период уборочной кампании 1933 г. постовым милиционером Биок-Орланского элеватора Крымской АССР были задержаны два сторожа, похитившие 35 кг пшеницы²³. Согласно отчету от 31 мая 1939 г. ОБХСС УРКМ по Воронежской области, арестованный бывший зав. складом № 154 Воронежской базы Заготзерно похитил 8 т зерна и зерносмеси на сумму 5545 рублей²⁴. Согласно докладной записке ОБХС УРГМ УНКВД по Краснодарскому краю от 23 августа 1939 г., на Краснодарской перевалочной базе за хищения зерна и муки к уголовной ответственности были привлечены десять работников, а на Черноерковском заготпункте — пять работников: от заведующего до охранныка²⁵. Согласно ежедневной сводке оперативного отдела ГУ РКМ «По охране социалистической собственности» от 17 сентября 1933 г., оперативным отделом УРКМ Уральской области была вскрыта и ликвидирована группа расхитителей, состоявшая из работников складов и элеваторов Заготзерно г. Кургана в количестве 29 чел., которые осуществляли хищения с осени 1932 г., причем только за семь месяцев 1933 г. этой группой было похищено 430 ц зерна для последующей продажи спекулянтам. Группа расхитителей в системе местных контор Союзтранса и Семеноводсоюза в количестве восьми человек с ноября 1932 г. похитила семенной пшеницы — 1504 кг, промышленных товаров — на сумму 6680 рублей²⁶. В Татарской АССР, по данным на 19 сентября 1933 г., из общего количества привлеченных к ответственности за различные виды преступлений числом 1610 чел., за хищения хлеба при доставке, на сыпных пунктах, из амбаров и складов было привлечено к ответственности 466 чел., за обвешивание и подделку квитанций — 31 чел., за нелегальную продажу хлеба и спекуляцию — 106 чел., за хищения хлеба при участии охраны — 9 человек²⁷. Таким образом, почти половина привлеченных к ответственности так или иначе была связана с хищениями зерна и зернопродуктов.

Было бы неправомерно рассматривать вопрос о борьбе с хищениями собственности, акцентируя внимание исключительно на анализе преступлений, связанных с хищением зерна и зернопродуктов. Согласно спецсводке оперативного отдела ГУ РКМ «О работе органов милиции по борьбе с преступлениями, связанными с подготовкой к весенней посевной кампании по состоянию на 1 апреля 1933 года», основными направлениями борьбы с преступностью, связанной с подготовкой к севу весны 1933 г., являлись выявление и пресечение хищений, разбазаривания, порчи и утайки посевного зерна, запасных частей и ремонтного материала, преступного отношения к рабочему скоту, порчи и небрежного отношения к сельскохозяйственным машинам. За указанные преступления только по Нижневолжскому, Северо-Кавказскому краям, Московской, Централь-

черноземной и Уральской областям, Казахской АССР, Украинской ССР в период подготовки и проведения весеннего сева было привлечено к ответственности 61 246 человек. Из них за хищения, разбазаривания, порчу и утайку посевных материалов и т.д. — 40 946 чел., за умышленную порчу и небрежное отношение к сельхозмашинам — 2405 чел., за хищения запчастей и ремонтных материалов — 1427 и т.д. Изъято похищенного и укрытого посевного материала — 32 763 ц, материалов, необходимых для ремонта тракторов и сельхозмашин — 80 845 кг и т.д. ²⁸

В целом, только по данным ГУ РКМ, в 1940 г. было раскрыто и обезврежено 638 групп расхитителей хлеба и привлечено к ответственности 3153 человека ²⁹.

Необходимо отметить, что с расхищением социалистической собственности была тесно связана спекуляция. В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией» ³⁰, в котором подчеркивалась необходимость «... всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян», также отмечалось, что случаи спекуляции вообще, а товарами массового потребления, в особенности, приобрели массовый характер. Если в первой половине 1930-х гг. обязанность пресечения спекуляции в основном возлагалась на всю милицию, то с созданием в 1937 г. подразделений БХСС в структуре РКМ именно на них и была возложена эта задача.

В контексте исследования наибольший интерес представляют статьи В.И. Говорова и С.Б. Кокуева, а также В.А. Иванова, которые в рамках анализа феномена «теневого экономики» раскрывают не только причины ее возникновения, но и рассматривают вопросы противодействия этому явлению со стороны органов ОГПУ-НКВД СССР ³¹. Частично отдельные аспекты деятельности органов милиции анализируются в работах Н.С. Крапивиной, А.А. Макеева, В.П. Попова ³².

Не останавливаясь на экономических предпосылках спекуляции, таких, в частности, как плановость советской экономики, низкое качество произведенной продукции, недостаточно разнообразный ассортимент и т.д., на что обычно обращают внимание исследователи, необходимо раскрыть деятельность органов ОГПУ-НКВД по пресечению спекуляции продовольственными товарами, в первую очередь, хлебом и товарами широкого народного потребления.

Приказом НКВД СССР № 00251 от 23 июля 1936 г. «Об усилении борьбы со спекуляцией», разосланном всем начальникам управлений НКВД и рабоче-крестьянской милиции, отмечалось, что вследствие недостаточно активной работы органов НКВД СССР, особенно в городах, спекуляция предметами ширпотреба «... приобрела... недопустимые размеры» ³³. Низкие результаты деятельности милиции объяснялись различными причинами и, в первую очередь, загруженностью несвойственными ей следственными делами. Именно поэтому руководство НКВД СССР ориентировало начальников территориальных органов прекратить практику возбуждения следствия по необоснованным и мало проверенным материалам, освободиться от «никчемных и ненужных дел» и подняться до уровня оперативных отделов УГБ в деле ведения следствия, особенно «... по делам о грабежах, убийствах и хищениях социалистической собственности». Например, из более чем тридцати тысяч человек, привле-

ченных органами РКМ НКВД СССР к ответственности только за первые пять месяцев 1935 г., было арестовано всего 4955 человек ³⁴.

В четырех крупнейших городах СССР — Москве, Минске, Киеве и Ленинграде — предпринимались все меры к искоренению спекуляции. Необходимость активизации подобной борьбы именно в указанных городах объяснялась тем, что они являлись столичными, эталоном советской власти и соответственно подлежали снабжению в первую очередь, кроме того, в них было сконцентрировано большинство крупнейших промышленных предприятий страны с большим количеством рабочих и служащих, органы власти и управления страной, сосредоточены посольства и консульства иностранных государств. Именно по этим причинам сам факт размаха спекуляции как явления (особенно спекуляция продуктами питания) рассматривался как пропаганда недостатков советского строя. Безусловно, борьба с подобными противоправными деяниями являлась важнейшей политической задачей.

Кроме того, исходя из приоритетного снабжения столичных городов товарами широкого народного потребления, производство которых, в силу ориентации советской промышленности на развитие оборонных и базовых отраслей промышленности, было недостаточным и не удовлетворяло потребности населения страны в обуви, мануфактуре, предметах домашнего обихода и т. д., значительная масса спекулянтов со всего Советского Союза скапливалась именно в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске, где в массовом количестве скупались «ходовые промтовары», которые затем реализовывались по всей стране по спекулятивным ценам. В результате рабочие и служащие лишались возможности покупать их в государственных магазинах и обращались к услугам спекулянтов, что естественно, не только подрывало основы советской торговли, нанося ей ущерб, но и вело к незаконному обогащению отдельных граждан и подрыву доверия к советской власти со стороны ее опоры — трудящихся масс города и деревни.

Для борьбы с подобными явлениями требовалось активное участие всего оперативного состава милиции указанных городов. В качестве приоритетных мер приказом НКВД СССР от 26 июля 1936 г. предписывалось: принять меры к выявлению и ликвидации организованных спекулянтских групп, в состав которых входили работники товаропроизводящей сети, иногородние спекулянты, использовавшие для отправки в другие местности СССР посылочные конторы Наркомата связи и багажные конторы железных дорог, а также тех, кто организовывал искусственные очереди у магазинов и торговых точек. Все уличенные спекулянты указанных категорий в обязательном порядке подлежали привлечению к ответственности по статье 107 УК РСФСР 1926 года.

В качестве мер по борьбе со спекуляцией милиции предписывалось задерживать лиц, осуществлявших продажу промтоваров на рынках по ценам, выше розничных, если количество продаваемых товаров носило «явно спекулятивный характер (несколько пар обуви, несколько отрезков мануфактуры и т. д.)» ³⁵.

Кроме того, для ускорения процесса очистки столиц от спекулянтов, органам милиции предписывалось все дела о них рассматривать на тройках НКВД, с высылкой уличенных в спекуляции в Казахстан сроком

на пять лет. Причем, всем тройкам УНКВД приказывалось работать ежедневно, чтобы «в месячный срок закончить... изъятие спекулянтов»³⁶.

Необходимо подчеркнуть, что данный приказ распространялся на всю территорию СССР. Начальникам республиканских, краевых, областных УРКМ предписывалось ежедекадно, а начальникам УРКМ Москвы, Минска, Киева и Ленинграда — каждые три дня докладывать о том, какое количество лиц выявлено за спекуляцию промтоварами, сколько дел передано в суды и рассмотрено тройками НКВД, сколько людей привлечено к суду и каков объем изъятых предметов спекуляции.

Руководство обращало внимание, на то, что необходимо также ликвидировать выявленные недочеты и неполадки в торговой сети — нехватку промышленных товаров, их неправильное распределение по торговым точкам, несоответствие цен, наличие и состояние очередей и т. д.

Безусловно, подобные меры помогли исправить ситуацию, в первую очередь, в указанных городах. Например, только в Ленинграде за спекуляцию в 1936 г. было привлечено к уголовной ответственности 4000 чел., из которых арестовано — 2500 чел., а более 200 организованных групп спекулянтов — ликвидировано³⁷. Однако судить о результативности борьбы с подобными явлениями достаточно сложно. Например, И. В. Говоров и С. Б. Кокуев подчеркивают, что масштабы спекуляции оставались значительными и в дальнейшем³⁸.

Вне всякого сомнения, одним из основных источников появления дефицитных товаров и продуктов питания являлись хищения с государственных предприятий и из колхозов. Например, только в Ленинграде, в период с июля 1935 по март 1936 г. было возбуждено 3500 дел по фактам хищений государственного и общественного имущества.

Несмотря на активизацию борьбы со спекуляцией, эта проблема оставалась неразрешенной. Не случайно руководство страны в 1937 г. констатировало, что это явление создавало реальную угрозу не только для всей советской системы торговли, но и в конечном итоге, подрывало доверие советского народа к власти. В спецсообщении НКВД от 5 февраля 1939 г. «О настроениях жителей города Москвы, о недостатках в обеспечении продуктами питания и предметами широкого народного потребления населения столицы», основанном на анализе перлюстрации писем граждан, отмечалось, что москвичи испытывали серьезный недостаток предметов ширпотреба и мануфактуры, что приводило к возникновению очередей и давках в них. Например, в письмах указывалось: «... обувь достать, не достанешь, хоть дорогую, хоть дешевую», «... в очередях за мануфактурой стоят по суткам в очередях, с 12 часов, всю ночь, до 10 часов утра... », «... в Москве сейчас нет галош, а если, где и появятся то нужно становиться в очередь с ночи и стоять часов пять...», «... шерсти и таки совершенно нет в магазинах, шелк бывает очень редко, за обувью стоят дикие очереди...», «... у нас до безобразия ничего нет, ни мануфактуры, ни обуви...», «... очереди за всем... », бывают случаи « удушения » в очередях³⁹.

Вне всякого сомнения, подобные настроения являлись показательными, так как снабжение столицы всегда было приоритетным по сравнению с другими городами и промышленными центрами. Руководство страны было вынуждено реагировать на подобную ситуацию не только улучше-

нием снабжения, развитием отечественной легкой промышленности, но и усилением борьбы с очередями, например, недопущением скупки предметов в больших количествах с целью их дальнейшей перепродажи и т. д.

В рамках борьбы со спекуляцией СНК СССР принял Постановление от 5 апреля 1939 г. «О борьбе с очередями в Москве и Ленинграде и вывозе из них промышленных товаров», согласно которому милиция должна была осуществлять контроль за соблюдением установленной нормы отпуска товаров в одни руки и не допускать вывоза из указанных городов более 50 метров мануфактуры⁴⁰. Кроме того, после принятия Постановления, руководство страны решило запретить продажу промышленных товаров с рук на рынках Москвы, Ленинграда и Горького. Например, во исполнение Постановления «О борьбе с очередями за промышленными и продовольственными товарами в городе Москве», с января по июнь 1940 г. НКВД СССР провел следующую работу: по промтоварам — арестовано и привлечено к судебной ответственности 947 скупщиков, оштрафовано 16 853 чел. на сумму 474 696 руб., конфисковано промтоваров на сумму 1 038 279 руб.; по продовольственным товаром — арестовано и привлечено к ответственности 463 чел., задержано 50 089 чел., у которых отобра-но (конфисковано) продовольствия — 582 668 кг, оштрафовано — 38 962 чел. на сумму 626 556 рублей⁴¹.

Создание в 1937 г. специализированной службы, основными задачами которой были борьба с хищениями социалистической собственности и противодействие спекуляции, в системе РКМ НКВД СССР привело к освобождению всех наружных служб и уголовного розыска от борьбы с подобными преступлениями. Служебная документация содержит достаточно много информации о деятельности этой службы.

В директиве начальника ОБХСС ГУ РКМ от 12 октября 1940 г. отмечалось, что в товарообороте торгово-кооперативных организаций в процессе проведенных децентрализованных и внеплановых закупок органами БХСС были выявлены массовые случаи взяток, хищений и иных злоупотреблений⁴². Аналогичная картина наблюдалась на предприятиях промкооперации, кооперации инвалидов, местной промышленности, общественного питания и т. д.

БХСС были выявлены характерные способы преступной деятельности в системе заготовок и переработки сельскохозяйственной продукции (овощи и фрукты). Среди них: обвешивание сдаччиков и покупателей с последующим оприходованием излишков; прием похищенных овощей и фруктов и оформление их по фактическим документам, списание под видом порчи, фабрикация счетов и расписок, отпуск фруктов за наличный расчет с целью продажи по завышенным ценам и последующей выпиской бестоварных накладных, умышленная пересортица продукции, завышение количества испорченных фруктов, уценка под видом скоропортящихся товаров и т. д.⁴³

Итоги борьбы со спекуляцией подразделениями БХСС иллюстрируются цифрами отчетов. Например, в 1937 г. было арестовано 23 783 чел., 1938 г. — 34 393, в 1939 г. — 26 498, в 1940—41 232 человека⁴⁴.

К концу 1930-х гг. руководство ОБХСС ГУ РКМ НКВД СССР констатировало, что центром деятельности спекулянтов продолжали оставаться города и рабочие поселки, так как их снабжение, по вполне понятным

причинам, было значительно лучше, чем сельской местности, которая и становилась основным местом сбыта товаров, приобретенных спекулянтами.

ОБХСС УРКМ УНКВД по Ярославской и Ростовской областям в январе 1941 г. отмечало, что преступная деятельность работников рынков достигла значительного размаха, они, в частности, «... вместо борьбы за организацию колхозной торговли... занимались разбазариванием сельскохозяйственных продуктов, привозимых колхозниками, взяточничеством, присвоением и спекуляцией»⁴⁵.

Хищения и растраты в системе общественного питания признавались достаточно значительными и, что характерно, носили организованный характер. Только за десять месяцев 1940 г. в РСФСР было похищено и растрчено 9 млн. рублей⁴⁶. К этому приводило, например, искусственное создание излишков за счет уменьшения норм при изготовлении блюд, незаконные наценки, закупка продуктов у спекулянтов через фиктивные документы, списание под видом порчи и т.д.

Результаты работы службы БХСС выглядели достаточно убедительно. Только за 1940 год по СССР было вскрыто и ликвидировано 2065 наиболее крупных спекулянтских и фальшивомонетнических групп. Из расхищенного госимущества на сумму 48 млн. 867 тыс. руб. было найдено и возвращено на 10 млн. 027 рублей⁴⁷, привлечено к ответственности 11 096 чел., арестовано 7993, из которых только спекулянтских групп — 242 (1212 чел.), у которых изъято ценностей на сумму больше трех миллионов рублей⁴⁸. Наиболее крупные успехи отмечались у органов БХСС УНКВД Сталинграда, Москвы, Тулы, Горького, Ярославля.

Таким образом, подводя итог, необходимо констатировать, что в условиях строительства социалистического государства и общества защиты экономической основы социализма — социалистической собственности — выступала не только важнейшей уголовно-правовой задачей советской милиции, но и приобрела политическое значение, так как без надежной охраны и защиты базиса, на котором основывались все достижения социализма, не представлялось возможным построить государство, о котором неоднократно заявляли большевики и ради которого совершалась социалистическая революция. Советская милиция внесла существенный вклад в борьбу с экономическими преступлениями и несмотря на размах подобных правонарушений, смогла, в конечном итоге, обеспечить надежную охрану собственности и значительно уменьшить уровень хищений и спекуляции в предвоенный период.

Примечания

1. ЖЕЛУДКОВА Т.И., МУЛУКАЕВ Р.С. Развитие деятельности органов внутренних дел по охране социалистической собственности. М. 1979; МОЗОХИН О.Б. ВЧК-ГПУ-НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917—1941 годы. М. 2016.
2. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1931, № 390, ст. 247.
3. СЗ СССР. 1932, № 62, ст. 360.
4. Там же, № 65, ст. 375.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9415, оп. 1, д. 3, л. 100.

6. ГА РФ, ф. 9415, оп. 1, д. 6, л. 291.
7. Там же, оп. 3, д. 7, л. 74.
8. Голод в СССР. 1929—1934. Документы: в 3-х томах. Т. 3. Лето 1933—1934 гг. М. 2011, с. 130.
9. ГА РФ, ф. 9415, оп. 1, д. 12, л. 88.
10. Там же, оп. 3, д. 8, л. 16.
11. Голод в СССР. 1929—1934, т. 3, с. 121—122.
12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4-х томах. Т. 4. 1935—1939 гг. М. 2012, с. 737.
13. Там же, с. 740.
14. Там же, с. 749—750.
15. Там же, с. 746—747.
16. Голод в СССР. 1929—1934, Т. 3, с. 112.
17. Там же, с. 128—129.
18. Там же, с. 122—123.
19. Там же, с. 122—125.
20. Там же, с. 125.
21. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939, т. 4, с. 739.
22. Голод в СССР. 1929—1934, т. 3, с. 129.
23. Там же, с. 125.
24. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939, т. 4, с. 751—752.
25. Там же, с. 777, 779.
26. Голод в СССР. 1929—1934, т. 3, с. 127—128.
27. Там же, с. 128—129.
28. Там же, с. 425.
29. ГА РФ, ф. 9415, оп. 5, д. 89, л. 24об.
30. СЗ СССР. 1932, № 65, ст. 375.
31. ГОВОРОВ В.И., КОКУЕВ С.Б. Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930—1940-х гг. — Вопросы истории. 2008, № 12, с. 24—35; ИВАНОВ В.А. Противодействие спекуляции: из истории деятельности марийской милиции (1931—1941 гг.) — Марийский юридический вестник. 2004, № 3, с. 92—98.
32. КРАПИВИНА Н.С., МАКЕЕВ А.А. Деятельность региональных государственных органов по обеспечению общественного порядка (1917—1941 гг.) Исторические и правовые аспекты. СПб. 2007; ПОПОВ В.П. Организационно-правовые основы деятельности рабоче-крестьянской милиции Нижнего Поволжья. 1930—1934 гг.: дисс. канд. юрид. наук. Волгоград. 2005.
33. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937—1941 гг.: в 2-х томах. Т. 2: 1938—1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности». Документы. М. 2010, с. 521.
34. Там же, с. 522.
35. «Через трупы врага на благо народа», т. 2, с. 522.
36. Там же, с. 523.
37. ГОВОРОВ И.В., КОКУЕВ С.Б. Ук. соч., с. 24.
38. Там же, с. 24.
39. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939, т. 4, с. 732—734.
40. ГА РФ, ф. 9415, оп. 5, д. 89, л. 17.
41. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР. «Смерш». 1939 — март 1946. Архив И.В. Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М. 2006, с. 117.
42. ГА РФ, ф. 9415, оп. 5, д. 87, л. 85.
43. Там же, л. 83.
44. Там же, д. 89, л. 16об.
45. Там же, л. 103.
46. Там же, д. 87, л. 115.
47. Там же, д. 88, л. 4, 5.
48. Там же, л. 9, 10.

Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. (Воронежский, Елецкий и Ливенский уезды)

Н. А. Жиров

Аннотация. В центре внимания данной публикации — анализ платежных (дозорных) книг 1615 г. по Елецкому, Ливенскому и Воронежскому уездам. Эти уезды находились на южной окраине России и географически тяготели к Верхнему Дону. Автор изучает их социальную организацию и хозяйственное развитие на основе анализа данных платежных книг. Первопоселенцам этих мест важно было найти свой путь, позволяющий приспособиться к трудностям степной окраины. Этим путем стала общинная организация.

Ключевые слова: община, землевладение, Юг России, однодворцы, колонизация.

Abstract. The focus of the publication is the analysis of census book data from 1615 in Yeletsy, Livensky and Voronezhsky counties. These counties constituted the geographical region of the Upper Don. The author explores the settlement and economic development of these counties. Russian people had to find an effective way to develop a new territory in difficult conditions. This way was the community.

Key words: community, land tenure, South of Russia, economic establishment, colonization.

Внутренняя политика Российского государства, начиная с эпохи Ивана IV (1537—1584), была нацелена на расширение своих границ в южном направлении. Этот процесс имел в своей основе объективные причины, связанные с ростом населения в центральных уездах страны, являвшихся ядром Московского государства. Освоение незаселенных рубежей Юга России решало несколько важнейших задач: во-первых, в сельско-хозяйственный оборот вводились новые территории, находившиеся в более благоприятных климатических условиях; во-вторых, колонизация земель нивелировала начинавшееся аграрное перенаселение в центре страны, избавляя государство от социально-экономического кризиса. Кроме того,

---

Жиров Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru.

Zhirov Nikolai A. — PhD (History), assistant professor. Bunin Yelets State University. E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru.

расширение рубежей в южном степном направлении было продиктовано необходимостью раннего предупреждения военной опасности, исходившей от крымских татар и ногайцев.

Присоединение новых пространств Юга в XVII в., в условиях постоянных военных действий, заставило русское население приложить максимум усилий для хозяйственного освоения обширных степных и лесостепных территорий. В этой связи весьма актуальными являются исследования, связанные с историей присоединения и освоения конкретных локальных участков пограничной зоны, на примере которых можно детально увидеть и понять, какие формы социальной организации использовали первопоселенцы, чтобы сформировать необходимую для дальнейшего успешного развития социально-экономическую базу. Важное место здесь занимает развитие сельских поселений и освоение земельного фонда конкретной административной единицы (уезда), поскольку служилое землевладение было основой существования Российского государства в этот период.

В центре внимания данного исследования — Ливенский, Елецкий и Воронежский уезды первой трети XVII века. Ливенский уезд начал свое формирование после строительства крепости в 1586 г. и оформился к началу XVII века. Формирование Елецкого уезда шло быстрыми темпами после постройки крепости в 1593 г., и к началу XVII в., вероятно, он уже сформировался. Воронеж был построен в 1586 г., а Воронежский уезд оформился несколько позднее — к 1604 году¹. Таким образом, три уезда начали свое развитие в начале XVII в., и составленные по ним переписные (дозорные) книги 1615 г. зафиксировали первый этап их хозяйственного освоения. Все они занимали территорию Верхнего Подонья. Елецкий и Ливенский уезды возникли по течению реки Быстрая Сосна, правого притока Дона. Дон, в свою очередь, протекал по территории Елецкого уезда, а затем и Воронежского, где в него впадала река Воронеж.

Многочисленные мелкие реки и ручьи, протекавшие через старые дубовые и липовые леса, обширные луга и степные участки, впадали в Дон, Быструю Сосну и Воронеж, создавая удобные места для развития поселений и сельского хозяйства. Основная методика исследования заключается в комплексном изучении документальных материалов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, прежде всего, переписных (дозорных) книг описаний 1615 года². Сравнительно-исторический метод помог провести синхронные сопоставления и выявить сходства и различия исторических событий, происходивших в изучаемых уездах. Метод математической статистики дал возможность провести количественный анализ численности населения, проанализировать распределение земельных владений по категориям.

Подсчет количества жителей, зафиксированных в фискальных источниках XVI—VII вв., имеет ряд специфических черт, из которых наиболее важной является учет не фактического населения, а только владельцев поместий, без членов их семей. Данные источники не ставили перед собой демографических задач, вследствие чего можно провести только примерные подсчеты гипотетического количества жителей, проживавших на территории изучаемых уездов.

При вычислении численности населения пришлось исходить из количества зарегистрированных в населенных пунктах дворов. Так как ис-

следуемый регион заполнялся переселенцами, то стоит предположить, что подавляющая часть из них была представлена нуклеарными семьями. Согласно методике, принятой в исторической демографии относительно изучаемого периода времени, такой двор соответствовал семье в 5—6 чел. (владелец двора, жена и двое-трое его детей, а также возможно родители мужа или жены)³. Вследствие приблизительных результатов подсчета для большей достоверности были использованы только округленные цифры.

Вопросы социально-экономической истории южных уездов России в конце XVI—VII в. впервые оказались в центре внимания Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского⁴. Они заинтересовались историческим значением процесса заселения территорий Воронежской, Курской, Харьковской губерний, определили основные направления и исторические этапы этого процесса. И.Д. Беляев считал, что решающую роль в хозяйственном освоении этого обширного региона играло вольное народное заселение, общинное начало и коллективизм.

В 1899 г. вышло исследование Н.А. Благовещенского о «четвертном праве» однодворцев, где были затронуты вопросы степной окраины XVII века⁵. Автор привел много ценных документов по истории уездов, рассмотрел процесс формирования поселений и вопросы налогообложения. Он считал, что общины однодворцев сыграли решающую роль в хозяйственном освоении региона.

Советские историки, большое внимание уделявшие Смутному времени, которое считали «Первой крестьянской войной», останавливались на социальном анализе южнорусского региона в конце XVI — начале XVII в., поскольку здесь был один из центров народного движения 1606—1607 гг. («Восстания Болотникова»). Советские ученые предполагали, что главную роль в регионе играли холопы и крестьяне, поскольку они были заинтересованы в отмене норм Юрьева дня, запретивших свободный переход от одного землевладельца к другому⁶.

Большой интерес для данной темы представляют работы В.М. Вазинского, посвященные однодворческому хозяйству⁷. Хотя большинство привлеченных им материалов касается второй половины XVII в., тем не менее, его выводы о главной роли однодворческой общины в хозяйственном развитии региона можно отнести и к первой трети XVII столетия.

Сегодня тамбовские историки изучают освоение Юга как особой фронтальной зоны⁸. Так, вопросы социальной истории и поведенческих реакций населения в контексте пограничной ситуации затрагиваются в работе А.И. Папкина⁹. Отдельное внимание истории заселения этого региона уделяют ученые Донецка¹⁰. Проблемы землевладения на Юге России изучаются также Е.В. Камараули, которая основывается в основном на материалах Воронежского уезда¹¹.

В 2008 г. вышла книга Д.А. Ляпина, посвященная дворянству Елецкого уезда в XVII в., затем автор продолжил изучение истории служилого землевладения на Юге России по различным направлениям¹². В соавторстве с Ляпиным автором данной публикации была написана серия статей, посвященных демографическим и хозяйственным вопросам изучаемого региона¹³.

Территория Верхнего Подонья исторически являлась приграничной зоной между Русью и Степью, а в конце XVI — начале XVII в. стала фор-

постом в охране государственных границ от кочевников, главным образом, от Крымского ханства и ногайцев. В рамках политики, направленной на защиту южных границ, на территории Верхнего Подонья еще в 1570-е гг. была организована сеть сторож, в том числе по рекам Быстрая Сосна, Дон, Воронеж. Затем в этом регионе были построены Ливны (1586), Воронеж (1586), Елец (1593). Первые крепости были не только форпостами России на степном пограничье, но и административными и хозяйственными центрами. Со временем государство переводило сюда помещиков, которые основывали первые сельские поселения.

Появление и развитие сельских населенных пунктов в районах городов-крепостей постепенно сформировало границы будущих уездов, разделенных на несколько станов, что фиксируется в фискальных документах 1615 года¹⁴. На основании полученных сведений можно сделать вывод об особой роли в процессе первоначальной колонизации региона семейно-родовых групп мелких помещиков, именовавшихся в документах «детьми боярскими»¹⁵. Именно они стали основателями первых сельских поселений, и на их плечи лег процесс хозяйственного освоения новых земель¹⁶.

Первые помещики отправлялись на новое место жительства без крестьян, поскольку юридически законный переход крестьян на новые земли был невозможен¹⁷. Поэтому обширный комплекс документов о строительстве Ельца и заселении его окрестностей не содержит указаний на переселение крестьян¹⁸. В этой связи вполне логично выглядит грамота из Москвы елецким воеводам от 31 августа 1592 г. с приказанием раздать детям боярским земли вокруг крепости под пашни «и велети им себе пашни распахать и устраиваться»¹⁹. Из этого следует, что помещики-первопоселенцы должны были сами позаботиться о распашке земель. Документы, фиксирующие присутствие крестьян в регионе, относятся к 1615—1622 годам²⁰. Вероятно, основная масса крестьянского населения переселилась сюда в годы Смутного времени, пользуясь безвластием и хаосом.

В условиях отсутствия крестьян помещики должны были выработать новые формы социальной организации, чтобы успешно приспособиться к тяжелым условиям пограничной жизни. Прежде всего, такой формой социальной организации была община, объединяющая местный «мир» в сплоченное сообщество²¹. Последнее время общинная организация «мира» в XVII в. находится в центре внимания Ляпина, однако задача данной публикации — рассмотреть процесс «зарождения» «мира», как формы организации, характерной для Юга России.

Прежде всего, представляется необходимым показать условия, в которых находились первопоселенцы, вынужденные объединяться в общину. Для этого следует рассмотреть процесс освоения Ливенского, Елецкого и Воронежского уездов в первой трети XVII в. по данным писцовых описаний.

Заселение Ливенского уезда началось с освоения территории левобережья Быстрой Сосны, изобиловавшего лесами и водными ресурсами — мелкими речками и ручьями. С ростом количества населенных пунктов в начале XVII в. в Елецком и Ливенском уездах были образованы по четыре стана в каждом, в которых первоначально находилось всего по несколько поселений.

Социальная организация сельского общества, направленная на эффективное хозяйственное освоение уезда, была закономерно связана с особенностями ландшафта. Каждый стан был привязан к системе географических ориентиров относительно крепости: рекам, ручьям, лесным массивам. Формирование станов строилось по принципу разграничения отдельных локальных групп сельских поселений, поэтому наличие станов — показатель хозяйственного развития уезда.

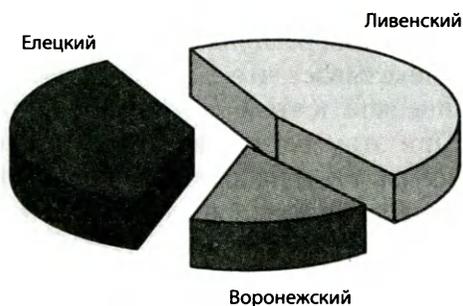
Анализ платежной (дозорной) книги по Ливенскому уезду показывает, что население составляло примерно 5—6 тыс. человек. Основную часть жителей составляли дети боярские — 3620—4345 чел. или 72,4% населения уезда. Большая часть помещиков на своих землях не имела крестьян и бобылей и являлась однодворцами²². На долю крестьянства приходилось менее 30% населения уезда. Надо отметить, что достоверные документы, упоминающие о крестьянах в этом регионе, относятся только к 1615—1622 годам²³. В Елецком уезде, согласно переписи 1615 г., проживало от 4000 до 4750 детей боярских (без учета г. Ельца).

В целом, можно сказать, что Ливенский и Елецкий уезды к 1615 г. представляли собой слабозаселенную территорию с общим населением в 10—12 тыс. чел., причем на левобережье Быстрой Сосны приходилось около 80% жителей. Основная часть населенных пунктов уездов располагалась в комфортных для хозяйственной деятельности местах — возле лесных массивов и при наличии водных ресурсов — рек и ручьев. Относительная удаленность отдельных населенных пунктов от лесов и водных объектов в среднем не превышала 1—2 км²⁴.

Перепись 1615 г. по Воронежскому уезду не фиксирует отдельных станов в рамках формировавшегося уезда, имеет довольно сложную структуру, что непосредственно могло повлиять на подсчет как примерной численности населения уезда, так и распределения земельных угодий²⁵.

В уезде были зарегистрированы 322 помещика, из которых 269 являлись взрослыми мужчинами, 15 — вдовами, а остальные были недорослями. Они проживали в 3-х слободах, 8-и селах, 19-и деревнях и 8-и починках²⁶. Таким образом, примерная численность помещиков в уезде не превышала 1900 человек.

Диаграмма 1.
Численность помещиков в Ливенском, Елецком и Воронежском уездах по данным на 1615 г.

Малочисленность первопоселенцев на фоне огромных природных ресурсов очевидна, ведь общая площадь трех уездов составляла около 80 000 кв. км.

Приведем сведения о хозяйственном освоении уездов в 1615 году. Общая структура земельного фонда Ливенского уезда (с учетом земель, закрепленных за жителями слобод крепости Ливны) была следующей: пашня равнялась почти 21 510 четям земли, из которых 17 031 составляли «добрую землю». «Дикого поля» у разных категорий населения в уезде насчитывалось 161 925 четей земли, а всей земли — 183 435. Таким образом, пашня с учетом переложной земли составляла всего 11,8% от всей площади земель, а «добрая земля» и того меньше — 9,4%. То есть, почти 9/10 земли, бывшей во владении населения, представляло собой «дикое поле» — целину, совершенно не введенную в с/х оборот. Сенокосные угодья также являлись огромными массивами земли — всего 108 614 копен.

Доля «порозжей земли» во всем уезде равнялась 9,5%. Связано это было с тем, что запустения во владениях слободских жителей зарегистрированы не были, а в Красном и Серболовом станах являлись совсем незначительными.

В Воронежском уезде у детей боярских пашни паханной «доброй земли» числилось почти 1290 четвертей, пашни паханной в перелог 1512 четвертей, а также 48 504 четверти «дикого поля». Таким образом, помещичья пашня занимала всего 1/17 от предоставленного фонда свободных земель, что указывает на сложности освоения целины вследствие нехватки рабочих рук и слабой заселенности. Атаманская пашня, прикрепленная к 4 слободам, распределялась следующим образом: «добрая пашня» — 112 четей, земля паханная «наездом» — 167, дикого поля — 6714 четей.

За тремя монастырями числилось монастырской и крестьянской паханой пашни 312 четей, дикого поля вместе с «наезжей» землей было 2388 четей. Таким образом, 1/7 монастырского земельного фонда была введена в постоянный севооборот, и это было возможным во многом благодаря наличию крестьян при монастырях, а также меньшим земельным площадям по сравнению с дворянскими угодьями.

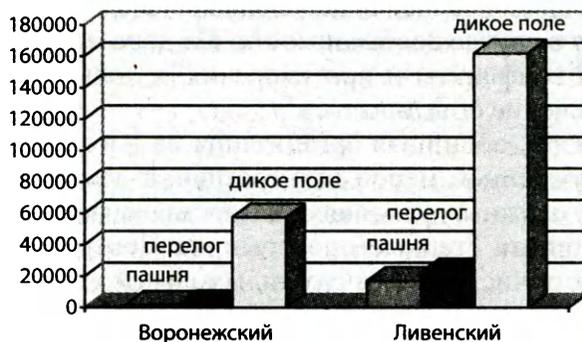
Доля порозжих земель в Воронежском уезде составляла 650 четвертей в четырех деревнях, и главной причиной запустения являлись набег «ногайских людей». Итак, всего в Воронежском уезде в 1615 г. было: распаханной земли — 1880 четей, перелога и «порозжей» — 2160, дикого поля — 57604 чети.

В 1615 г. прошло около 20 лет с момент основания Ельца и около 30 после строительства Ливен и Воронежа. За это время прошел первый этап хозяйственного освоения региона Верхнего Подонья. Изучение данных переписи 1615 г. показывает, что занятие сельским хозяйством и другими видами экономической деятельности проходило в сложных, экстремальных условиях. При этом регион постоянно подвергался татарским нападениям, как крупным, так и небольшим, больше напоминавшим разбойные рейды. Кроме несения военной службы служилое население имело целый ряд обязанностей: строительство укреплений, валов, струговое дело, летние и зимние службы (посылка по вестям, патрулирование степи и проч.), государственный оброк («на государев обиход»), сопровождение

послов до Азова и обратно, сменная служба в пограничных крепостях, доставка хлеба и овса в пограничные остроги и крепости и т.д. Почти все местные служилые люди несли тягло, платя государству в основном хлебом, и незначительную часть — деньгами ²⁷.

Диаграмма 2.

Структура земельного фонда Ливенского и Воронежского уездов в 1615 г.

Катастрофическая нехватка рабочих рук, постоянная военная опасность, старые лесные массивы и «дикое поле» — все это вынуждало первопоселенцев объединяться в сообщества — общины ²⁸. Община была закономерной формой социальной организации местного «мира», направленной на эффективное освоение окружающего ландшафта. Прежде всего, община была необходима для земельной распашки «дикого поля».

В 1628 г., когда составлялось новое, более подробное писцовое описание, отмечалось, что помещики пахут пашню вместе («вопче») через десятину ²⁹. Здесь можно также встретить любопытные данные о вдовах и сиротах, на землях которых нет крестьян, однако размер их пашенной земли в среднем такой же, как у прочих помещиков ³⁰. Очевидно, что вдовы и недоросли не могли самостоятельно справиться с распашкой обширного участка, превышавшего 2 и более га.

Конечно, община была условной единицей, не имевшей юридического оформления, хотя она и признавалась государством как реальность сельской жизни. Земли, принадлежавшие помещику, вне зависимости от его статуса, официально являлись частным, а не коллективным владением ³¹. Община способствовала поддержанию внутренней взаимопомощи, перераспределяя ресурсы в случае необходимости. Это хорошо заметно на материалах смотров 1622 г. («десятен») ³². Согласно материалам смотра, в уезде проживали вдовы и девушки-сироты, которые владели «прожитками» до 30 четвертей земли (около 15 га) и не имели крестьян ³³. Обработка их пашни, вне зависимости от размера, из-за чересполосного деления земли (пашни через десятину) могла происходить только с участием соседей.

Важно обратить внимание на то, что сельские поселения в 1615 г. были довольно многочисленными в сравнении с другими регионами страны. Например, в Воронежском уезде к 1627 г. на одно поселение в среднем приходилось более 35 дворов, тогда как на территории Русского Севера — 5, а в Новгородском уезде — около 7 дворов ³⁴. Это обстоя-

тельство связано с наличием общинного начала, объединявшего помещиков для совместного ведения хозяйства³⁵.

Сельский «мир» Юга России с самого начала контролировал внутренние хозяйственные и имущественные отношения своих членов, распределяя ресурсы так, чтобы были обеспечены в достаточной степени все, включая вдов и сирот. Американский историк Б. Девис называл такие сельские общины «деревенскими коммунами», указывая на их особую «братскую» сплоченность и коллективизм³⁶. Однако важно отметить, что Ляпин, изучая формы поведения населения Юга, показал подобную сплоченность только в случае необходимости. На деле местный «мир» постоянно раздирали конфликты и противоречия, и только общие трудности вынуждали население объединяться³⁷.

Таким образом, общинная организация на Юге России с самого начала была вынужденной мерой интегративной деятельности общества, оказавшегося в сложных условиях. Татарская опасность и стремление России присоединить степные пространства Центрального Черноземья приводили к росту численности служилых людей и, прежде всего, детей боярских. При этом крестьянские дворы в южных уездах были немногочисленны и распределены неравномерно. В местных уездах с самого начала их истории сформировался особый тип служилого землевладения, где преобладал слой мелких собственников (однодворцев) при недостаточной численности крестьян. Община, как основа социальной организации местного населения, была исторически вынужденной мерой, направленной, прежде всего, на эффективную распашку уездных земель. Однако со временем на общину распространились социально-бытовые, а также юридические нормы, характерные для Центрального Черноземья в целом.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 8—39—20001 мол_а_вед

1. ГЛАЗЬБЕВ В.Н. Заселение городов-крепостей Центрального Черноземья в контексте социальной политики российского правительства в конце XVI в. В кн.: Столица и провинция: история взаимоотношений. Материалы Шестой региональной научной конференции. Воронеж. 2012. с. 7—11; ЛЯПИН Д.А. Елецкие дети боярские в конце XVI в. В кн.: Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества: материалы международной конференции. Тамбов. 2003. с. 241—244; ПАПКОВ А.И. Освоение российским государством южных окраин в XVI в. — Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013, № 1 (144), с. 63—81.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1209.
3. ВОЛОДАРСКИЙ Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М. 1977.
4. БАГАЛЕЙ Д.И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края. Отзыв об исследовании И.Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства». СПб. 1896; ЕГО ЖЕ. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков. 1890; ЕГО ЖЕ. Заселение Харьковского края и общий ход его культурного развития до открытия университета. Харьков. 1889.
5. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Н.А. Четвертное право. М. 1899.

6. БУТАНОВ В.И. Крестьянские войны в России XVII— VIII вв. М. 1976; ЗИМИН А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М. 1986; СКРЫННИКОВ Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л. 1985; СМЕРНОВ И.И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951.
7. ВАЖИНСКИЙ В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж. 1974.
8. ЖУКОВ Д.С., ЛЯМИН С.К., КАНИЩЕВ В.В. Фронт и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII— VIII вв. — Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013, № 10 (126), с. 6—9; ИХ ЖЕ. Эвристический потенциал фрактального моделирования процессов включения южнорусского фронта в состав России в XVII — середине XIX вв. В кн.: Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Тамбов. 2014, с. 233—248; МИЗИС Ю.А., КАНИЩЕВ С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI — первой половине XVIII в. в отечественной историографии. — Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011, № 1, с. 9—16.
9. ПАПКОВ А.И. Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород. 2004; ЕГО ЖЕ. Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века. — История: факты и символы. 2017, № 4 (13), с. 24—36.
10. ПІРКО В.О. Заселення Степової України в XVI— VIII ст. Донецьк. 1998; ЕГО ЖЕ. Оборонні споруди в межириччі Дніпра і Сіверського Дінця (історичний нарис з уривками джерел і планами споруд за другу половину XVII— VIII ст.). Донецьк. 2007; ЧЕПИГА Г.Г. На южной окраине Российского государства. Донбасс в XVI— VII вв. — Музейный вестник Республики. 2017, № 1, с. 299—341.; ЕГО ЖЕ. Украинская линия и ее роль в заселении Юго-Восточной Украины: историография проблемы. — Наука. Религия. Общество. 2008, № 1, с. 240—247.
11. КАМАРАУЛІ Е.В. Динамика землевладения и изменения в персональном составе служилых землевладельцев Воронежского уезда в период от разбора 1621/22 года до писцового описания 1627—1629 годов. — История: факты и символы. 2017, № 4 (13), с. 15—23; ЕГО ЖЕ. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда). — Там же. 2018. № 3 (16), с. 97—105.
12. ЛЯПИН Д.А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI— VII веках (историко-генеалогическое исследование). Елец. 2008; ЕГО ЖЕ. Крупное вотчинное землевладение и колонизация земель Верхнего Дона в 30—50-е годы XVII века. — Россия-Запад-Восток: Археология. История. Право. Философия. Вып. 22—23 (1—2). Елец. 2013, с. 24—31; ЕГО ЖЕ. Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI — начале XVIII веков. — Гуманитарные и юридические исследования. Вып. 3. Ставрополь, 2017, с. 57—64. LYAPIN D. A. The social composition of the service class and urban population of the south of Russia in 1640—1650-ies. — Былые годы. Российский исторический журнал. 2016, № 41 (3), с. 585—593.
13. ЛЯПИН Д.А., ЖИРОВ Н.А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI — начале XVII веков. — Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 3. 2013. М. 2013, с. 283—288; ИХ ЖЕ. Динамика численности населения Юга России в конце XVI — начале XVIII вв. (на примере Ельца). — Гуманитарные и юридические исследования. Вып. 3. Ставрополь. 2016, с. 93—97; ИХ ЖЕ. Динамика социальной организации городов юга России в контексте урбанизации и освоения региона в конце XVI — первой половине XVII вв. — *Filo Ariadne*. 2016, № 2, с. 24—37.
14. МАЦУК М.А. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/1616 году. Ч. II. Сыктывкар. 2001.
15. ЧЕРЕПНИН Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV— V вв. М. 1960.
16. ЛЯПИН Д.А. Елецкие дети боярские в конце XVI в., с. 241—244.
17. ГРЕКОВ Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.-Л. 1940; КОРЕЦКИЙ В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 1970.
18. РГАДА, ф. 141. 1593, д. 1.

19. Там же, д. 1, л. 61.
20. Елецкий уезд в начале XVII века. Елецкие десятины и платежные книги. М. 2011.
21. ЛЯПИН Д.А. В интересах «мира»: формы поведения сельского населения Юга России в XVII в. — *Novogardia*. Электронный журнал. 2019, № 1.
22. ЕГО ЖЕ. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI—VII веках, с. 41—46.
23. Елецкий уезд в начале XVII века.
24. ЛЯПИН Д.А., ЖИРОВ Н.А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI — начале XVII веков, с. 286.
25. ПОПОВ П.В. Территория и население Воронежского уезда в 1615 году. — 10 корпус. 2015, с. 76—82.
26. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские писцовые книги. Т. II. Воронеж. 1891.
27. МАЦУК М.А. Фискальная политика Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар. 2007, с. 163.
28. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Н.А. Четвертное право; DAVIES L.B. *State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635—1649*. N.Y. 2004; STEVENS BELKIN C. *Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia*. Northern Illinois. 1995, p. 146—147.
29. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 132, л. 173.
30. Там же, л. 900.
31. ЧИЧЕРИН Б.Н. Опыты по истории русского права. М. 1858, с. 50.
32. РГАДА, ф. 210, оп. 4, д. 87.
33. Там же, д. 290—292об.
34. КАМАРАУЛИ Е.В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда). — *История: факты и символы*. 2018, № 3 (16), с. 101.
35. ДЕГТЯРЁВ А.Я. Русская деревня в XV—VII веках: Очерки истории сельского расселения. Л. 1980; КОЛЕСНИКОВ П.А. Северная деревня в XVI — первой половине XIX в. Вологда. 1976; КОПАНЕВ А.И. Крестьяне русского Севера в XVII в. Л. 1984.
36. DAVIES L.B. *State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635—1649*, p. 117—147.
37. ЛЯПИН Д.А. В интересах «мира»: формы поведения сельского населения Юга России в XVII в.

Антикитайские настроения в США в последней четверти XIX в.

В.В. Ярыгин

Аннотация. В публикации исследуются причины и проявления антикитайских настроений в последней четверти XIX в. среди американцев. Синофобия была серьезным фактором общественной жизни и повлияла на иммиграционную политику Соединённых Штатов. Рассматривается также эволюция иммиграционного законодательства США в указанный период в отношении китайцев.

Ключевые слова: общественное мнение, синофобия, антикитайские настроения, рестрикционизм, китайская иммиграция, иммиграционная политика США в конце XIX в.

Abstract. In this publication examines the reasons and expressions of anti-Chinese sentiments among Americans in the last quarter of the XIX century. Sinophobia was a serious factor of a social life and had an influence upon US immigration policy. Also considers an evolution of the USA immigration legislation in that period in respect to the Chinese.

Key words: public opinion, sinophobia, anti-Chinese sentiments, restrictionism, Chinese immigration, USA immigration policy at the end of the XIX century.

В период с 2000 по 2015 г. в США прибыло около 20,417 млн. мигрантов из Азии, увеличив, таким образом, долю азиатского населения страны на 72% по сравнению с концом XX века. Из них китайцы (включая выходцев из Тайваня) — самая большая группа, составившая почти четверть азиатских американцев, составили 5 млн. (4, 948 млн.) человек ¹. Эти цифры красноречиво показывают, что на данный момент прибытие на американскую землю выходцев из Поднебесной происходит вполне успешно и не вызывает жесткого отторжения со стороны местного населения.

Но так было далеко не всегда. В последней четверти XIX в. среди американцев получили широкое распространение антикитайские настроения откровенно шовинистического толка. Примером может служить цитата из статьи демографа Ричмонда Майо-Смита об иммиграции в США, в которой он писал, что «китайские орды нельзя ставить в сравнение со 60 миллионами сытых, одетых и образованных американцев. Мы — великая и могущественная нация, и мы не увеличим нашу мощь простым ростом

Ярыгин Вадим Владимирович — кандидат исторических наук. Брянск. E-mail: yaryginvv84@gmail.com.

Yarygin Vadim V. — candidate of historical science. Bryansk. E-mail: yaryginvv84@gmail.com.

нашей численности»². Подобного рода высказывания можно было услышать и из уст высокопоставленных политиков. Джордж Вест, сенатор-демократ из Миссури, 27 апреля 1882 г. на заседании верхней палаты Конгресса не стеснялся в выражениях: «Они (китайцы. — *В.Я.*) — паразиты, как те насекомые, которые прицепляются к овощам или животным и кормятся и кормятся. И только насыщение заставляет их ослабить хватку»³.

Впервые китайцы начали приезжать в США вскоре после «Золотой лихорадки» 1849 года. Компания «Central Pacific Railroad» рекрутировала китайских «кули» для строительства железных дорог на Западном побережье США⁴. При этом в Калифорнии азиаты были вытеснены с работы, как только необходимость в них отпала. «Central Pacific Railroad» не сделала ничего для их защиты от насилия со стороны толпы после окончания строительства железной дороги⁵.

В 1868 г. был подписан Берлингеймский договор, юридически оформлявший дипломатические отношения между США и Китаем, пятая статья которого разрешала «свободную миграцию и эмиграцию»⁶. Через несколько лет после подписания договора Конгресс США принял серию актов об издании книг справочного характера для иммигрантов, приезжающих либо планирующих переселение в страну. Эти руководства содержали подробную информацию о государственном устройстве, штатах, законах, климате, географии и животном мире Америки; были снабжены подробными указаниями, предостережениями и советами по поводу того, как обустроиться в США и начать делать свои «первые шаги»⁷.

С этого момента на западное побережье США хлынул поток азиатских переселенцев и законтрактованных рабочих. Статистические сборники того времени фиксировали волнообразный рост числа прибывавших китайцев. Пик пришелся на 1882 г. — 39 579 человек⁸. В 1879 г. будущий госсекретарь в администрации трех президентов, республиканец Джеймс Блейн в сенате так и заявил: «... сейчас гораздо дешевле доставить человека из Шанхая или Гонконга в Сан-Франциско, нежели из Омахи»⁹. В 1880-х гг. китайцы составили уже 9% населения Калифорнии: они «монополизируют кварталы в больших городах, выводят наружу своих женщин, строят свои кумирни, свои опиумкурильни, свои театры, свои игорные дома и другие институты Китайской цивилизации, которые позволяют им быстро обжиться в Америке как дома»¹⁰. Естественно, такое поведение, неспособность, да и нежелание китайцев (часть которых приезжала на время и не намеревалась оставаться навсегда в США) ассимилироваться в американское общество порождали острую реакцию со стороны местного населения.

В сложной социальной системе быстро развивавшейся этнически пестрой Калифорнии они были самой притесняемой, всегда «виноватой» группой. Антикитайское движение на Дальнем Западе распространилось на всю страну и открыло путь всеобщей травле иммигрантов¹¹. Республиканец Хорас Дэвис из Калифорнии на заседании Палаты представителей летом 1878 г. констатировал, что вопрос об ограничении въезда китайцев объединяет практически всю страну «кроме небольшого круга лиц, получающих выгоды от дешевого труда; настроения людей практически единодушны. Включая обе политические партии, все национальности, все классы общества»¹².

Дело доходило и до погромов, самый известный из которых произошел в городке Рок-Спрингс (на тот момент территория Вайоминг) 2 сентября 1885 года. Причиной послужило увольнение с работы белых горняков компанией «Union Pacific» и замена их китайцами, которым платили существенно меньше (в Калифорнии, например, заработная плата китайского рабочего была на 10—40% меньше заработной платы белого за аналогичный труд¹³). После того, как толпа захватила чайнатаун, китайцев предупредили, чтобы они покинули город в течение часа во избежание столкновений. Требование выполнено не было, вследствие чего начался погром. В результате было убито 28 китайцев, 14 были тяжело ранены, уничтожению и разграблению подверглись дома иммигрантов. Многим азиатам удалось скрыться в окрестных холмах. Обеспокоенное правительство решило отправить федеральные войска для подавления антикитайских выступлений и обеспечения безопасности китайского населения¹⁴.

Американские рабочие и представители мелкой буржуазии требовали у законодателей защиты от конкуренции со стороны дешевой иностранной рабочей силы (приводились данные, согласно которым китайцы могли жить на 10 центов в день, в то время, как белым рабочим требовалось не меньше 50 центов¹⁵), причем недовольство китайцами распространилось по всей стране: от Атлантического до Тихого океана¹⁶. Политики не могли остаться в стороне от происходивших событий. Республиканец Дж. Блейн констатировал, что «китаец сегодня имеет преимущество перед американским рабочим в любой части страны»¹⁷. Выходцы из Китая преуспели в обувной, сигарной и строительной сферах, а также в сельскохозяйственном секторе, тяжелой индустрии и сфере обслуживания. Они становились прислугой, поварами, работниками прачечных, фермерами, каменщиками, шахтерами, изготавливали сигары и украшения, вытесняя коренных американцев из соответствующих сфер¹⁸. Успехи китайцев в Калифорнии на этом поприще современник назвал «феноменальными»¹⁹. Существенным компонентом в трудовых проблемах Сан-Франциско стал рост конкуренции между белыми женщинами и китайцами за вакансии. Между 1876 и 1880 гг. дневное жалование белой женщины и китайского мужчины при пошиве рубашек в Сан-Франциско упало с 1,25 до 1,1, а затем и до 1 доллара²⁰.

Представители протестантских деноминаций США также выступали против въезда китайцев, заявляя, что они «не могут стать хорошими американцами и не хотят американизироваться и христианизироваться»²¹. «Люди, писавшие Декларацию независимости, и представить не могли приглашать к нам азиатов-язычников, позволять им жить среди нас и становиться американскими гражданами, пока они сохраняют свои языческие верования»²². Помимо этого в ход шли привычные обвинения в распространении инфекционных заболеваний, в первую очередь, проказы, антисанитарии, многоженстве и проституции. Отдельно звучал протест против опиумкурилен: отмечалось, что употребление опиума «гораздо фатальнее и унижительнее, чем алкоголизм, деградирующие эффекты от него проявляются гораздо быстрее, и его практически невозможно вылечить»²³.

В связи с наплывом на западное побережье выходцев из Азиатско-Тихоокеанского региона среди рядовых граждан и руководства стра-

ны стали расти идеи рестрикционизма в отношении приезжающих²⁴. Предлагалось даже ограничить расселение китайцев на территории США каким-либо одним штатом или секцией²⁵. Блейн заявлял, что «азиаты не могут жить с нашим населением и образовывать однородный элемент»²⁶.

Политическая система США и обе главные партии не остались в стороне от вопроса китайской иммиграции и народных требований ее запрета. Американские политики стали озвучивать свои соображения по этому поводу. Один из главных аргументов против приезжающих китайцев со стороны американского политического истеблишмента того времени заключался в том, что китайцы, якобы, не были подготовлены к жизни в демократическом обществе с республиканской формой правления, поскольку веками находились под абсолютной властью своего императора и чиновничества. В докладе комиссии сената Калифорнии говорилось: «Они (китайцы. — *В.Я.*) не понимают систему нашего государственного управления, не демонстрируют гражданский долг, не подходят для избрания в присяжные; не годятся ни в резервисты, ни в действующую армию»²⁷.

Демократы, как известно, во второй половине XIX в. более лояльно относились к прибывающим в Новый Свет иностранцам, нежели республиканцы. Однако это положительное отношение не распространялось на жителей Поднебесной. Начиная с 1876 г. тема ограничения и запрета въезда китайцев стала появляться в предвыборных платформах Демократической партии. За рассматриваемый период демократы не упоминали китайцев в своей предвыборной платформе только один раз — в 1896 г., сосредоточившись исключительно на экономических вопросах²⁸. Этот факт говорит о том, что данная проблема стала достаточно весомой уже в общенациональном плане и перестала волновать жителей исключительно Западного побережья США. Кандидат в вице-президенты от демократов на выборах 1888 г. Аллен Турман, будучи сенатором, еще в 1870 г. утверждал: «Я не думаю, что большая китайская иммиграция в нашу страну желательна. Я не думаю, что это было бы ценным приобретением. Напротив, я считаю, что это было бы серьезным беспокоящим элементом. Расово, цивилизационно, в обычаях, образовании и религии китайцы слишком отличны от наших людей; настолько, что это производит поразительный эффект»²⁹. «Они никогда не станут одним народом с нами»³⁰, — заключал политик.

Если официальная позиция Демократической партии с самого начала была однозначно непримиримой по отношению к азиатам, то воззрения партии Линкольна претерпели постепенную эволюцию в сторону ужесточения и радикализации. В том же 1876 г. в своей платформе республиканцы декларировали не запрет, а всего лишь необходимость «немедленного полного расследования Конгрессом эффектов от иммиграции и ввоза Монголов (так в США тогда называли всех азиатов, и китайцев в том числе. — *В.Я.*)»³¹. Эта формулировка была предложена сенатором Джоном Джонсом из Невады. Четыре года спустя «Великая старая партия» уже вела речь о необходимости «ограничения этой иммиграции путем принятия соответствующих законов»³². Позднее республиканцы объявили китайских рабочих «чуждыми для нашей цивилизации и Конституции»³³. Но уже с 1892 г. упоминания о китайских рабочих стали исчезать из пар-

тийных программ Республиканкой партии, их заменяли общие формулировки об ограничении нежелательной иммиграции вообще ³⁴.

Любопытен также случай, который произошел во время президентской кампании 1880 года. За две недели до выборов приближенная к Демократической партии пресса опубликовала фальшивое письмо кандидата от республиканцев Джеймса Гарфилда некоему Л. Морли, в котором он, якобы, высказывал одобрение китайской иммиграции. Гарфилд и республиканцы поспешили откреститься от письма и объявили его подделкой. Провокация не удалась, хотя есть версия, что из-за нее Гарфилд недополучил голосов выборщиков в нескольких штатах. Проживавший тогда в США русский эмигрант и бизнесмен П. А. Тверской назвал это письмо «самым наглым подлогом» ³⁵.

Справедливое волнение вызывала и проблема охраны здоровья граждан США. Азиатские иммигранты служили переносчиками оспы, чумы и других серьезных заболеваний. Исследование, проведенное доктором Дж. С. Шорбом, показало прямую связь роста заболеваемости венерическими недугами среди молодых мужчин с деятельностью китайских женщин легкого поведения. Американские врачи констатировали низкий уровень соблюдения гигиены в диаспорах выходцев из Поднебесной, высокую степень запыленности, загрязненность и перенаселенности в помещениях, где последние проживали ³⁶.

Если в 1850-х — 1860-х гг. отношение американцев к приезжающим азиатам было нейтральным, если не сказать положительным, то буквально за полтора-два десятка лет оно кардинально переменялось. Первым законодательным подтверждением представлений об азиатских иммигрантах как угрозе успешного развития Америки стал так называемый «закон Пейджа» от 3 марта 1875 г., запретивший въезд китайских женщин в США с целью заработка посредством проституции и рабочих из Поднебесной империи, отказывавшихся трудиться на предложенных им предприятиях ³⁷. Перепись 1870 г. фиксировала, что подавляющее большинство, примерно 70%, из проживавших тогда в Сан-Франциско китайцев, являлись проститутками ³⁸. Доклад калифорнийского сената 1878 г. сообщал, что «женщин, как правило, держат в рабстве (по крайней мере, тех, кто находится в Калифорнии). Их покупают или похищают в Китае и привозят сюда» ³⁹.

После принятия этого закона число китайцев, въезжающих на территорию Соединённых Штатов с 1876 по 1882 г., сократилось на 68% по сравнению с предшествующим семилетним периодом. Таким образом китайско-американское сообщество выросло более чем на 32 тыс. чел., но доля женщин среди них сократилась с 6,4 до 4,6% (по данным переписей 1870 и 1880 годов) ⁴⁰.

Поскольку волна антикитайских настроений в стране продолжала расти, Конгресс США пошел на конкретные запретительные меры в отношении прибывающих в Новый Свет азиатов. В 1882 г. был разработан «Закон об исключении китайцев», представленный в сенате республиканцем из Калифорнии. Законопроект прямо запрещал въезд в США для поданных Поднебесной на 20 лет, что являлось прямым нарушением положений Берлингеймского договора 1868 года. По этой причине президент Честер Артур наложил на него вето ⁴¹. Конгресс не сумел его преодолеть,

поэтому в билль были внесены поправки. После изменения законопроект запретил въезд азиатам на 10 лет. Китайцы, незаконно прибывавшие в страну, подлежали депортации по решению суда. Тем лицам, которые жили в Америке и покинули страну до 17 ноября 1888 г. с таможенным сертификатом США, разрешалось вернуться ⁴².

Примечательно, что противниками ограничительных мер в отношении азиатов и принятия данного законодательного акта открыто выступили американский посол в Китае Джордж Сьюард, который приходился племянником бывшему госсекретарю Уильяму Сьюарду, и сенатор-республиканец от штата Массачусетс Джордж Хоар, за что подвергся критике со стороны своих же однопартийцев. Он утверждал, что если начать список нежелательных лиц с китайцев, то можно продолжить его, например, ирландцами или любыми иммигрантами, прибывающими в США. Сьюард писал, что «китайцы ассимилируются с нами, как только мы позволим им это сделать» ⁴³. Но это были редкие голоса в общем хоре сторонников рестрикционизма. Три года спустя после принятия «Закона об исключении китайцев» был введен запрет на ввоз законтрактованных рабочих на территорию Соединённых Штатов ⁴⁴. Результатом этих запретительных законодательных инициатив, как показывает статистика, стало резкое снижение китайской иммиграции. Однако нельзя сказать, что антикитайская риторика исчезла из американской общественной жизни.

Республиканец Генри Кэбот Лодж писал в 1891 г.: «Когда этот огромный резервуар дешевого труда открылся, и его потоки затопили Соединённые Штаты, американцы, сначала на Западном побережье, а потом везде, были напуганы этим потоком рабочих низших классов, которые могут окончательно уничтожить хорошие расценки жалования для американских рабочих» ⁴⁵. «Настало время для здравого и действенного ограничения иммиграции» ⁴⁶, — продолжал политик.

В 1892 г. был принят закон, представленный конгрессменом-демократом из Калифорнии Томасом Гири, который пришел на смену закону 1882 года. В нем азиатская трудовая иммиграция на территорию США запрещалась еще на 10 лет. Принятие такого закона вызвало волну протестов со стороны китайцев, а также возмущение китайского правительства, заявившего об антигуманной направленности документа ⁴⁷. В защиту своего законопроекта Гири заявлял, что возмущение китайцев — это не результат принятого закона, а следствие «игнорирования правительства и нежелания добровольно исполнять разумные законы; и их возможная депортация является результатом их собственных действий. И это не предполагалось, когда закон принимался. Закон предназначался исключительно для предотвращения дальнейшей иммиграции китайцев в Соединённые Штаты, и депортация тех, кто находится на законном основании, не являлась его целью» ⁴⁸. Гири видел в запрете въезда для китайцев меру для «сохранения американской цивилизации на Дальнем Западе и защиты американского труда от китайской конкуренции» ⁴⁹. Впоследствии, в 1902 г., иммиграция из Поднебесной была запрещена бессрочно. Данный запрет утратил силу только с принятием закона Магнусона в 1943 году.

Рассматривая американскую синофобию в последней четверти XIX в., следует отметить одну деталь: несмотря на широкое распростра-

нение антикитайских настроений в тогдашнем американском обществе, жители США, разделявшие эти настроения, так и не создали однородной политической или общественной организации для осуществления своих требований. Они действовали в рамках уже существующих. Иными словами, антиазиатские расисты в Америке не организовались в какое-либо сплоченное общенациональное движение на подобие Ку-Клукс-Клана, и не создали собственную партию, которая бы превратилась в «партию одной проблемы». Подобное, как известно, произошло в последней трети XIX в. с гринбекерами, членами трезвеннического движения и популистами, которые «поднимали на щит» только какой-то один конкретный общественно-важный вопрос, будь то эмиссия бумажных дензнаков, алкоголизм или неограниченная чеканка серебряных долларов.

Примечания

1. ГАРУСОВА Л.Н., ЖУРБЕЙ Е.В., ВЛАДИМИРОВА Д.А. Китайские иммигранты в США: историческая ретроспектива. — Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018, № 2, с. 12—13.
2. MAYO SMITH R. Control of immigration III. — Political Science Quarterly. 1888, vol. 3, № 3 (Sep., 1888), p. 417.
3. The political reformation of 1884. A Democratic Campaign book. N.Y. 1884, p. 236.
4. Historical Dictionary of the Gilded Age. Lanham, Md. 2009, p. 39.
5. BLACK I. American labour and Chinese immigration. — Past & Present. 1963, № 25 (Jul. 1963), p. 61.
6. Burlingame treaty, 1868. In: Encyclopedia of American Historical Documents. N.Y. 2004, p. 1132.
7. МОЗГИНА К.А. Проблема «восточного исключения» в иммиграционной политике США во второй половине XIX — начале XX в. — Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016, № 3, с. 59—60.
8. Statistical Abstract of The United States. 1883. Washington. 1884, p. 132; Statistical Abstract of The United States. 1891. Washington. 1892, p. 219.; Statistical Abstract of The United States. 1900. Washington. 1901, p. 399.
9. BLAINE J., VAIL W. The words of James G. Blaine on the issues of the day: embracing selections from his speeches, letters and public writings: also an account of his nomination to the presidency, his letter of acceptance, a list of the delegates to the National Republican Convention of 1884, etc., with a biographical sketch: together with the life and public service of John A. Logan. Boston. 1884, p. 118.
10. DEE M.J. Chinese Immigration. — The North American Review. 1878, vol. 126, № 262 (May-Jun. 1878), p. 517.
11. БОГИНА Ш.А. Иммигрантское население США 1865—1900 гг. Л. 1976, с. 217.
12. DAVIS H. Speech in the House of Representatives, June 8, 1878. Washington. 1878, p. 3.
13. DURST J.H. The exclusion of the Chinese. — The North American Review. 1884, vol. 139, № 334 (Sept. 1884), p. 262.
14. ЧИНЯКИН И.В. Антикитайский погром на территории Вайоминг в 1885 году: причины, ход, последствия. В кн.: Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. Сб. материалов XIII Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 24—26 апреля 2017 г.). Т. I. Томск. 2017, вып. 13, с. 407.
15. Chinese immigration; social, moral, and political effect. Report of The California State Senate of its Special Committee on Chinese immigration. Sacramento. 1878, p. 49—50.
16. Chicago daily tribune. 1876, May 21, p. 2; The Pacific commercial advertiser. 1876, June 10, p. 3; Chicago daily tribune. 1877, March 10, p. 9; Idaho semi-weekly world. 1877, August 28, p. 2; Morning appeal. 1878, August 9, p. 2; Daily globe. 1878, October 28, p. 2; The New York Herald. 1879, February 25, p. 3; Eureka daily sentinel. 1879, March 27, p. 3; Weekly trinity

- journal. 1879, December 6, p. 2; Memphis daily appeal. 1880, September 21, p. 4; The weekly miner. 1880, November 9, p. 4; Idaho semi-weekly world. 1882, April 11, p. 1; The semi-weekly miner. 1885, October 3, p. 1; Sacramento daily record-union. 1885, December 11, p. 2.
17. BLAINE J., VAIL W. Op. cit., p. 119.
  18. МОЗГИНА К. А. Социокультурный контекст китайской и японской иммиграции в США в конце XIX — начале XX в. — Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015, № 7, с. 37.
  19. GILLIAM E. W. Chinese Immigration. — The North American Review. 1886, vol. 143, № 256 (Jul. 1886), p. 31.
  20. GARDNER M. M. Working on white womanhood: white working women in the San Francisco Anti-Chinese movement. — Journal of Social History. 1999, vol. 33, № 1 (Autumn, 1999), p. 77.
  21. CAPP C. S. The Church and Chinese immigration. A consideration of the question: "What ought to be the attitude of the Church and Christian people towards the efforts made to prevent the coming of Chinese to this country. San Francisco, Cal. 1890, p. 5.
  22. Ibid., p. 22.
  23. Ibid., p. 14.
  24. Eureka daily sentinel. 1886, February 17, p. 2; Lewiston teller. 1886, September 23, p. 4; The Salt Lake herald. 1887, December 30, p. 1; Butte semi-weekly miner. 1887, December 31, p. 1; Waco evening mews. 1889, January 4, p. 2; Workmen's advocate. 1889, September 14, p. 4; The Pacific commercial advertiser. 1890, January 28, p. 2; The daily morning Astorian. 1890, July 9, p. 1; The McCook tribune. 1890, August 15, p. 3; The Seattle post-intelligencer. 1890, December 13, p. 1; The Weekly Tribune. 1891, October 31, p. 1.
  25. DURST J. H. Op. cit., p. 268.
  26. BLAINE J. Political discussions, legislative, diplomatic, and popular 1856—1886. Norwich, Conn. 1887, p. 224
  27. Chinese immigration; social, moral, and political effect. Report of The California State Senate of its Special Committee on Chinese immigration, p. 9.
  28. Democratic Party Platform of 1876. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1876-democratic-party-platform>; Democratic Party Platform of 1880. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1880-democratic-party-platform>; Democratic Party Platform of 1888. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29584>; Democratic Party Platform of 1892. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1892-democratic-party-platform>; Democratic Party Platform of 1896. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1896-democratic-party-platform>; Democratic Party Platform of 1900. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1900-democratic-party-platform>.
  29. The campaign text book of the Democratic Party of The United States for the presidential elections of 1888 prepared in direction of The National Democratic Committee. N.Y. 1888, p. 382.
  30. Ibid., p. 382.
  31. Republican Party Platform of 1876. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1876>.
  32. Republican Party Platform of 1880. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1880>.
  33. Republican Party Platform of 1888. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1888>.
  34. Republican Party Platform of 1892. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1892>; Republican Party Platform of 1896. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1896>; Republican Party Platform of 1900. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1900>.
  35. ТВЕРСКОЙ П. А. Очерки Северо-Американских Соединённых Штатов. СПб. 1895, с. 71.
  36. МОЗГИНА К. А. Проблема «восточного исключения» в иммиграционной политике США во второй половине XIX — начале XX в., с. 61.
  37. Там же, с. 60
  38. ABRAMS K. Polygamy, prostitution and the Federalization of Immigration Law. — Columbia Law Review. 2005, vol. 105, № 3 (Apr. 2005), p. 653.

39. Chinese immigration; social, moral, and political effect. Report of The California State Senate of its Special Committee on Chinese immigration, p. 14.
40. PEFFER G.A. Forbidden families: emigration experiences of Chinese women under the Page Law, 1875—1882. — *Journal of American Ethnic History*. 1986, vol. 6, № 1 (Fall, 1986), p. 29.
41. Presidential Vetoes, 1789—1988. Washington. 1992, p. 62.
42. КУЧЕР Н.А. К вопросу о периодизации иммиграционной политики США в XIX в. — *Известия Алтайского Государственного Университета*. 2012, № 4—1 (76), с. 146.
43. SEWARD G.F. Mongolian Immigration. — *The North American Review*. 1882, vol. 134, № 307 (Jun. 1882), p. 565.
44. Contract Labor Act. In: *Select statutes and other documents illustrative of the History of the United States 1861—1898*. N.Y. 1903, p. 339—342.
45. CABOT LODGE H. The restriction of immigration. — *The North American Review*. 1891, vol. 152, № 410 (Jan. 1891), p. 32.
46. CABOT LODGE H. Lynch law and unrestricted immigration. — *The North American Review*. 1891, vol. 152, № 414 (May 1891), p. 611.
47. САВЕЛЬЕВА А. В. Опыт государственного регулирования иммиграции из Китая (на примере США второй половины XIX в.). — *Известия Алтайского государственного университета*. 2009, № 4—2, с. 179.
48. INGERSOLL R.G., GEARY T.J. Should the Chinese be excluded? — *The North American Review*. 1893, vol. 157, № 440 (Jul. 1893.), p. 58—59.
49. *Ibid.*, p. 67.

Историография обычного права финно-угорских и самодийских народов Западной Сибири.

А. Я. Козинцев

Аннотация. В публикации проводится анализ существующей историографии по проблемам обычного права уральских народов Западной Сибири. Рассматривается вклад исторических, этнографических и правовых исследований в формирование представлений о системе обычного права малых народов.

Ключевые слова: обычное право, уральские народы, экзогамия, эндогамия.

Abstract. The study analyzes historical research on customary law issues of the Uralic peoples of Western Siberia. The contribution of historical, ethnographic and legal studies in the formation of ideas about the system of customary law of small nations is considered.

Key words: common law, Uralic peoples, exogamy, endogamy.

В современных гуманитарных науках возрождается внимание к отдельным забытым научным проблемам. Особый интерес представляет история обычного права народов, находящихся на догосударственной стадии развития, в том числе этносов, проживающих на территории нашей страны. В публикации рассматривается историография обычного права уральских народов Севера Западной Сибири (хантов, манзей и ненцев) в XVII—X веках.

Поначалу ученые просто фиксировали отдельные правовые институты сибирских народов. Первые исследователи XVII и XVIII вв. (Н. К. Витсен, Н. Спафарий, Г. И. Новицкий, П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, Г. Ф. Миллер) отмечали наличие у обских угров многочисленных «князьков» с наследственной властью (скорее всего, родовых старейшин), закрепление отдельных угодий за родами, наличие многоженства, пережитки кузенного брака, неполноправное положение женщины, совмещавшееся с пережитками матриархального рода. Также отмечалось наличие кабального займа.

В. Ф. Зуев подчеркивал наличие матрилокальных пережитков: проживание мужа в доме невесты, сорорат, левират, свободный развод, свобода ухода жены в случае плохого обращения (с условием возвращения калыма). Князцы, в первую очередь, имели судебную власть, что харак-

---

Козинцев Александр Яковлевич — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Сургутского государственного университета. E-mail: Balsak1@yandex.ru.

Kodintsev Alexander Ya. — doctor of Law, candidate of historical sciences, professor of Surgut State University. E-mail: Balsak1@yandex.ru.

терно для древних обществ. Еще в XVIII в. родовые отношения у вогулов и остяков были очень сильными. Роды жили крупными семьями «большими домами»¹.

В 1820-е гг. по инициативе Сперанского была произведена систематическая запись норм обычного права сибирских инородцев. Предполагалось создать свод обычного права сибирцев. Но работа эта так и не была проведена. Сами рукописи были утеряны и сохранились только в виде кратких переложений, опубликованных через 50 лет. Описание обычаев уральских народов Тобольской губернии отражает наличие у них большого количества архаических пережитков. Например, описываются виды языческой присяги, включая медвежью, присягу на угле, на снеге и т. д. Многие споры и конфликты заканчивались примирением. Впрочем, записи обычаев очень противоречивы и часть информации недостоверна.

В то время зародились основные споры об особенностях обычного права народов Западной Сибири. Два века российские и советские ученые спорили о наличии или отсутствии рода у финно-угорских народов, о наличии дуальной экзогамии и т. д.²

Одним из первых обычное право описал шведский исследователь Кастрен. Путешествуя по остяцким владениям, ученый собирал родовые обычаи остяков и не нашел в них отличий от самоедских обычаев. Кастрен обнаружил у остяков большие роды, некоторые из которых, по его словам, достигали нескольких тысяч человек (автор, возможно, принял племена за большие роды). Часть остяков, по его мнению, приняли русские обычаи (но доказательств он не приводит). Оседлые остяки характеризовались высоким уровнем развития общественных отношений. Родовой строй у них быстро разлагался. У кочевых остяков, наоборот, родовые отношения сохранялись.

Кастрен подметил отсутствие четких понятий о частной собственности, невысокий статус богатых соплеменников, крепкие родовые, поддерживающие связи и пр. Он писал, что родственники участвовали в наследовании имущества покойного, подчеркивал простой и скорый характер остяцкого судопроизводства. Князь у них являлся апелляционной инстанцией. Власть наследуется, при отсутствии сына переходит к ближайшему родственнику. Кастрен подчеркивал наличие пережитков ордалий, например, присяги. Исследователь зафиксировал глубоко патриархальное общество, в котором положение женщины принижено, она считается существом «нечистым», выкупается женихом, а сама лишена наследственных прав³.

Исследователи второй половины XIX в. фиксировали падение влияния князей, отмечали отказ от многоженства. К. Д. Носилов подробно проанализировал общинную собственность на угодья. С. К. Патканов описал, как родовая община хантов и мансей замещалась соседской общиной. Х. Лопарев зафиксировал факт начала продажи угодий в частную собственность. А. Г. Воронов отметил исчезновение больших семей у остяков, участившиеся случаи выхода из рода. Все эти авторы подчеркивали наличие экзогамии у финно-угорских народов. К. М. Голодников и А. Г. Воронов собрали большой перечень юридических обычаев остяков и самоедов Тобольской губернии⁴.

Отдельно можно выделить ряд публикаций этнографов и бытовых исследователей, исследовавших обычное право зауральских народов во второй половине XIX века. Многие исследования публиковались в «Тобольских губернских ведомостях», в том числе работы священника П. Краснова, Т. Попова и прочих. Серия юридико-этнографических исследований остяков, вогулов и самоедов была опубликована в «Записках Русского географического общества», «Журнале Министерства внутренних дел», «Известиях общества истории, археологии и этнографии» и других изданиях. Эти наблюдения являются важным источником информации по обычному праву финно-угров и самодийцев ⁵.

Крупный исследователь А. А. Дунин-Горкавович провел анализ правовых основ остяко-вогульской культуры. В частности, он много писал об особенностях югорского правосудия. Также он зафиксировал упадок родовых отношений. Исследователи раскрыли отдельные обряды северных народов, одним из которых являлся правовой обряд медвежьей присяги у остяков и вогулов ⁶.

Первые советские исследователи (Г. А. Старцев, М. Б. Шатилов, А. В. Шмидт) продолжали дореволюционную традицию изучения обычного права уральских народов. Они подчеркивали экзогамность угорской семьи (при этом экзогамный род разрушался), территориальность родовых структур, сохранение власти старшин, калыма, наличие различных укладов. Под воздействием советской политики обычное право угорцев подверглось разрушению ⁷.

В 1940—1990-е гг. родовая система изучалась советскими историками и этнографами. Можно выделить таких исследователей, как Б. О. Долгих, З. П. Соколова, В. Г. Бабаков, В. В. Рабцевич, Н. А. Миненко, В. Г. Марченко, Е. П. Мартынова и др. Диссертация Марченко непосредственно посвящена суду малых народов Сибири. Важный массив историографической информации содержится в работе Соколовой. В 1974 г. она подвела предварительный итог истории изучения социальной организации финно-угорских народов Сибири ⁸.

Большую роль в изучении обычного права сибирских инородцев сыграли исследования В. А. Зибарева. Итогом его научной деятельности стала монография «Юстиция у малых народов Севера (XVII— IX вв.)» (Томск. 1990). Это единственное в своем роде произведение, обобщившее 200-летние исследования в области обычного права малых народов Севера России. В своей работе Зибарев рассматривал эволюцию правовой системы уральских народов в контексте общего развития правовых институтов всех северных народов России. Ученый выделил наиболее достоверные этнографические исследования и обобщал их в стройную картину правового быта северных народов. Он проанализировал основные институты права инородцев, включая охотно-промысловое право.

Обобщение позволило сделать ряд важных выводов: о наличии фратриальной организации рода у финно-угров и ненцев Западной Сибири; о коллективном, а не единоличном характере судебного разбирательства; о наличии принципа справедливости, лежавшего в основе их судопроизводства; о большом значении, придававшемся моральному исправлению, когда обман считался тяжким преступлением, а преступления были редким явлением. Многие открытия Зибарева не утратили своей актуально-

сти до наших дней. Автор описывал правовые явления с позиции историка, правовой подход он применял лишь отчасти ⁹.

В постсоветский период историки и этнографы продолжали изучение обычного права инородцев Сибири. Среди ряда работ особенно выделяется исследование Л. В. Хомич по социальной системе ненцев. Ученый подчеркнула относительную отсталость ненецких родов в досоветский период. Например, до революции господствовал патрилокальный род, сохранялись родовые отношения, имелись пережитки кровной мести. Род был экзогамен. Существовали перекрестные браки, многоженство (старшие и младшие жены). При этом происходил переход к моногамной семье ¹⁰.

Современные исследователи, по-прежнему, сосредоточены на изучении социальной структуры обских народов. И рассматривают право этих народов, как правило, в контексте социальной организации. Например, Е. П. Мартынова повторяет известные сведения об обычном праве хантов. В то же время она подчеркивает большую дифференциацию обычного права. Например, на севере хантыйский народ сохранял пережитки родового строя. Подчеркивая разделение хантов на территориальные общины (на юге) и на родовые (на севере), Мартынова решает ряд историографических проблем, порожденных запутанными высказываниями ученых XIX в., выделяющих то экзогамность, то эндогамность остяцких родов ¹¹.

В исследовании А. Ю. Конева, хотя и не посвященном напрямую обычному праву хантов и манзей, проводится тщательный анализ влияния русского государственного права на финно-угров и трансформации их права под воздействием общероссийского ¹². Чуть позже Конев перешел к детальному изучению обычного права финно-угорских народов, в том числе, к правовому статусу инородческого населения. Например, исследователь отметил факт закрепления норм обычного права в воеводских актах и судебных прецедентах в XVII в. и в инструкциях XVIII века. Проанализировав историю попыток кодификации угорского обычного права, Конев подверг источниковедческому разбору книги записей Обдорской и Юганской управ ¹². Отдельное исследование Конева посвящено проблемам историографии обычного права сибирских инородцев. В частности, автор выявил и проанализировал относительно малоизвестные работы дореволюционных ученых: П. А. Словцова, Н. Фирсова, В. К. Андриевича, П. Н. Буцинского, Н. Н. Оглоблина, С. Прутченко ¹³.

К числу одной из последних работ по данной теме относится монография С. Н. Харючи и др. «Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России» (2009). Исследователи постарались применить спектр научных методов к обычному праву жителей севера, использовать научные подходы и классифицировать обычное право ¹⁴.

В последнее время вышло несколько исследований по правовому развитию северных народов. Так, в 2017 г. С. А. Чернышов защитил диссертацию «Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации» (Томск. 2017). Вскоре была защищена диссертация доктора наук (этнография) Е. В. Переваловой «Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть» (М. 2017).

Наконец в 2016 г. появилась докторская диссертация О. А. Плоцкой «Обычное право пермских народов в Российской империи XVIII—IX вв.: историко-правовой аспект» (М. 2016). Структуру данного исследования можно назвать своего рода образцом для написания подобных работ по обычному праву других северных народов России. Большое внимание автор уделила общетеоретической специфике обычного права пермских народов. Исследуется правовая природа обычая, субъекты права, дается характеристика обычно-правовой системе. Рассматривается земельное, уголовное, процессуальное, наследственное право. Исследователь тщательно рассматривает специфические правовые институты инородцев Предуралья, в том числе, институт взаимопомощи, статус промыслов и т. д. Наконец, Плоцкая подробно раскрывает влияние российского права на право малых народов Урала¹⁵.

Таким образом, основные исследования в сфере обычного права уральских народов были проведены дореволюционными юристами, этнографами и, в некоторой степени, историками. Они рассматривали обычное право северных народов России в контексте родовой системы отношений. Фиксировали некоторые изменения в сфере обычного права. Показывали трансформацию права сибирских народов под воздействием русского обычного права. В то же время советские правоведы, в большинстве случаев, проигнорировали историю обычного права уральцев. Существует немалое количество работ теоретиков права, в которых исследуются нормы обычного права, но они направлены на выявление общих догматических принципов раннего права. Исследований историков права в этой сфере почти нет.

До сих пор ряд этнографических исследований, проведенных в XIX—X вв., не опубликован, не изучен. Исследования обычного права как комплексного явления не было проведено. Надеюсь, что новые поколения ученых проведут собственные изыскания в сфере обычного права уральских народов.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в рамках научного проекта № 18—49—860012.

The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research and the government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra, grant № 18—49—860012.

1. СОКОЛОВА З. П. Социальная организация обских угров. — Социальная организация и культура народов Севера. М. 1974, с. 84—91.
2. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава. 1876, с. 13—25.
3. СОКОЛОВА З. П. Ук. соч., с. 92; Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний. В кн.: Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. Вып. 4. СПб. 1858, с. 304—305, 311—314.
4. ВОРОНОВ А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии. В кн.: Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб. 1900, с. 1—51; ГОЛОДНИКОВ К. М. Юридические обычаи остяков Березовского округа. В кн.: Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск. 1884; СОКОЛОВА З. П. Ук. соч., с. 94—100.

5. Материалы по этнографической истории малых народов Севера. Томск. 1992, с. 108—143.
6. ДУНИН-ГОРКАВОВИЧ А.А. Тобольский Север: общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. Т. 1. СПб. 1904; СОКОЛОВА З.П. Ук. соч., с. 100; ХАРУЗИН Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. М. 1899.
7. СОКОЛОВА З.П. Ук. соч., с. 101—105.
8. КОНЕВ А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX вв.). М. 1995, с. 18—29; МАРЧЕНКО В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России. Дисс. канд. ист. наук. Томск. 1985; СОКОЛОВА З.П. Ук. соч., с. 82—132.
9. ЗИБАРЕВ В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII— IX вв.). Томск. 1990.
10. ХОМИЧ Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М. 1966, с. 141—142, 157—158, 175.
11. МАРТЫНОВА Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М. 1998, с. 35, 75, 110, 150, 185.
11. КОНЕВ Ю. Ук. соч.; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX в.). Сборник правовых актов и документов. Редактор-составитель А.Ю. Конев. Тюмень. 1999.
12. КОНЕВ А.Ю. Народы Северо-Западной Сибири в XIX столетии: обычное право и имперское законодательство. — Отечественная история. 2004, № 2, с. 180—185; ЕГО ЖЕ. Обычное право народов Сибири. Теоретико-методологические аспекты исследования. — Региональные социальные процессы. 2005, № 4, с. 8—14; ЕГО ЖЕ. Правовое положение «новокрещенных иноверцев» Сибири. XVII— VIII века. — Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006, т. 5, № 3-S1, с. 20—25; ЕГО ЖЕ. Правовые аспекты конфессиональной политики в отношении народов Сибири в конце XVI — начале XVIII в. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013, № 12—3 (38), с. 101—107.
13. ЕГО ЖЕ. Изучение законодательства о сибирских народах конца XVI— VIII в. В досоветской историографии. — Клио. 2013, № 4 (76), с. 32—36.
14. ХАРЮЧИ С.Н. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России: монография. М. 2009.
15. ПЛОЦКАЯ О.А. Обычное право пермских народов в Российской империи XVIII— IX вв.: историко-правовой аспект. Автореферат дисс. докт. юрид. наук. М. 2016.

Т. СНАЙДЕР. *Дорога в несвободу: Россия, Европа, Америка*. Нью-Йорк. Тим Дугган Букс. 2018. 359 с.

Автор книги Тимоти Снайдер — профессор истории Йельского университета, работающий также приглашенным профессором в Институте гуманитарных наук в Вене, — автор двух известных, переведенных на русский язык книг: «Реконструкция наций»¹ и «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным»². Рецензируемая работа Снайдера посвящена современной истории России, начиная с 2010 года.

Почему выбран именно этот исторический период, ведь первые работы автора посвящены вопросам, не связанным с современностью? Ответ довольно простой: в каждой своей последующей книге Снайдер все более откровенно формирует и предлагает читателю свою антироссийскую интерпретацию истории. Оценки, данные ранее по эпохам нового и новейшего времени, теперь доводятся до современности. Связующая же нить одна: Россия, и прежняя, и настоящая, была, есть и будет главной угрозой для Запада (Европы и США).

В «Реконструкции наций» 2003 г. Снайдер много и с нескрываемым неприятием пишет о трех разделах Польши конца XVIII в., в результате которых «Речь Посполитая была стерта с карты Европы»³. При этом он не видит никакой вины ни Австрии, ни Пруссии. Виновата только Россия, которая «последовательно аннексировала почти всю территорию Великого княжества Литовского», после чего, в том числе и на основе решений Венского конгресса 1815 г., «стала

властвовать над большинством поляков мира»⁴.

Именно «уничтожение Польши в 1939 г. и Литвы в 1940 г. фашистской Германией и Советским Союзом, — утверждает Снайдер, — создало условия для совершенно иного вида национальной и расовой политики на их территориях. Фашисты и коммунисты творили то, чего никогда не делали ни польское, ни литовское независимые государства: они депортировали и убивали людей сотнями тысяч и даже миллионами на основании предписанной жертвам национальной или расовой принадлежности»⁵. Легко и безответственно оперируя цифрами («миллионы убитыми») и увязывая в одном предложении и тем самым уравнивая нацизм Гитлера и сталинизм, Снайдер заключает, что «практика фашистского и советского режимов принципиальным образом отличалась от того, что происходило в наихудшие времена в Польше и Литве»⁶. То есть, государственная политика Польши по окончательному ополячиванию миллионов белорусов — это, по его мнению, нормально; концентрационный лагерь Берёза-Картузская для белорусских политзаключенных — это не страшно; прямая польская аннексия Тешинской области независимой Чехословакии вслед и вместе с нацистской Германией в 1938 г. — это лишь восстановление исторической территориальной справедливости... И так далее.

В работе же «Кровавые земли» 2010 г., изданной на русском языке при содей-

ствии посольства США в Украине и, как утверждается, сразу же ставшей «мировым бестселлером», пережившим «мгновенно» 29 изданий на 26 языках мира, Снайдер пошел гораздо дальше в своем историческом неприятии и очернении России. Весь контекст книги сводится к утверждению, что фашизм Гитлера и фашизм Сталина — это одно и то же, различия нет никакой: «Две тоталитарные системы совершали одинаковые преступления в одно и то же время, в одних и тех же местах, содействуя друг другу и подстрекая друг друга»⁷. Экспансия и расизм, по мнению автора, — характерные черты германского и советского фашизма.

Слово «фашизм» становится центральным и в книге Снайдера 2018 года. Но теперь уже без гитлеровской Германии. Речь идет о «государственном фашизме» современной России.

Идеология российского государства, заявляет Снайдер, — это фашизм. «Объяснение» следует одно: президент России выбрал своей «путеводной звездой» для формирования государственной политики «фашистского философа Ивана Ильина», который ведет всех «по темной дороге к несвободе» (с. 16). Ильина Снайдер называет не иначе как «автором христианского фашизма» (с. 17), которого власти еще в 1922 г. выслали из страны за поддержку белого движения, а В.В. Путин не только «извлек его из небытия», но и постоянно цитирует в своих посланиях Федеральному собранию (с. 17—18).

Ильин допускает и оправдывает олигархию, правление небольшой группы богачей, как в России 2010 г. (с. 28), когда постсоветская олигархия создала «новый вид авторитаризма» (с. 42). Философия Ильина позволяет создавать и выбирать врагов, вкладывать в сознание населения не

существующие, а потому и не разрешимые проблемы типа перманентной ненависти декадентского Запада по отношению к России (с. 35). При этом Россия никогда и никому не делала плохого, плохое делается всегда только по отношению к России (с. 24).

Ильин, конечно, не один в череде современных российских «фашистов». С 2012 г., пишет Снайдер, началось продвижение на первый план «российских фашистских мыслителей». Вдохновитель и организатор политического клуба Изборск А.А. Проханов — фашист, экономист С.Ю. Глазьев — фашист (с. 91—92, 97)... В категорию фашистов люди зачисляются с неимоверной легкостью и без каких-либо на то оснований и объяснений.

Однако в чем проявляется все это в современной России? И почему это именно фашизм? Ответы, по мнению автора, следующие.

Во-первых, современный российский фашизм заявляет о себе в такой же, как и в прежней истории России, захватнической, имперской внешней политике. Даются и конкретные примеры. Аннексия Крыма и захват Донбаса — свидетельство очевидного и показного «разрастания фашистского государства» (с. 145). Автор называет это «новым проявлением фашизма» и даже придумывает новый термин — *шизофашизм* (с. 145) (курсивом выделено у Снайдера). Именно носители этой российской идеологии, называющие своих оппонентов «фашистами», на самом деле и являются, в оценке Снайдера, «настоящими фашистами, перекладывающими вину за Холокост на евреев, использующими Вторую мировую войну как аргумент для еще большего насилия» (с. 145).

Во-вторых, это возвращение в идеологию и политику «перманентного врага» — декадентского Запада, который был выбран «в качестве врага в значи-

тельной степени потому, что не представлял собой никакой опасности для России» (с. 51, 54). Под Западом здесь понимается и Европа, и Америка.

Логика Снайдера следующая. Россия — экономически и политически слабая страна. По разным причинам она не может стать сильнее. Поэтому политика России — сделать других более слабыми. А самый простой путь сделать других слабее — это сделать их похожими на Россию (с. 249). И такая «фашистская политика» начала активно реализовываться с 2012 г., после выборов Путина на очередной президентский срок посредством работы хакеров, которые вбросили в его поддержку «десятки миллионов киберголосов» избирателей (с. 49). Технологию на России отработали. Теперь встала задача сделать Запад таким как Россия (с. 66). Для этого следует «затащить Европу в Евразию». И потому все отношения России с Европой с того времени Снайдер определяет не иначе как «новый российский мировой евразийский империализм» (с. 108).

В этой своей политике Россия преуспела. Уже в 2014 г. Запад, как считает Снайдер, «становится похожим на Россию» (с. 208). России остается лишь продолжать усиление этого процесса. И вскоре Дональд Трамп «становится инструментом России» (с. 219). Сами того не осознавая, американцы в 2016 г. уже оказались зависимыми от России (с. 233). И далее следует известная история о вмешательстве русских хакеров в выборы президента США.

Еще один сквозной сюжет работы Снайдера — это предложенное в самом начале книги новое терминологическое клише: Россия ведет за собой всех дорогой в несвободу, а это путь от «политики неизбежности» (politics of

inevitability) к «политике неизменности» (politics of eternity).

Подобный политический лексикон Снайдера настолько труден для понимания даже американским историкам, что автору пришлось объяснять его смысл и содержание потенциальным читателям книги «Дорога в несвободу» на страницах «The Guardian»⁸. Под «политикой неизбежности» понимается безальтернативность последовательного, прогрессивного исторического развития (будущее проистекает из настоящего, законы прогресса известны, альтернатив движению вперед нет). Это — своеобразное линейное поступательное развитие общества. «Политика неизменности» означает развитие общества по спирали, когда на каждом новом круге своего развития общество постоянно сталкивается с одними и теми же проблемами (вызовами, опасностями), которые вынуждено в очередной раз преодолевать.

«Политика неизбежности» — это политика Америки, которая изначально выбрала для себя рыночные отношения, которые принесли демократию, которая дала людям счастье, и Европы, которой история дала родившуюся из войн нацию, осознавшую, что мир лучше войны, и выбравшую для себя путь интеграции и процветания. «Политика неизменности» — это удел России, исповедующей тезис, что в основе развития лежат социальные противоречия, ведущие к революции, воплощение идей которой неизбежно заканчивается крахом.

Но именно в такой сценарий развития затягивает Россия в настоящее время Америку и Европу. И это у нее хорошо получается. В 2014 г. Россия вторглась на Украину и аннексировала часть ее территории. Европа и Америка промолчали. Уроки истории из XX в. ни Европа, ни Америка не вынесли. Поколение 2000-х осталось без истории. И потому в новое вре-

мя грядет новая несвобода. Европа и Америка могут повторить то, что уже произошло с Россией: стабилизация массового неравенства, замена политики пропагандой, переход от «политики неизбежности» к «политике неизменности». Первый удачный шаг, по мнению автора, уже сделан: российский кандидат стал президентом Соединенных Штатов. То, что России не удалось сделать в Украине, с успехом реализовано в США. Дело за малым: подчинить себе и Европу, заставив ее действовать по сценарию России. Современный российский фашизм наступает...

Е.В. КОДИН

(доктор ист. наук, проф.,
зав. кафедрой Смоленского гос.
ун-та)

Примечания

1. СНАЙДЕР Т. Реконструкция наций. М.-Вроцлав. 2013. Первоначально книга издана Йельским университетом в 2003 г.
2. ЕГО ЖЕ. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. Киев. 2015. Первое издание книги появилось в 2010 г. в Нью-Йорке в издательстве Basic Books.
3. ЕГО ЖЕ. Реконструкция наций, с. 17.
4. Там же, с. 17—18.
5. Там же, с. 90.
6. Там же.
7. ЕГО ЖЕ. Кровавые земли..., с. 2.
8. <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/16/vladimir-putin-russia-politics-of-eternity-timothy-snyder>.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **M.L. Galas**. Institutionalizing public management ideas of nationhood in the Russian zemstvo system organizations in the first third of XX century. Contributions: **A.V. Borisov**, **V.I. Dolinko**. Criminal-legal counteraction of crime by the police of the Russian Empire in the period from XVIII century to the 1880s; **D.Yu. Znamenskiy**, **N.A. Omelchenko**, **G.M. Sidorova**. To the question of system crisis of Russian society in XVII century, character, basic contradictions and conflict potential of reforms of Peter the Great. Historical publicism: **A.A. Ivanov**, **A.E. Kotov**. Economic publicism in the newspaper “Okrainy Rossii” (1906—1912). For teacher of history: **M.S. Kishchenkov**, **Yu.S. Nikiforov**, **D.V. Tumakov**. Representation of anniversaries of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev in regional periodicals: commemorative practice. International scientific cooperation: **K.A. Golikov**. The joint Russian-Chinese University “Moscow State University–Beijing Polytechnic Institute (PPI)” in Shenzhen as a factor of “soft power”; **B.A. Alimdjjanov**, **Z.A. Altymyshova**. History of the Kashgar branch of the Russian-Asian commercial bank; **A.Kh. Abdurasulov**, **A.T. Zunushov**, **R.S. Salikov**, **B.I. Toktosunov**. Origin of the aboriginal Kyrgyz horse of mountain type. Diplomacy in history: **I.N. Kolesnikov**, **M.V. Dahrendorf**, **I.N. Alexandrova**. Russian diplomats in German states in XVIII century: Prussia, Saxony and Holstein. People. Events. Facts: **M.V. Tretjakov**. The Magadan Civil Aviation Activities in the second half of the 1970s; **S.G. Egorov**. Leadership and organizational aspects of the Local Party Organs in the Kirov region in the early postwar years; **I.D. Borisova**, **D.A. Erin**. The activities of Soviet militia against plunder of socialist property in 1931—1941; **N.A. Zhirov**. Rural “world” and economic development of the territory of the Upper Don region in the early XVII century (Voronezh, Yelets and Livny districts); **V.V. Yarygin**. Anti-Chinese sentiments in the USA in the last quarter of the XIX century. Historiography: **A.Ya. Kodintsev**. Historiography of the customary law of the Finno-Ugric and Samoyed peoples of Western Siberia. Reviews on books: *T. Snyder*. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America (by **E.V. Kodin**).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894**

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 8, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.07.2019. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2970-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru <http://www.redstarprint.ru>

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2019 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**